THE REVIEW OF THE LIBERAL ARTS UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

4 (7) 2014
december

Frequency: 4 times a year

ISSN 2308-8117 (Vestnik Gumanitarnogo universiteta)
Publisher: Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)
Editorial address: 620041, Ekaterinburg,
3, Zheleznodorozhnikov st., office 207
E-mail: ektbriogu@mail.ru

Editor-in-Chief
Doctor of Philosophical Sciences, Prof. L. A. Zaks

The editorial board:
Doctor of Philosophical Sciences, Prof. L. A. Myasnikova
(Deputy Editor-in-Chief)
Candidate of Engineering, Associate Prof. A. V. Agenosov
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. S. D. Balmayeva
Doctor of Philological Sciences, Prof. I. N. Borisova
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Prof. G. A. Brandt
Doctor of Political Sciences, Associate Prof. S. I. Glushkova
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. A. V. Drozdova
Doctor of Psychological Sciences, Associate Prof. O. Y. Zotova
Candidate of Historical Sciences, Associate Prof. K. I. Zubkov
Doctor of Psychological Sciences, Associate Prof. I. S. Krut'ko
Doctor of Economic Sciences, Associate Prof. S. A. Mitsek
Doctor of Economic Sciences, Associate Prof. E. B. Mitsek
Doctor of Psychological Sciences, Prof. E. B. Perelygina
Candidate of Sociological Sciences S. A. Ramzina
Candidate of Pedagogical Sciences L. V. Rosnovskaya
Doctor of Legal Sciences A. P. Semitko
Doctor of Legal Sciences, Prof. M. N. Semyakin
Doctor of Economic Sciences N. V. Khmelkova
Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Prof. G. A. Yamaletdinova

The editorial Council
Doctor of Historical Sciences, Prof., Member of the Russian Academy of Sciences
V. V. Alekseev
prof. Ives Hamant (France)
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. G. V. Boldygin
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. G. E. Burbulis (Moscow)
Candidate of Arts, Prof., Member of the Russian Academy of Arts S. V. Golynets
Doctor of Philosophical Sciences, Prof. G. Y. Zborovskiy
E. Kiseleva–Castells, Ph. D (Spain)
Doctor of Legal Sciences, Prof., Member of the Russian Academy of Sciences
V. N. Rudenko
Doctor of Philosophical Sciences, Prof. A. M. Rutkevich (Moscow)
Doctor of Physical and Mathematical Sciences A. M. Taras'ev

Head of Editorial Office
M. M. Volkova

ВЕСТНИК ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

4 (7) 2014
декабрь

Выходит 4 раза в год

ISSN 2308-8117 (Vestnik Gumanitarnogo universiteta)
Учредитель: НОУВПО Гуманитарный университет (г. Екатеринбург)
Адрес редакции: 620041, г. Екатеринбург, ул. Железнодорожников, д. 3, к. 207.
E-mail: ektbriogu@mail.ru

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Главный редактор
д-р филос. наук, проф. Л. А. Закс

Редакционная коллегия
д-р филос. наук, проф. Л. А. Мясникова
(заместитель главного редактора)
канд. техн. наук, доцент А. В. Агеносов
канд. филос. наук, доцент С. Д. Балмаева
д-р филол. наук, проф. И. Н. Борисова
д-р филос. наук, доцент Г. А. Брандт
д-р полит. наук, доцент С. И. Глушкова
канд. филос. наук, доцент А. В. Дроздова
д-р психол. наук, доцент О. Ю. Зотова
канд. ист. наук, доцент К. И. Зубков
д-р психол. наук, доцент И. С. Крутько
д-р экон. наук, доцент С. А. Мицек
д-р экон. наук, доцент Е. Б. Мицек
д-р психол. наук, проф. Е. Б. Перелыгина
канд. социол. наук С. А. Рамзина
канд. пед. наук Л. В. Росновская
д-р юр. наук А. П. Семитко
д-р юр. наук, проф. М. Н. Семякин
д-р экон. наук Н. В. Хмелькова
д-р пед. наук, доцент Г. А. Ямалетдинова

Редакционный совет
д-р ист. наук, проф., академик РАН В. В. Алексеев
проф. Ив Аман (Франция)
канд. филос. наук, доцент Г. В. Болдыгин
канд. филос. наук, доцент Г. Э. Бурбулис (Москва)
канд. искусствоведения, проф., академик РАХ С. В. Голынец
д-р филос. наук, проф. Г. Е. Зборовский
Э. Киселева–Кастельс, Ph. D (Испания)
д-р юр. наук, проф., член-корреспондент РАН В. Н. Руденко
д-р филос. наук, проф. А. М. Руткевич (Москва)
д-р физ.-мат. наук А. М. Тарасьев

Заведующая редакционно-издательским отделом
М. М. Волкова

ББК 60
В 38

Вестник Гуманитарного университета / редкол. : Л. А. Закс, Л. А. Мясникова и др. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2014. – № 4 (7).

ISSN 2308-8117

Разделы журнала соответствуют основным направлениям научных исследований Гуманитарного университета:

1. Социально-психологические и личностные основания общественных отношений, коммуникаций и социального управления (психология, реклама и PR, управление персоналом).
2. Оптимизация управления экономикой России: финансово-экономические, математические и информационно-компьютерные модели (экономика, информационные технологии).
3. Правовая и политическая культура в социальной, государственной, военной истории России и мира (юриспруденция, политология, регионоведение, история).
4. Мир культуры: субъекты, институты, практики (философия, культурология, искусствоведение, теория и методика физической культуры, журналистика, моделирование и конструирование одежды, сервис и туризм).
5. Образование как социальный институт (социология).

ISSN 2308-8117

© Вестник Гуманитарного университета, 2014
© Оригинал-макет.
Гуманитарный университет, 2014

Содержание

Социально-психологические и личностные основания общественных отношений, коммуникаций и социального управления…..…..9
Николаева Е. Ю.
Гендерные особенности обыденных представлений о психологическом консультировании……10

Оптимизация управления экономикой России: финансово-экономические, математические и информационно-компьютерные модели…….....17
Хмелькова Н. В., Перевозчиков К. И., Кушнарева А. А.
О сегментации потребителей «зеленых» брендов……..18

«Молодые голоса» ……..27
Тимофеева К. Е., Кырма К. И.
Подходы к оценке стоимости жизни……...28

Правовая и политическая культура в социальной, государственной, военной истории России и мира……...33
Денисов С. А.
Закономерности перехода от административной к буржуазно-правовой системе……34
Семякин М. Н.
Цивилистическая практика: философские и правовые подходы……..46
Суворов Д. В.
О сущности «псевдомодернизации» и «абортивной модернизации»……..59
Андреева Е. В., Шерышова А. Е.
Судьбы двух славянских народов: взаимоотношения России и Украины……..65

Мир культуры: субъекты, институты, практики…….79
Латыпов И. А.
Полисубъектная мультифрактальность информационных отношений в Сети: философские аспекты……80
Борисова И. Н.
Речевой поступок как единица коммуникативной практики……88
Минина О. Ю., Бекшенев О. Г.
Город как среда обитания……98
Шпак В. А.
Особенности зрительского восприятия спектакля современного танца……105

Образование как социальный институт……...111
Гончарова Н. А., Логинов М. П.
Проектный подход к понятию «образовательная услуга»……..112

Сабрекова Г. С.
«Шекспировский абонемент» как опыт проектной деятельности
в системе образования……116

Научные события……..123
Глушкова С. И.
Первый международный конвент «Гуманитарная дипломатия:
личность, социум, мир, права человека»……...124

О редколлегии……....129

**Требования к оформлению и порядку представления статей
в журнал «Вестник Гуманитарного университета»**……....132

Contents

Social, psychological and personal foundations of social relations, communication and social management……..9
Nikolaeva E. Y.
Gender Features in Common Sense Representations of Psychological Consulting……10

The optimization of Russia's Economy Management: finance, economic, mathematical and computer models……17
Khmelkova N. V., Perevozchikov K. I., Kushnareva A. A.
On «Green» Brands Consumers Segmentation……...18

«Young Voices»……..27
Timofeeva K. E., Kyrma K. I.
Approaches to the Value of Life Assessing……28

Legal and political culture in social, state, military history of Russia and the world……...33
Denisov S. A.
Patterns of Transition from Administrative Legal System to Bourgeois Legal System……..34
Semyakin M. N.
Philosophical and Legal Approaches to Civil Practice……...46
Suvorov D. V.
On the Substance of «Pseudo-modernization» and «Abortive modernization»……..59
Andreeva E. V., Sheryshova A. Y.
The Destiny of the Two Slavic Peoples: Relations Between Russia and Ukraine……..65

The World of Culture: Subjects, Institutions, Practices……79
Latypov I. A.
Poly-subject Multifractal Trends of Information Relations in On-line Communications: Philosophical Aspects……..80
Borisova I. N.
Speech Acting as a Unit of Communicative Practice……..88
Minina O. Y., Bekshenyov O. G.
The City as the Habitat……98
Shpak V. A.
Contemporary Dance Stage Performance: the Particularities of the Audiences' Perception……105

Education as a Social Institution……111
Goncharova N. A., Loginov M. P.
The Project Approach to «Educational Service» Notion……...112
Sabrekova G. S.
«Shakespeare's Subscription» as Project Activities Experience in the Education System……116

Scientific Events……...123
Glushkova S. I.
I International Convention «Humanitarian Diplomacy:
the Person, Society, World, Human Rights»…….124

About Editorial Board…….129

Submission Requirements for «LAU Vestnik» authors……...132

Социально-психологические и личностные основания общественных отношений, коммуникаций и социального управления

УДК 159.9

Николаева Елена Юрьевна
старший преподаватель кафедры социальной психологии, НОУВПО Гуманитарный университет (г. Екатеринбург)
E-mail: eyu_nikolaeva@mail.ru

Nikolaeva Elena Yurevna
Senior Lecturer, Social Psychology Department, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЫДЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ КОНСУЛЬТИРОВАНИИ

GENDER FEATURES IN COMMON SENSE REPRESENTATIONS OF PSYCHOLOGICAL CONSULTING

Аннотация
В статье рассматривается психологическое консультирование как особая форма взаимодействия психолога и клиента. Проведенное исследование обыденных представлений о психологическом консультировании показало различия и сходства между представлениями респондентов разного пола, что может объяснять их различное поведение в процессе психологического консультирования и разную обращаемость за психологической помощью.
Ключевые слова: психологическое консультирование; психологическая помощь; ответственность; гендерные особенности; обыденные представления; клиент.

Abstract
The article presents psychological consulting as a specific form of a psychologist and a client interaction. The ideas of psychological consulting in common sense have been researched, the results show the distinctions and similarities between the ideas of different sex respondents. This fact can explain their different behavior during psychological consultation and different psychological assistance request.
Key words: psychological consultation; psychological assistance; responsibility; gender features; ordinary representations; client.

Психологическое консультирование представляет собой один из основных видов помощи, возникший в ответ на потребности людей, не имеющих клинических нарушений. В связи с этим основной чертой консультирования становится отказ от концепции болезни, во главу угла ставится вера консультирующего психолога в подлинные возможности и ресурсы человека, который превращается в полноправного участника терапевтического процесса.

На сегодняшний день существует большое количество литературы, как у нас в стране, так и за рубежом, посвященной специфике психологического консультирования, его целям, задачам, описан круг проблем, с которыми может работать консультант, определены требования к личностным и профессиональным качествам специалиста. Различные аспекты консультативной психологии рассматривались в трудах К. Роджерса, Р. Мэя, Р. Нельсона-Джоунса, К. Роджерса, И. Ялома, Б. Д. Карвасарского, Р. Кочюнаса, М. Ю. Меновщикова и других.

Разные исследователи по-разному определяют суть этой деятельности, а также цели, задачи, содержание психологического консультирования. Так, с точки зрения Б. Д. Карвасарского, психологическое консультирование – это поиск пациентом решения проблемной ситуации при помощи и поддержке специалиста. В отличие от других видов психологической помощи, например психотерапии, «пациент воспринимается консультантом как дееспособный субъект, ответственный за решение своей проблемы» [6].

© Николаева Е. Ю., 2014

Р. Корсини, А. Ауэрбах определяют психологическое консультирование как практическую деятельность, «цель которой – помогать относительно здоровым людям извлекать из своего потенциала развития максимальную пользу во всех сферах жизни». С их точки зрения, существенные отличия психологического консультирования – в ее образовательной (воспитательной), а не клинической, лечебной или медицинской модели. Стороны консультирования – это психологи и клиенты, а не пациенты, т. е., по выражению авторов, – «нормальные люди, которым, по их просьбе, нужно помочь справиться со стрессами и задачами повседневной жизни» [7]. Задача консультирующего психолога заключается в «обучении клиентов различным стратегиям коупинга и новым моделям поведения, которыми клиенты могли бы воспользоваться в уже сложившихся обстоятельствах или для создания более благоприятных возможностей» (как видим, авторы энциклопедии придерживаются бихевиорального подхода к психологической помощи). Существенным отличительным признаком психологического консультирования (в отличие от психотерапии) является особая роль психолога-консультанта, который, как утверждают авторы, наряду с оказанием необходимой психологической помощи в кабинете, может поддерживать клиента в реальных жизненных ситуациях, вмешиваясь в его непосредственное окружение с целью оказания максимальной поддержки [Там же].

Как видно из предложенного определения, Р. Корсини, А. Ауэрбах включили в проблемную область консультирования следующие клиентские проблемы: различные стрессовые ситуации и недостаточность или низкую эффективность адаптивных поведенческих паттернов.

Одно из определений психологического консультирования принадлежит лицензионной комиссии Ассоциации служащих и менеджеров США, выдающей разрешение на частную практику, и звучит следующим образом: «Консультирование – это совокупность процедур, направленных на помощь человеку в разрешении проблем и принятии решений относительно профессиональной карьеры, брака, семьи, совершенствования личности и межличностных отношений» [3]. Здесь предметная область консультирования обозначена гораздо шире, чем в приведенном выше высказывании американских ученых, и представляет собой обширное поле для взаимодействия клиента и психолога. То, что консультирование (или психотерапия) не должна ограничиваться решением ситуационных проблем и замыкаться на вопросах социальной адаптации, очень хорошо показано в работах И. Ялома, Р. Мэя, В. Сатир, В. Франкла, А. Маслоу и других [5; 7; 8].

Тем не менее в настоящий момент все еще нет достаточно четких границ и общепринятых определений психологического консультирования, роли и позиции консультанта в процессе взаимодействия с клиентом, не определен круг проблем, с которым может работать психолог-консультант.

Кроме того, несмотря на то что профессиональная психологическая помощь уже прочно вошла в жизнь современного российского общества, представление «обычного» человека о ней является противоречивым, неоднозначным, как и о специалистах-психологах. В связи с этим неясно, готовы ли люди обращаться к психологическому консультированию как относительно новому виду помощи: что может стать препятствием на пути к этому, а что, наоборот, послужить «толчком» к обращению за консультацией. Таким образом, возникает вопрос: каковы же обыденные представления о психологической помощи и психологе-консультанте?

В исследовании приняли участие 70 жителей Екатеринбурга, для анализа эмпирических данных нами были выделены 2 группы:

1-я группа – женщины в возрасте от 25 до 50 лет в количестве 39 человек;

2-я группа – мужчины в возрасте от 26 до 52 лет в количестве 31 человека.

Нами было проведено анкетирование с целью выявления следующих компонентов обыденных представлений о психологическом консультировании:

- представления о сути процесса психологического консультирования, в том числе о методах, целях и задачах консультирования;
- представления о психологе-консультанте: его основных личностных и профессиональных качествах, о профессии консультанта в целом;
- представления об особенностях консультативного взаимодействия (роли, позиции консультанта),
- представления о клиенте психолога, о причинах обращения за психологической помощью (на консультацию).

В результате были получены следующие данные: обе группы испытуемых считают, что психологическое консультирование – это, в первую очередь, «совокупность методов», используя которые психолог может помочь человеку открыть истинные причины его затруднений; психолог при этом выступает в роли специалиста, способствующего изменениям, необходимым клиенту (68 и 65 % соответственно). При этом значительная часть (26 %) женской выборки видит в консультировании, прежде всего, «особый тип отношений», при этом женщины в большей степени, чем мужчины, готовы наделить психолога «сверхъестественными способностями», помогающими специалисту увидеть в человеке «всю подноготную» (21 % женщин) (рис. 1). Никто из женщин, в отличие от испытуемых мужчин, не считает, что психологическое консультирование – это клинический метод, направленный на лечение психических заболеваний или просто один из способов зарабатывания денег.

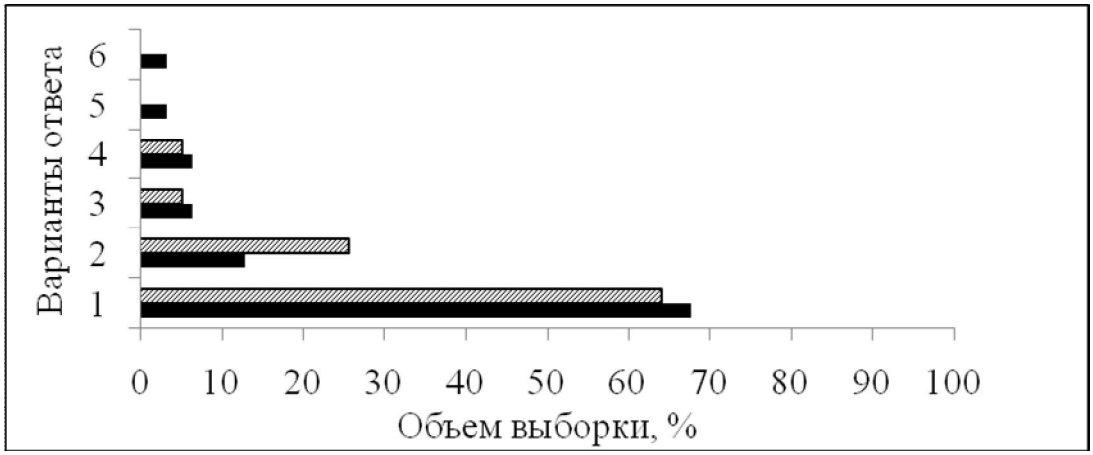


Рис. 1. Распределение выборки относительно определения психологического консультирования, мужчины и женщины, %

Примечание.

Обозначают: черный столбик – испытуемых-мужчин, заштрихованный столбик – испытуемых-женщин. Психологическое консультирование – это (варианты ответа): 1) «совокупность специальных методов, используя которые психолог поможет открыть человеку истинную причину его затруднений; 2) «особый вид взаимоотношений между клиентом и психологом, способствующий развитию личности и направленный на решение проблем клиента, связанных с трудностями в межличностных отношениях»; 3) «метод “переделки” людей нужным им образом с помощью специальных техник»; 4) «модное времяпрепровождение для богатых людей или для тех, кому нечего делать»; 5) «один из клинических методов, направленный на лечение различных психических заболеваний»; 6) «один из способов зарабатывания денег».

Также получены различия в представлениях мужчин и женщин о наиболее типичных целях психологического консультирования (рис. 2).

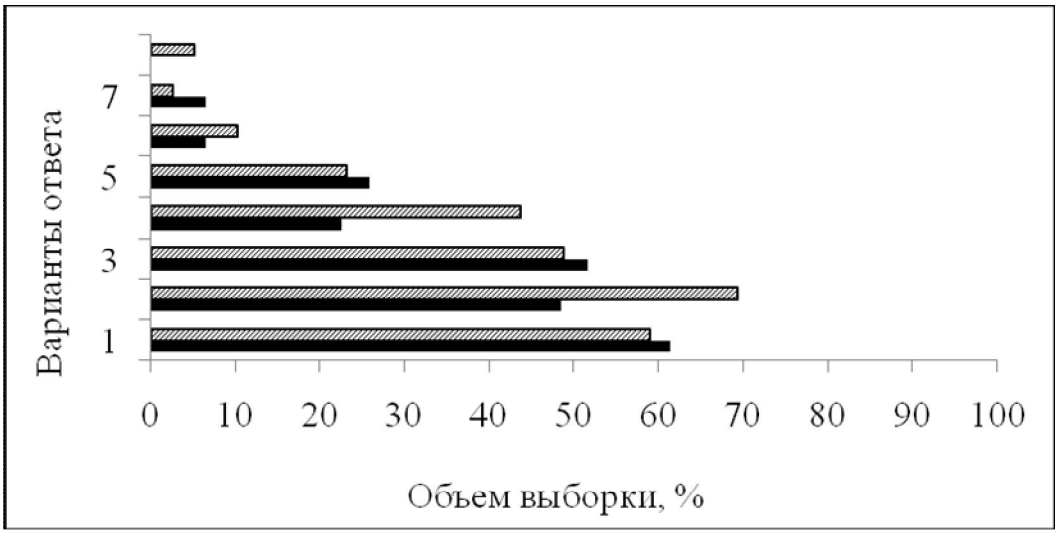


Рис. 2. Распределение выборки по ответам на вопрос о цели психологического консультирования, гендерный аспект, %

Примечание.

Обозначают: черный столбик – мужчин, заштрихованный столбик – женщин.

Цели психологического консультирования (варианты ответа): 1) получить квалифицированный совет как дальше действовать в сложившейся ситуации; 2) посмотреть на ситуацию с «другой точки зрения» и решить, как действовать дальше; 3) научиться новым способам поведения, чтобы в дальнейшем самостоятельно справляться с возникающими трудностями; 4) разобраться с собственными мыслями; 5) облегчить душу, высказаться постороннему; 6) получить поддержку постороннего человека и найти в себе душевные силы для изменения; 7) найти для себя ответы на такие глобальные вопросы, как «В чем смысл моей жизни?», «Зачем я живу?»; 8) никакой особой цели нет, это просто дань моде.

Если, с точки зрения мужчин, наиболее частой целью является «получить квалифицированный совет, как дальше действовать в сложившейся ситуации» (61 %), то существенная часть женщин считает, что главное – «посмотреть на ситуацию с “другой точки зрения” и решить, как действовать дальше» (69 %). Важной целью для женщин является и желание «разобраться с собственными мыслями» (44 %) (у мужчин этот вариант занимает всего лишь пятое место, набрав 23 % голосов). Обращает на себя внимание тот факт, что получение поддержки и эмоциональной разрядки практически не рассматриваются как цель обращения к психологу. Кроме того, именно в группе женщин есть респонденты, которые считают, что обращение к психологу может не нести никакой цели, кроме дани моде.

Таким образом, можно предположить, что мужчины в большей степени ориентированы на получение конкретных инструментов решения проблемы, будь то совет или новая модель поведения, для женщины же важно понять себя и ситуацию, а потом уже действовать.

Немаловажный аспект представлений, связанных с деятельностью консультирования, касается методов работы психолога-консультанта. В анкете вопрос был сформулирован следующим образом: «Если предположить, что вы обратились к психологу, имеет ли для Вас значение, какими методами он работает?»

56 % мужчин-респондентов подтвердили, что методы работы психолога для них важны, хотя в дальнейшем, при устном опросе, затруднились ответить на во-

прос о знакомых методах работы психолога, рассуждения о методах чаще всего сводились к оценке директивности/недирективности работы и адекватности советов. 57 % респондентов-женщин ответили на вопрос о важности методов психологической работы отрицательно и также затруднились с ответом на вопрос о конкретных методах работы психолога.

На вопрос о готовности самого респондента обратиться к психологу для работы утвердительно ответили 79 % респондентов-женщин и только 21 % респондентов-мужчин. Эти данные значительно расходятся с ответами на вопрос: «Должен ли человек в случае затруднения обратиться за психологической помощью?», на этот вопрос 100 % респондентов обоего пола ответили утвердительно. Поэтому возникает вопрос о способе получения психологической помощи и поддержки (рис. 3).

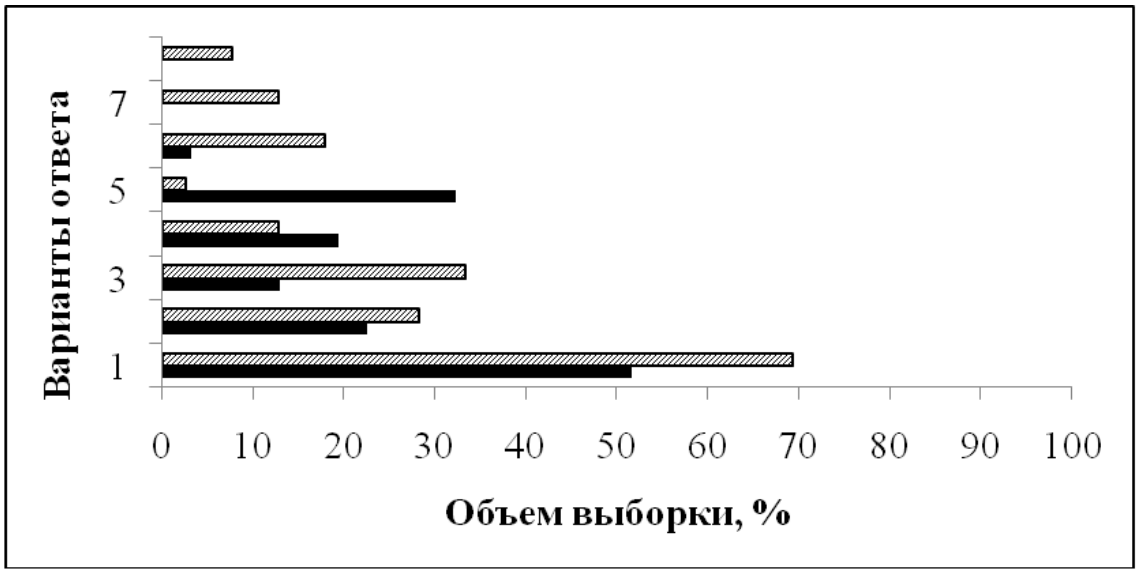


Рис. 3. Распределение выборки по способу получения психологической помощи. Гендерный аспект

Примечание.

Обозначают: черный столбик – мужчин, заштрихованный столбик – женщин. К кому Вы обратитесь в случае психологических затруднений (варианты ответов): 1) к подругам/друзьям; 2) к родственникам, родителям; 3) к психологу; 4) к супругу; 5) ни к кому; 6) в церковь (к духовнику, священнику); 7) к маме; 8) другие варианты ответа.

Таким образом, «друзья» воспринимаются как источник психологической помощи и мужчинами, и женщинами. Однако в целом для мужчин характерно более ограниченное представление об «адресатах», куда они могли бы обратиться за помощью.

Объяснения причин обращения к друзьям и семье (родители, супруги, близкие) были следующими: «потому что доверяю», «надежные», «хорошо меня знают, принимают», «близкие люди помогут, как никто другой», «получить помощь и поддержку». В работе с психологом-консультантом важны: «совет», «взгляд со стороны», «результат», «профессиональный взгляд на проблему».

Таким образом, обращение к психологу связано для респондентов с определенными трудностями, это может объясняться тем фактом, что получение психологической поддержки и эмоциональной разрядки для большинства респондентов не является целью психологической консультации, а в стрессовой ситуации человеку нужны именно психологическая помощь и поддержка.

Помимо вопроса о причинах обращения с закрытым перечнем ответов, испытуемым был предложен вопрос о том, в каком случае сам респондент обратился бы за консультативной помощью к психологу.

Ответы респондентов мужчин можно разделить на следующие группы:

- не могу понять себя, причины неудач, запутался – 16 %;
- нужен профессиональный взгляд на ситуацию – 10 %;
- в крайних случаях – 10 %.

Не будут обращаться к психологу ни в каком случае – 29 %, и затруднились с ответом 13 % мужчин. В группе женщин были получены следующие варианты ответов:

- не могу сама справиться с ситуацией, проблемой – 28 %;
- консультация по поводу ребенка – 23 %;
- смерть близкого человека, горе – 13 %;
- проблемы в семье – 10 %.

Затруднились с ответом 8 %, и не будут прибегать к помощи психолога ни в какой ситуации 18 % женщин-испытуемых.

Отметим, что среди ответов респондентов практически полностью отсутствуют экзистенциальные проблемы, проблемы, связанные с собственным профессиональным определением, психосоматические расстройства.

В дальнейшем испытуемым было предложено выделить наиболее характерные черты психолога-консультанта и его клиента

Обе группы респондентов имеют представление о психологе как индивиде, для которого весьма характерны и у которого значительно выражены такие качества, как обаяние, открытость, доброта, дружелюбие, самостоятельность. Обе группы особо подчеркнули наличие образования (возможно, как гарантию квалифицированной работы) и взятие на себя ответственности за результаты работы. Женщины чаще выделяли такие характеристики, как дружелюбие, общительность, честность, самостоятельность, обаяние.

Клиент же видится индивидом, для которого характерны такие качества характера, как слабость, замкнутость, зависимость, нерешительность, неуверенность; при этом клиент, как правило, добросовестен, отзывчив, честен. Обращает на себя внимание, что качество «ответственность» при описании клиента вообще не упоминается. Следует отметить, что сильнее всего мужчины и женщины расходятся в оценке такого качества клиента, как решительность/нерешительность. Для мужчин клиент – нерешительный человек, тогда как женщины предполагают, что для того, чтобы обратиться хотя бы к психологу, решительность все-таки в человеке должна присутствовать. В целом, с точки зрения женщин, клиент видится более привлекательным и деятельным индивидом, чем с точки зрения мужчин.

Таким образом, респонденты признают, что в случае возникновения затруднений человек нуждается в профессиональной психологической помощи. Однако представления о том, в каких именно ситуациях эта помощь может быть оказана, достаточно расплывчаты. Представления о консультанте-психологе в целом достаточно позитивны, а представления о клиенте, обратившемся за психологической помощью, противоречивы и содержат негативные составляющие. На наш взгляд, это может затруднять принятие решения об обращении за профессиональной психологической помощью. Поэтому одной из задач психологической службы остается формирование культуры обращения за психологической помощью.

Литература

1. Алешина Ю. Индивидуальное и семейное психологическое консультирование. – М. : Класс, 2007.

2. Гольцева Ю. В. Изучение представлений будущих педагогов-психологов о деятельности психолога-консультанта // Вестник ЮУрГУ. – 2006. – № 16. – С. 106–109.

3. Кочюнас Р. Психологическое консультирование. Групповая психотерапия. – М. : Академический проект, 2010.

4. Ксенда О. Г. Образ психолога в представлении студентов-психологов // Психологический журнал. – 2010. – № 2. – С. 55–59.

5. Меновщиков В. Ю. Введение в психологическое консультирование. – М. : Смысл, 2000.

6. Психотерапевтическая энциклопедия / под ред. Б. Д. Карвасарского. – СП. : Питер, 2002.

7. Психологическая энциклопедия / под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. – 2-е изд. – СПб., 2006.

8. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М. : Прогресс, 1990.

9. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. – М. : Класс, 2014.

Оптимизация управления экономикой России: финансово-экономические, математические и информационно-компьютерные модели

УДК 339.138

Хмелькова Наталья Владимировна
д-р экон. наук, завкафедрой экономики и информатизации, НОУВПО Гуманитарный университет (г. Екатеринбург)

Khmelkova Natal'ya Vladimirovna
Doctor of Economics, Head of Economics and Informatization Chair, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

Перевозчиков Константин Игоревич
студент 3-го курса факультета компьютерных технологий, НОУВПО Гуманитарный университет (г. Екатеринбург)

Perevozchikov Konstantin Igorevich
Student, Applied Informatics Department, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

Кушнарева Алла Александровна
аспирант НОУВПО Гуманитарный университет (г. Екатеринбург)

Kushnareva Alla Aleksandrovna
Postgraduate Student, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

О СЕГМЕНТАЦИИ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ «ЗЕЛЕНЫХ» БРЕНДОВ

ON «GREEN» BRANDS CONSUMERS SEGMENTATION

Аннотация
В статье авторы рассматривают проблему выявления основных целевых аудиторий на рынке «зеленых» товаров и услуг. Представлены результаты эмпирических исследований, в том числе авторских, позволяющих определить ключевые сегменты «зеленых» потребителей.
Ключевые слова: «зеленый» маркетинг; «зеленый» брендинг; «зеленый» потребитель; сегментация.

Abstract
The authors consider the problem of identifying key target audiences in the «green» goods and services market. The article presents the results of empirical studies (including authors' research) that lead to defining key segments of «green» consumers.
Key words: «green» marketing; «green» branding; «green» consumer; segmentation.

В XXI веке забота об окружающей среде выдвинулась в число приоритетных вопросов, от решения которых зависит будущее современной цивилизации. Тема экологии вошла в предметное поле широкого круга научных дисциплин, экологический дискурс обозначился как самостоятельное направление в развитии социально-гуманитарного знания. Однако лишь маркетинг увидел в озабоченности общества экологическими проблемами новую перспективную коммерческую возможность, что привело к возникновению концепции «зеленого» маркетинга и формированию рынка «зеленых» брендов.

Сущность «зеленого» маркетинга и «зеленого» брендинга. Категориальный аппарат «зеленого» маркетинга на сегодняшний день не сформирован, большинство терминов не имеет устоявшейся интерпретации. Вместе с тем в целях дальнейшего исследования необходимо обозначить ряд ключевых понятий рассматриваемой концепции.

В данной статье мы будем опираться на трактовки, которые получили наибольшее «закрепление» в литературе. Согласно одному из определений, «зеленый» маркетинг – это процесс удовлетворения нужд потребителей путем продвижения товаров и услуг, наносящих минимальный вред окружающей среде на всех стадиях жизненного цикла и созданных посредством использования минимально возможного объема природных (в том числе энергетических) ресурсов [1. С. 9–

© Хмелькова Н. В., Перевозчиков К. И., Кушнарева А. А., 2014

14]. Американская ассоциация маркетинга в свою очередь определяет «зеленый» маркетинг через следующие характеристики:

1) экологически безопасный сбыт продукции;

2) разработку продукции, оказывающей минимально негативное воздействие на окружающую среду либо улучшающей ее качество;

3) организацию производства, продвижения, упаковки и рекламы товара, свидетельствующую об озабоченности компании экологическими проблемами [2].

Тесно связан с «зеленым» маркетингом «зеленый» брендинг. Наиболее типично на сегодняшний день понимание «зеленого» бренда как продукта, дифференцируемого производителем от конкурентов акцентом на его экологической чистоте и минимизации влияния на окружающую среду [3]. Т. М. Тимофеева и Н. А. Поротникова рассматривают «зеленый» брендинг в качестве синонима понятия «экоориентированный брендинг». Они предлагают считать экобрендами не только те марки, продукция которых имеет эколейбл и содержит экологически чистые ингредиенты (функциональная польза для потребителей), но и те, которые приносят пользу окружающей среде и человечеству [4. С. 38–60].

Л. Риалс полагает, что «зеленым» можно считать бренд, который обладает следующими атрибутами:

- экологичностью – отличается минимальным негативным воздействием на окружающую среду;

- справедливостью – опирается на использование этически оправданных и социально справедливых методов продвижения бренда;

- экономичностью – вносит вклад в долгосрочное экономическое развитие [5].

Согласно аналитическому отчету агентства РБК, в 2009 году объем мирового рынка биопродукции составлял 36,4 млрд евро, его средний годовой прирост достигал 4 млрд евро [6]. При этом рынок экологически чистых продуктов практически не испытал на себе влияния экономического кризиса. Начиная с 2008 года, в Европе был отмечен 10-процентный рост продаж экопродукции. За последние десять лет спрос только на экологически чистые продукты питания удвоился и к 2020 году может достичь оборота в $200–250 млрд в год [7. С. 18–21].

Вызывает интерес и анализ структуры мирового рынка «зеленой» продукции в целом. Ведущими направлениями выступают устойчивая экономика и экологичный образ жизни. Далее следуют альтернативная медицина, здоровый образ жизни и личностный рост [8].

Стоит также упомянуть ежегодно составляемый компанией Interbrand рейтинг самых «зеленых» брендов [9]. Лидерами рейтинга 2014 года являются производители автомобилей – Toyota, Ford и Honda. При этом Toyota лидирует в рейтинге «зеленых» брендов уже более пяти лет, что во многом обусловлено выпуском данным производителем первого гибридного автомобиля массового потребления – Toyota Prius (в 2012 г. было продано 2,9 млн авто этой модели). Его отличает низкий расход топлива (3,9 л на 100 км) и, следовательно, меньшее негативное воздействие на окружающую среду (выброс CO_2 89 г/км). В целом в списке Interbrand преобладают автомобильные и IT-компании. Лидерство автопроизводителей зачастую объясняется тем, что в связи с недостатком таких ресурсов, как нефть и газ, они вынуждены искать новые конструкторские решения, выпуская автомобили, почти не использующие данные ресурсы.

EISA (European Imaging and Sound Association) – ассоциация европейских журналов по аудио- и видеотехнике вручает премии производителям мобильных телефонов, в том числе в номинации «самый зеленый продукт». В 2013–2014 «Европейским **зеленым смартфоном**» был признан телефон Galaxy S4 компании Samsung. В его производстве, несмотря на наличие большого экрана, используется ограниченное количество драгоценных металлов и токсичных материалов.

Категории потребителей «зеленых» брендов. Рынок «зеленых» брендов, подобно подавляющему числу современных рынков, неоднороден. В этой связи выявление мотивации потребителей к приобретению экопродукции является одним из ключевых вопросов применения «зеленого» маркетинга. В настоящее время мнение исследователей по данному вопросу отличается определенным разнообразием.

П. Хартман и ее коллеги выделяют в «зеленом» позиционировании бренда функциональные и эмоциональные аспекты. Согласно трактовке этих авторов, стратегия позиционирования, основанная на функциональных атрибутах бренда, подчеркивает соответствующие экологические преимущества продукта, связанные с процессами его производства и утилизации. Однако, по мнению исследователей, уменьшение вредного воздействия на окружающую среду не воспринимается покупателями товара непосредственно как его преимущество. Стимулами для приобретения продукции «зеленого» бренда служат, скорее, эмоциональные преимущества, в числе которых можно выделить:

- личное удовлетворение экологически сознательных потребителей от того, что они вносят вклад в общее дело – охрану окружающей среды;

- личное удовлетворение экологически сознательных потребителей от демонстрации окружающим своей приверженности «зеленым» ценностям посредством покупки соответствующих товаров;

- чувство благополучия и счастья экологически сознательных потребителей, достигаемое благодаря контакту с окружающей средой и ощущению близости к природе [10. С. 9–29].

А. Даллакян, в свою очередь, отмечает, что если в настоящее время экологические бренды базируются на идее социальной ответственности бизнеса и воздействуют на потребителя через интеллектуальное осознание необходимости экологизации, то в перспективе на первый план в позиционировании эко-брендов выдвинутся мотивы опасности и страха за будущее цивилизации. Поддержка экологии превратится для потребителя в вопрос выживания [11].

По мнению игроков отечественного рынка «зеленой» продукции, в России тенденция роста потребительской заинтересованности покупателей в экотоварах связана, во-первых, с тем, что современный покупатель хочет иметь точную информацию о безопасности товаров. Во-вторых, все больше людей обеспокоено состоянием окружающей среды и стремится внести свой вклад в ее сохранение или, как минимум, не навредить природе. В-третьих, сказывается естественный для людей интерес ко всему новому и необычному [12].

Аналитической процедурой, в рамках которой в маркетинге компании изучают мотивы приобретения товаров и осуществляют категоризацию потребителей, выступает *сегментирование рынка*.

На сегодняшний день за рубежом уже проведен ряд интересных исследований, направленных на выявление ключевых целевых аудиторий для «зеленого» маркетинга.

В 2010 году в журнале «MediaWeek» были опубликованы данные о «профилях» (психологических портретах) потребителей «зеленых» брендов в США. В результате было выделено пять сегментов, представленных ниже [13. С. 205–214]:

1. *Темно-зеленые, или Альфа-эко (Alpha-Ecos)*. Они всерьез обеспокоены вопросами защиты окружающей среды и глобального потепления и готовы приобретать экологическую продукцию, например гибридные автомобили, органические продукты питания, экологически чистые моющие средства, даже при условии, что они имеют более высокую цену.

2. *Эко-центрики (Eco-Centrics)*. Они готовы платить больше за «зеленую» продукцию в том случае, когда считают ее более полезной для здоровья, а не по-

тому, что чувствуют ответственность за абстрактное глобальное экологическое будущее планеты.

3. *Эко-модники (Эко-Chics).*Такие потребители не слишком озабочены экологическими проблемами, но осознают важность имиджа «зеленого» индивидуума. Они считают, что быть сторонником зеленой продукции – значит быть модным.

4. *Эко-экономы (Economically-Ecos).*Они меньше озабочены сохранением планеты и больше заботятся о сохранении денег. Такие потребители готовы платить больше за экологически чистые продукты, если считают, что это сэкономит им деньги в будущем.

5. *Эко-мамы (Eco-Moms).*Они обеспокоены состоянием окружающей среды, а также здоровьем и благополучием своей семьи. Эко-мамы предпочитают покупать товары, произведенные экологически ответственным способом (органические продукты питания,экологические чистящие средства для дома) [14].

В целом в ходе данного исследования выяснилось, что «зеленые» потребители готовы платить больше за экологически чистую продукцию не только ради защиты окружающей среды и своего здоровья, но и ради экономии собственных средств в долгосрочной перспективе и поддержания модного имиджа.

Несколько иной взгляд на проблему сегментирования «зеленых» потребителей предлагают Ф. Котлер, А. Сетиаван и Х. Картаджайя, авторы книги «Маркетинг 3.0», полагающие, что рынок «зеленых» товаров можно разбить на четыре сегмента: *законодатели моды, искатели выгоды, соответствующие стандарту и осторожные покупатели.* Характеристики сегмента представлены в таблице.

Как видно, предлагаемый подход имеет определенные пересечения с предыдущим. Однако Ф. Котлер, А. Сетиаван и Х. Картаджайя в силу новизны «зеленой» продукции предлагают смотреть на проблему ее продвижения разным категориям потребителей с позиции жизненного цикла товара. По их мнению, самыми первыми пробуют «зеленый» товар законодатели моды, подключающиеся к его потреблению на фазе «внедрения». Искатели выгоды и соответствующие стандарту образуют массовый рынок и включаются в потребление на фазах роста и насыщения. В свою очередь, «осторожные покупатели», вероятней всего, никогда не будут потреблять «зеленые» товары и если и подключатся, то только на фазе упадка.

Таблица

Четыре сегмента «зеленого» рынка [15]

Характеристики	*Сегментация потребителей*			
	Законодатели моды	***Искатели выгоды***	***Соответствующие стандарту***	***Осторожные покупатели***
Профиль сегмента	• Защитники природы или мечтательные энтузиасты экологии • Эмоциональная и духовная мотивация для использования зеленого продукта • Поиск конкурентного преимущества за счет зеленых инноваций	• Экологические прагматики • Рациональная мотивация для использования зеленого продукта • Используют зеленые продукты для увеличения эффективности и снижения затрат	• Экологические консерваторы • Подождут, пока зеленые продукты не войдут в массовое употребление • Используют только те зеленые продукты, которые уже стали общепринятым стандартом	• Экологические скептики • Не верят в зеленые продукты
Позиционирование для освоения данного целевого сегмента	**Экопреимущество** *Инновационный продукт для конкурентного преимущества*	**Экорациональность** *Больше выгоды и меньше негативного воздействия на природу*	**Экостандарт** *Продукт массового использования, соответствует существующим экологическим нормам*	*На этот сегмент даже не стоит тратить силы*

Очевидно, что для каждой группы потребителей характерны свои убеждения относительно достоинств «зеленого» продукта, поэтому и маркетинговый подход к каждому сегменту должен быть особым. Анализ сегментов «зеленых» потребителей позволяет более эффективно выбирать инструменты для достижения «зелеными» брендами целевой аудитории.

А. И. Гуськов в качестве примера приводит опыт ряда европейских стран (Италия, Чехия, Германия) по пропаганде здорового образа жизни, ориентированной, в первую очередь, на родителей с детьми и самих детей. Органические продукты используются для приготовления школьных обедов и проведения кулинарных курсов для школьников, учителей и родителей [16]. В России также можно увидеть успешные примеры продвижения «зеленых» брендов. Одним из таких брендов является марка биомороженого «Десант здоровья», разработанная томским биофизиком Евгением Гуткевичем. На сегодняшний день «полезное» мороженое продается в 32 регионах России, в Белоруссии и Казахстане. В 2012 году объем потребления данного продукта составил 112 тонн, из них 80 % было реализовано через сети аптек. Выручка основанной предпринимателем компании «Фермент» составила около 60 млн рублей. Для продвижения продукта в г. Томске была развернута пятилетняя программа профилактики дисбактериоза в детских учреждениях, предполагающая включение биомороженого в обязательный рацион питания. В дальнейшем мороженое начали целенаправленно продвигать в школы и детсады, устанавливая там специальные холодильники. В настоящее время мороженое продается в аптеках российских городов, трех московских фитнес-центрах и в сети премиальных супермаркетов «Азбука вкуса». На сегодняшний день под маркой «Десант здоровья» продается линейка из семи видов биомороженого, в том числе вафельный рожок, детское мороженое «Укрепляйка», два вида лечебно-профилактического мороженого «Бифилак Форте», мороженое «Семейный актив» и два вкуса низкокалорийного фитнес-мороженого BioFly. Цена биомороженого на полках в зависимости от сорта колеблется от 30 до 400 рублей, что сравнимо со стоимостью импортного мороженого [17].

Эмпирические исследования потребителей «зеленых» брендов. В 2009 году аудиторской компанией Deloitte and Touche по заказу Ассоциации производителей продуктов питания (GMA) было проведено исследование в магазинах 11 крупнейших торговых сетей США. В исследовании приняло участие 6,5 тыс. покупателей, опрошенных сразу после завершения покупок. В ходе исследования выяснилось, что, несмотря на то что молодежь в большей степени обращает внимание на экологичность продукции, в силу ее более низкой покупательной способности типичный портрет «зеленого» потребителя выглядит следующим образом: 40–50 лет, имеет одного – двух детей, уровень доходов и образования превышает средние показатели по выборке (рисунок). Помимо прочего, во всех возрастных категориях исследованиями было выявлено несколько сегментов «зеленых» потребителей: 2 % наиболее активных, в первую очередь принимающих во внимание вопросы экологической устойчивости; около 18 %, учитывающих соображения устойчивости при большинстве покупок; более трети, считающих экологическую и социальную устойчивость вторым по значению фактором при принятии решений о покупке товара. В общей сложности фактор экологической и социальной устойчивости оказался важным для 54 % опрошенных респондентов [18. С. 33–38].

Рис. Демографический портрет типичного американского «зеленого» потребителя [18. С. 33–38]

Несмотря на развитие отечественного рынка «зеленых» товаров и услуг, исследования предпочтений отечественных потребителей экопродукции на сегодняшний день немногочисленны. При этом в рамках известных нам исследований сегментация российских «зеленых» потребителей не проводилась.

Задача сегментирования в определенной степени была решена в ходе авторского маркетингового исследования на выборке, репрезентативно отражающей состав населения г. Екатеринбурга. Опрос был проведен в мае 2014 г. Выборка составила 100 респондентов (56 % женщин, 44 % мужчин)[1]. В ходе исследования удалось установить значимое влияние гендерного фактора на мотивы приобретения «зеленых» товаров. Так, наибольшее число мужчин (38 %), отвечая на вопрос о причинах своего выбора таких товаров, называли заботу об экологии. Для 35 % экологичность гарантировала авторитет производителя товара. И лишь 26 % мужчин объяснили свой интерес к «зеленым» товарам заботой о своем здоровье и здоровье семьи. Выяснилось также, что мужчины достаточно экономны. Они готовы переплатить за «зеленый» товар не более 20 %. Наиболее часто мужчины приобретали «зеленые» продукты питания, эко-сумки и компьютеры.

Несколько иную картину можно было наблюдать у женщин. Причиной выбора «зеленых» товаров для них становилась преимущественно забота о здоровье семьи и детей (50 %), на втором месте была забота об экологии (32 %). Примечательно, что женщины заявили о своей готовности значительно переплачивать за «зеленые» товары: 20 % опрошенных респонденток отметили, что купят такой товар, даже если он будет стоить в два раза дороже обычного. Наибольшей популярностью у женщин пользовались такие типы «зеленых» товаров, как косметика (40 %), продукты питания (37 %) и эко-сумки (20 %).

Таким образом, по результатам исследования выявляется, что в аудитории мужчин более сильны мотивы эко-рациональности. Поэтому их стиль поведения, по нашему мнению, более близок к моделям «эко-центрика» и «эко-экономa».

[1] Подробно результаты исследования представлены в работе [19. С. 218–231].

В свою очередь, женщины являются основным драйвером развития «зеленого» рынка. Здесь, как видно, доминирует сегмент «эко-мамы». Также, определенную часть женской аудитории можно отнести к сегменту «альфа-эко». Такие женщины не только озабочены проблемами экологии, но и готовы ощутимо переплачивать за «зеленый» товар. При этом в ходе исследования не удалось выявить респондентов, для которых покупка «зеленых» товаров была бы обусловлена соображениями имиджа («эко-модники»). А, к примеру, в США этот сегмент считается самым многочисленным. К нему относят 57 млн взрослых американцев. Такая ситуация, по нашему мнению, может свидетельствовать о том, что производители «зеленых» товаров недостаточно активно популяризируют свою продукцию, не занимаются пропагандой экологического мышления и экологического имиджа. Работа в этом направлении может расширить круг потребителей, заинтересованных в покупке экотоваров.

Заключение. «Зеленые» маркетинговые стратегии не только дают бизнесу возможность внести существенный вклад в спасение мира от экологических катастроф, но и позволяют реализовать новые коммерческие возможности и получить новые источники конкурентных преимуществ. Однако, выстраивая свою работу на рынке «зеленых» товаров и услуг, компании должны принимать во внимание отличия в предпочтениях и покупательском поведении различных категорий «зеленых» потребителей. Учет результатов сегментирования «зеленого» рынка позволит более эффективно выстроить маркетинговый инструментарий для достижения «зелеными» брендами различных целевых аудиторий.

Источники

1. Смирнова Е. В. Экологический маркетинг // Практический маркетинг. – 2010. – № 4(158).

2. Defining Green Marketing. – URL: http://dstevenwhite.com/2010/08/04/defining-green-marketing.

3. Defining Green Products. – Atlanta : Air Quality Sciences, Inc., 2010.

4. Тимофеева Т. М., Поротникова Н. А. Измерение ценности экодружественных брендов (на примере исследования потребителей косметики в России и США) // Брендменеджмент. – 2012. – № 1.

5. Ryals L. Marketing a Green Brand // ADMAP. – 2012. – December.

6. Аналитический отчет РБК. Рынок био-продукции. – М., 2009.

7. Панюкова В. Экотовары – осознанный выбор покупателя // Российская торговля. – 2011. – № 9–10.

8. Byers P. Is Green Marketing Responsible Marketing? – URL: http://www.outsourcemarketing.com/is-green-marketing-responsible-marketing

9. Best Global Green Brands – 2014. – URL: http://www.interbrand.com/en/best-global-brands/Best-Global-Green-Brands/2014/best-global-green-brands-2014-brand-view.aspx

10. Hartmann P., Apoalaza Ibanez V., Forcada Sainz F. J. Green Branding Effects on Attitude: Functional Versus Emotional Positioning Strategies // Marketing Intelligence & Planning. – 2005. – № 1. – Vol. 23.

11. Даллакян А. Ценностный подход в брендинге. Развитие и трансформация ценностей в бренд-кодах. Эко-бренды. – URL: http://www.advertology.ru/article84665.htm.

12. Потребление экотоваров в России будет только расти. – URL: http://kanzoboz.ru/article.php?view=461477

13. Розенберг А. Г. Комментарий к статье Роберта Костанцы с соавторами («Nature», 1997) // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. – 2011. – № 1. – Т. 20.

14. Banikarim M. Seeing Shades in Green Consumers // MediaWeek. 2010. – URL: http://ecoamerica.typepad.com/blog/2010/04/seeing-shades-in-green-consumers.html

15. Котлер Ф., Картаджайя Х., Сетиаван А. Маркетинг 3.0. – М. : Эксмо, 2011.

16. Гуськов А. И. Инструментарий продвижения органической продукции на европейский рынок: опыт и перспективы для России // Управление экономическими системами. – URL: http://www.uecs.ru/marketing/item/2614-2013-12-12-10-19-08.

17. Вкусные бактерии: как заставить покупать мороженое тех, кто заботится о здоровье. – URL: http://www.forbes.ru/svoi-biznes/istorii-uspekha/243819-vkusnye-bakterii-kak-zastavit-pokupat-morozhenoe-tekh-kto-zabotit

18. Шматков Н. «Зеленый» значит выгодный: перспективы товаров экологически ответственных производителей на рынке в период финансового кризиса // Устойчивое лесопользование. – 2009. – № 2 (21).

19. Хмелькова Н. В., Перевозчиков К. И. Предпосылки и перспективы «зеленого» брендинга: мировой опыт и российские исследовании // Бренд-менеджмент. – 2014. – № 4.

«Молодые голоса»*

* В рубрике «Молодые голоса» редакция дает возможность опубликовать работы начинающим исследователям в различных отраслях науки.

УДК 369

Тимофеева Ксения Евгеньевна
магистрант 2-го курса,
направление «Экономика», факультет бизнеса
и управления, НОУВПО Гуманитарный
университет (г. Екатеринбург)

Timofeeva Ksenia Evgenyevna
Master Student, Business
and Management Department,
Liberal Arts University – University
for Humanities (Ekaterinburg)

Кырма Ксения Ивановна
магистрант 2-го курса,
направление «Экономика», факультет бизнеса
и управления, НОУВПО Гуманитарный
университет (г. Екатеринбург)

Kyrma Ksenia Ivanovna
Master Student, Business
and Management Department,
Liberal Arts University – University
for Humanities (Ekaterinburg)

ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ СТОИМОСТИ ЖИЗНИ

APPROACHES TO THE VALUE OF LIFE ASSESSING

Аннотация
Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме, поскольку на данный момент не существует официально признанной и единой методики, в то время как она остро необходима для расчетов компенсаций и материальной помощи жертвам всевозможных катастроф и терактов. Авторами проведена работа по определению эквивалента стоимости человеческой жизни, проанализировано применение различных методик и показателей в сравнении России с развитыми странами.
Ключевые слова: стоимость жизни; стоимость среднестатистической жизни; оценка стоимости жизни; показатель стоимости жизни; эквивалент стоимости человеческой жизни.

Abstract
The article is devoted to the topical problem of the present, because there is no officially recognized and uniform methodology, whereas it is absolutely necessary for the calculation of compensation and financial assistance to victims of all kinds of disasters and terrorist attacks. The authors carried have elaborated the definition of the equivalent value of human life, analyzed the use of different methodologies and indicators comparing Russia with developed countries.
Key words: cost of living; the value of statistical life; estimate the cost of living; cost of living index; equivalent value of human life.

Стоимость человеческой жизни (стоимость среднестатистической жизни, ССЖ) – это условная расчетная экономическая величина, для определения которой применяются различные методики и показатели. «Стоимость человеческой жизни» или «стоимость среднестатистической жизни» условна потому, что человеческая жизнь не является рыночным товаром.

Определение стоимости жизни может потребоваться в различных случаях: для определения размера компенсационных выплат при травмировании и гибели людей на производстве, в авариях и катастрофах, при террористических актах; для разработки мер безопасности; для планирования деятельности правоохранительной системы, здравоохранения, аварийных служб; для определения страховых сумм, страховых премий и выплат при страховании жизни и здоровья [8].

Необходимость оценки денежного эквивалента человеческой жизни следует из того, что повышение безопасности людей в разных сферах жизнедеятельности – в транспорте, на производстве, в быту – требует выделения средств на минимизацию опасных факторов и ликвидацию рисков.

На данный момент в России не существует официальной методики определения стоимости человеческой жизни, но, как показывает практика, без нее невоз-

© Тимофеева К. Е., Кырма К. И., 2014

можно проведение расчетов компенсаций и материальной помощи жертвам различных катастроф, стихийных бедствий и терактов. Правительство нашей страны оценивает стоимость человеческой жизни дешевле стоимости элитного щенка.

Государство и общество предпочитают тратить деньги на амбициозные цели. Вопросы, связанные с определением стоимости человеческой жизни, касаются не только России. Впервые стоимостные оценки человеческой жизни были разработаны в Великобритании и США в 50-х годах прошлого века. В рамках методики оценки издержек, стоимость жизни приравнивалась к стоимости продукции и услуг, недополученных из-за гибели или потери трудоспособности граждан. Иными словами, стоимость жизни соответствовала размеру «человеческого капитала», который, в свою очередь, равен добавленной стоимости, производимой человеком за всю жизнь.

Однако такая оценка оказалась, во-первых, поверхностной с точки зрения экономической науки, так как она не могла выявить полные издержки общества от гибели человека (прямые и косвенные).

Во-вторых, такой подход неприемлем с социальной точки зрения, так как человек – это не только то, что он производит. Стоимость жизни должна определяться иначе, в соответствии с «человеческим капиталом», потому что профессиональная деятельность – это не вся составляющая жизни, а лишь ее незначительная часть.

Поэтому методики оценки стоимости человеческой жизни в различных странах получили дальнейшее развитие и совершенствование. В последние десятилетия экономисты разных стран, пытаясь оценить «стоимость среднестатистической жизни» («value of a statistical life», VSL), провели множество исследований [12].

В направлении VSL весьма интересна работа американских ученых Кипа Вискузи и Джозефа Альди, которые провели анализ стоимости среднестатистической жизни американцев. Результаты расчетов показали, что эластичность стоимости жизни по доходу составляет одну вторую. Это значит, что цена жизни людей, зарабатывающих на 1 % больше, выше лишь на 0,5 %, а при увеличении доходов в 4 раза стоимость жизни только удваивается. В результате стоимость жизни современного «среднестатистического американца» составляет приблизительно 4,36 млн евро [1. С. 48].

Оценки стоимости среднестатистической жизни, принятые в страховой практике стран Центральной и Восточной Европы, привели к постепенному сближению подходов в определении экономической ценности сохраненной жизни. Следуя логике вычислений вышеупомянутых американских ученых, стоимость жизни россиянина должна быть примерно в 2,23 раза ниже подобного показателя для американца. То есть должна составлять в среднем 2 млн евро. Или быть хотя бы сопоставимой с европейской стоимостью жизни в 1 млн евро. Однако этого не происходит.

Федеральным законом Российской Федерации от 27 июля 2010 г. № 225-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте» предусмотрен «размер страховой выплаты за причинение вреда жизни потерпевшего в размере 135 тысяч рублей», а также «не более 25 тысяч рублей на возмещение расходов на погребение – лицам, понесшим эти расходы», т. е. в общей сложности не более 160 тысяч рублей.

Стоимость жизни человека в России снизилась по сравнению с 2012 годом почти на миллион. Сейчас россияне хотят, чтобы в случае их гибели на производстве или на транспорте родственникам выплатили компенсацию в 3,5 млн руб. В прошлом году стоимость жизни оценивали в 4,3 млн руб., об этом говорят данные исследования, проведенного «Росгосстрахом». Одна из причин, по которой рес-

понденты именно так оценивают жизнь человека, – советское прошлое, уверен глава Центра стратегических исследований «Росгосстраха» Алексей Зубец [7].

Центр стратегических исследований страховой компании «Росгосстрах» выяснил, какую сумму жители России считают оптимальной для материальной компенсации в случае гибели человека или при полной потере трудоспособности. В 2013 году наши соотечественники решили, что «стоимость жизни» должна быть выше, чем в предыдущие годы.

Безусловно, термин «стоимость человеческой жизни» не стоит понимать буквально, ведь жизнь бесценна и не подчиняется никаким рыночным законам. Под этим словосочетанием понимается средний размер предполагаемой выплаты в случае гибели страхователя, которую 3 900 опрошенных россиян из 36 городов страны считают адекватной.

Как сообщает пресс-центр компании «Росгосстрах», в нынешнем году средняя «стоимость жизни», по мнению россиян, равна 3,6 млн рублей (в 2012-м – 3,5 млн). Одновременно с этим, в ходе исследования определили адекватный и приемлемый размер возмещения в случае потери трудоспособности из-за аварии или травмы, полученной в процессе трудовой деятельности. Справедливая, по общему мнению, компенсация при полной потере трудоспособности совсем немного отличается от выплаты в случае гибели – 3,4 млн рублей [10].

Стоит отметить, что разные категории граждан (по полу, социальному статусу, возрасту и т. д.) неодинаково оценивают жизнь. Например, топ-менеджеры предприятий считают, что размер возмещения должен быть равен примерно 5,8 млн рублей, в то время как студенты называют цифры значительно меньшие – 3,9 млн рублей. Также достаточно существенно отличаются результаты расчетов в разных городах: наивысшие показатели зарегистрированы в Красноярске (5,5 млн рублей), Волгограде (4,3 млн рублей) и Ярославле (4,1 млн рублей).

О значимости подобного исследования высказал свое мнение руководитель Центра стратегических исследований компании «Росгосстрах» Алексей Зубец: «Любые оценки справедливого возмещения в связи с гибелью человека будут социально приемлемыми и оправданными, если они соответствуют общественным представлениям о справедливости. Именно поэтому мы считаем, что метод прямого опроса населения является наиболее адекватным способом получить необходимые оценки» [6].

Под стоимостью жизни в исследовании понимается размер справедливой, по мнению респондентов, денежной компенсации. За все время исследований максимальный размер компенсации в случае гибели составлял 4,3 млн руб. В то время как сейчас в США условная оценка стоимость жизни человека доходит до $3 млн [3. С. 45].

Так по какому же фактору оценивать стоимость человеческой жизни в России, есть ли определенная теория, которая может привести к справедливой оценке, учитывая равенство людей и не разделяя их по социальным, национальным и прочим факторам?

На самом деле компенсации в России в случае смерти человека намного меньше 3,6 млн рублей, которые россияне считают справедливой стоимостью человеческой жизни.

По данным СК «Ренессанс Жизнь», размер выплат по страховке в случае смерти составляет около 2 млн рублей (от пяти до десяти годовых окладов). Однако в практике данной компании были выплаты больше 15 млн рублей в случае смерти. Но, чтобы получить столь высокую компенсацию, надо зарабатывать как минимум 1,5 млн рублей в год, или 125 тыс. в месяц, плюс купить страховку с компенсацией в 10 годовых окладов [10].

Выплаты по социальному и обязательному страхованию в России не столь велики. Например, по ОСАГО в случае смерти можно рассчитывать приблизительно на 150 тыс. рублей в виде компенсаций. Родственникам погибшего в результате несчастного случая на производстве выплатят из фонда социального страхования (ФСС) не более 80 тыс. рублей.

В законе РФ об обязательном страховании гражданской ответственности перевозчиков предельная выплата в случае смерти составит 2 млн рублей (не включая 25 тыс. рублей на погребение). Если человек погиб в результате теракта, родственникам полагается компенсация в размере 1 млн рублей.

Государство оценивает стоимость жизни военнослужащих ниже, чем сами жители страны. В случае непредвиденной смерти военнослужащего его родные могут получить максимум до 3 млн рублей (минимум – 204 тыс. рублей).

В случае каких-либо резонансных несчастных случаев правительство очень часто выплачивает родственникам погибших единовременное пособие. Но выплаты эти, практически всегда, не превышают 2 млн рублей. Так, при наводнении в Крымске семьи погибших получили по 2 млн рублей, а также по 160 тыс. рублей на каждого близкого родственника.

И только лишь семьи погибших работников правоохранительных органов и судей в России зачастую получают справедливую в глазах общества компенсацию – в районе 9 млн рублей (что гораздо больше 3,6 млн рублей). Судебные работники застрахованы на случай гибели в период работы в соответствии с требованием Федерального закона № 45. Сумма выплат составляет около 180 месячных окладов.

Суд также не сможет помочь «справедливо и честно» оценить жизнь человека в 3,6 млн рублей и инвалидность в 3,4 млн рублей.

В случаях нетрудоспособности сроком до одного года суды могут присудить компенсацию, но не больше чем 100 тыс. рублей. А за перелом руки, предположим по вине коммунальных работников, следует ожидать гораздо меньшую выплату.

В смертельных случаях через суд можно попробовать добиться выплат максимум до 1 млн рублей по компенсации. По статистике, за каждого убитого человека в ходе гражданского иска, включая уголовные процессы, суд назначает выплаты около 1 млн рублей. На это есть политическая причина. Ведь если суд обязует выплатить крупную сумму в отношении полупрозрачного работодателя, то задолженность вряд ли удастся возместить в ходе исполнительного производства у приставов. А прозрачных работодателей, которых у нас и так маловато, суровые решения суда могут разорить [4. С. 90].

В Соединенных Штатах, к примеру, к этому вопросу подходят более прагматично. Как рассказывали юристы, в некоторых городах при оценке компенсации в ход идет налоговая история погибшего: сколько он заплатил налогов обществу, столько же обязан возместить родственникам виновник его смерти [9].

Естественно, что в более экономически развитых, более богатых странах рассматриваемые показатели гораздо выше, чем в развивающихся и бедных государствах.

Компенсационные выплаты семье или близким безвременно погибшего россиянина обычно осуществляют страховые компании, перевозчики, государство и/или работодатель.

В обозримом будущем показатели стоимости жизни человека в нашей стране, по мере ее экономического роста, скорости перемещения из группы развивающихся в группу развитых экономик и перехода на более прогрессивную парадигму хозяйствования, будут неминуемо возрастать, что будет способствовать значительному повышению экономической и гражданской безопасности проживания

людей в России, а также соответствующему увеличению продолжительности жизни россиян. Со временем станет выгодней вкладывать денежные средства в обеспечение безопасности и повышение срока жизни граждан страны, чем выплачивать возросшие компенсации за преждевременно ушедших из жизни.

Литература

1. Кликунов Н. Д. Оценки стоимости человеческой жизни // Общество и экономика, 2009. – № 3.

2. Райзберг Б. А. Современный экономический словарь. – М. : ИНФРА-М, 2007.

3. Ревуцкий Л. Д. Человеческий капитал предприятия: как его оценивать // Человек и труд. – 2010. – № 7.

4. Ревуцкий Л. Д. Человеческий потенциал отдельного работника и трудового коллектива предприятия // Аудиторские ведомости. – 2010. – № 10.

5. Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте : федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2010 г. № 225-ФЗ.

6. Григорьянц Т. Россияне оценили стоимость человеческой жизни // Вести FM : [сайт]. – 2013. – 14 марта. – URL: http://radiovesti.ru/article/show/article_id/81182

7. Самофалова О. Все имеет цену: россияне оценили стоимость человеческой жизни // Взгляд : деловая газета : [сайт]. – 2013. – 14 марта. – URL: http://vz.ru/economy/2013/3/14/624245.html

8. Стоимость человеческой жизни // Википедия. – URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Стоимость_человеческой_жизни

9. Цена человеческой жизни... составляет в России 300 тысяч долларов // Lenta.ru : [сайт]. – 2004. – 19 февраля. – URL: http://lenta.ru/articles/2004/02/18/lifeprice/

10. Стоимость человеческой жизни // Росгосстрах–жизнь : [сайт]. – URL: http://www.rgs.ru/pr/csr/lifecost/index.wbp

11. Российская газета. – URL: http://www.rg.ru/

12. Решетова Е. Жизнь – не бесценна // OPEC.ru : экспертный сайт Высшей школы экономики. – 2013. – 27 марта. – URL: http://www.opec.ru/1468795.html

13. Гуриев С. М. Мифы экономики: заблуждения и стереотипы, которые распространяют СМИ и политики. – 3-е изд., доп. и перераб. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2010.

Правовая и политическая культура в социальной, государственной, военной истории России и мира

УДК 340.1

Денисов Сергей Алексеевич
канд. юр. наук, доцент кафедры прав человека юридического факультета,
НОУВПО Гуманитарный университет
(г. Екатеринбург)
E-mail: sa-denisov@yandex.ru

Denisov Sergey Alekseevich
Candidate of Law, Associate Professor at Human Rights Chair, Legal Department, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПЕРЕХОДА ОТ АДМИНИСТРАТИВНОЙ К БУРЖУАЗНО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

PATTERNS OF TRANSITION FROM ADMINISTRATIVE LEGAL SYSTEM TO BOURGEOIS LEGAL SYSTEM

Аннотация
В мире осуществляется переход от административной правовой системы к буржуазной. Автор статьи выявляет закономерности такого перехода. Право изменяется вместе с обществом. В обществе происходит борьба между реформаторами и консерваторами. Возникает противоречивая правовая система. Реформы сменяются контрреформами. Идет борьба правовых идеологий.
Ключевые слова: типы правовых систем; административная; буржуазная правовая система; закономерности перехода от одного типа правовой системы к другой.

Abstract
There is the transition from administrative legal system to bourgeois in the world. The author examines the patterns of this transition process. The law changes alongside with the society. In the society there is a struggle between reformers and conservatives. They create conflicting legal system. Reforms are followed by counter-reforms. The struggle of legal ideologies occurs as a result.
Key words: types of legal systems; administrative; bourgeois legal system; patterns of transition from one legal system type to another.

С XX в. начался повсеместный переход стран мира от административного типа общества [1] (иногда говорят «этатизированного», или «восточного») к частнособственническому типу. Вместе с этим изменяется и надстройка этих обществ. Они переходят от административного типа государства [2] и правовой системы [3] к буржуазному государству и правовой системе, иногда называемой гражданской. Основным законом жизнедеятельности идеального типа (научной модели) административного общества является экономическое, политическое и идеологическое господство административного класса, состоящего из лиц, входящих в аппарат государства и аппарат организаций, состоящих при государстве (государственная церковь, партеоразное объединение чиновников и их клиентелы) над иными классами и группами этого общества. Последние не в состоянии создать своего государства и выжить без опеки со стороны административного класса. Сущность административного государства и правовой системы заключается в том, что они являются орудиями поддержания указанного господства.

Экономическое господство административного класса обеспечивается поддержанием государственно-бюрократической формы собственности на основные средства производства. Частная собственность здесь, как правило, имеет условный характер или объектом ее являются незначительные ценности. Государство отнимает у общества основную долю производимого им продукта, а затем распределяет его в интересах и по воле административного класса (распределитель-

© Денисов С. А., 2014

ная экономика). Право на предпринимательство и рынок здесь либо отсутствует, либо играет второстепенную роль. Политическое господство административного класса обеспечивается недемократическим характером государства, аппарат которого формируется сверху вниз от правителя. Население лишено политических прав и свобод. Административное государство и созданные им органы и организации вырабатывают идеологию, оправдывающую господство административного класса, и внедряют ее в сознание населения. Право закрепляет господство государственной идеологии и борется с инакомыслием. Такого рода общества возникают при производительных силах, которые могут развиваться за счет государственной мобилизации всех общественных ресурсов (природных, материальных, организационных, человеческих, духовных) на решение задач выживания и конкуренции с другими обществами (государствами). Древние империи выживали за счет государственного строительства ирригационных сооружений, крепостей и армий. Советская модель административного общества успешно решала проблему догоняющей индустриализации с заимствованием достижений науки и техники в буржуазных странах, проблему строительства мощной, хорошо вооруженной армии. Мобилизация всех ресурсов позволила достичь высоких результатов в освоении космоса.

К середине XX в. стало казаться, что советская модель административного общества вполне конкурентоспособна по отношению к буржуазным обществам, развивающимся за счет интенсивного производства, конкуренции и заинтересованности каждого в результатах своего труда. Ее стали брать за образец другие страны мира. Однако в последней четверти XX в. мобилизационная политика административного государства начала давать сбои. Упали цены на нефть, за счет которой СССР получал валютные доходы, выросла стоимость рабочей силы. Людям надоело работать ради счастья в далеком будущем. Гуманистическая идеология частнособственнических систем стала вытеснять идеологию этатизма и великодержавия. Крах стержневой страны административной цивилизации планеты повлек за собой подрыв авторитета административной модели общества, государства и правовой системы во всем мире [4. С. 10]. Начался повсеместный переход к частнособственнической модели общества, государства и права.

Какие закономерности характерны для названного перехода?

1. Переход от административной государственно-правовой системы к частнособственнической, с точки зрения материалистического подхода, связан не с благим пожеланием какой-то группы людей, а вынуждается конкуренцией в мире между двумя типами цивилизаций. Общества административного типа решаются изменить свою надстройку по причине того, что начинают проигрывать в соревновании с частнособственническими системами. Успехи капитализма в Англии и Голландии подтолкнули монархов других европейских стран искусственно вводить у себя буржуазные отношения и буржуазные нормы права. Россия XIX в. решилась на буржуазные реформы в праве (отмена крепостного права и предоставление крестьянам гражданских прав, судебная и городская реформа) после поражения в Крымской войне. Япония в 1868 г., обнаружив свою военную немощь перед странами Европы и США, быстро начала переход от старого феодально-административного общества к буржуазному. Россия конца XX в. сделала шаг к заимствованию буржуазного права в силу разочарования в советском праве и государстве. Китайское руководство, которое оказалось не способно добиться быстрого развития страны путем заимствования правовой модели СССР, раньше всех из блока так называемых социалистических стран (с 1979 г.) решило начать эксперимент с внедрением у себя отдельных норм частного права (сначала аренды земли, затем частной собственности и права на предпринимательство), судебной защиты прав граждан от произвола бюрократии [5. С. 7–8; 6. С. 42–44].

Переход от административной к частнособственнической государственно-правовой системе является естественным процессом, подчиненным определенным объективным законам, на который, конечно, влияют субъективные факторы.

2. Решающее влияние на темпы, глубину и масштаб реформ оказывают страны с частнособственнической правовой системой, которым выгодно, чтобы во всем мире действовали универсальные правила жизни, схожие с теми, что есть у них [7. С. 14]. Это помогает движению по пути глобализации. Поэтому маленькие и слабые страны, отдавшие себя под контроль сильных стран Запада (страны Центральной и Восточной Европы) достаточно быстро продвинулись по пути заимствования чужой правовой системы [8. С. 10]. Те страны, в которых в силу имперских (Россия) или националистических (Сербия) амбиций влияние стран Запада незначительно, показывают меньшие темпы и глубину реформ в праве. Страны Центральной Азии, находящиеся под контролем России, не привлекают внимания Европы и США. Пространственно они находятся далеко от европейских границ. Поэтому они только обозначают реформы [9. С. 116] или ограничиваются изменением правового регулирования сферы экономики (введение условной частной собственности и условного права на предпринимательство вместо полного отказа от них в СССР).

Страны, важные для частнособственнической цивилизации, искусственно подталкиваются к буржуазным реформам (насильственное реформирование Японии и Германии после Второй мировой войны, Ирака с 2004 г.) и даже революции (Ливия, Сирия, Тунис). Для начала движения по пути реформ важным является свержение харизматического лидера. Административный класс, теряющий лидера, раскалывается на части (группы), которые конфликтуют между собой. Появляется социальная почва для введения норм демократического режима и республиканской формы правления.

Реформы правовой и государственной системы могут проходить в довольно короткий исторический период (по сравнению с переходом от феодального права к буржуазному в странах-первопроходцах), поскольку могут быть основаны на заимствовании готовых образцов норм и институтов в странах Запада.

3. Население в административных обществах пассивно, не способно к самостоятельной политической деятельности. Поэтому вопрос о реформах в государстве и праве здесь решают управленческие элиты, исходя из собственных интересов**.** Характер этих управленческих элит определяет ответ на то, что заимствовать в странах Запада, в каких масштабах и форме. Управленческие элиты в странах Восточной Европы были менее оторваны от общества. Да и сами члены общества были более активны, еще не искалечены до конца сорокалетним периодом господства социалистической модели административного государства. Поэтому, например, в Чехии законы о приватизации обеспечили более справедливое распределение государственного имущества между населением с помощью приватизационных чеков. Население СССР под воздействием семидесятилетнего ига социалистического государства и права было совершенно не способно отстаивать свои интересы. Поэтому нормы указного права о приватизации и режим беззакония позволил управленческим элитам поделить государственное имущество между собой и своей клиентелой. Люди получили акции предприятий, но оказались совершенно не способными защитить свои права миноритариев и быстро потеряли свои доли в акционерных обществах.

4. Административный класс, который руководит реформами в праве и государстве, готов отказаться от своего монополистического господства в сфере экономики, но пытается сохранить свое полное господство в сфере политической жизни. Поэтому реформы, в первую очередь, касаются регулирования имущественных отношений, расширения использования норм гражданского права. Пере-

ход от доконституционного государственного права к конституционному идет более трудно. Там, где управленцы полностью сохраняют контроль над процессом реформ (Китай, Вьетнам), перехода к конституционному праву вообще не происходит. Конституционализм продолжает имитироваться. Партеобразное объединение бюрократии и ее клиентелы (партия власти) продолжает господствовать над государством и обществом. М. С. Горбачев, который не вполне осознавал интересы советской бюрократии и начал реформы со сферы политики (изменения в государственном праве), а не со сферы экономики, был наказан жизнью и потерял власть. Б. Н. Ельцин и его окружение также пали жертвой своих демократических убеждений. Попытки сохранить политическую власть в руках бюрократии путем введения суперпрезидентской республики были сделаны в Сербии (С. Милошевич), Хорватии (Ф. Туджман), Словакии (В. Мечьяр). Но в обществе нашлись демократические силы, которые, опираясь на помощь с Запада, сумели отстранить диктаторов от власти и отстоять конституционализм.

В Западной Европе также, сначала, развитие получило гражданское и торговое право (с XI в.) [10. С. 316]. Только после того, как буржуазия укрепилась, она добивается введения норм конституционного права [Там же. С. 341].

Административный класс вообще не заинтересован в переходе от административной правовой системы к частнособственнической. Принужденный к реформам, он старается заимствовать только некоторые ее элементы, при этом изменив их в соответствии с собственными интересами.

5. Управленческие элиты, осуществляющие государственно-правовые реформы, не могут открыто заявить о своих интересах. Они создают видимость того, что действуют в интересах общества. Поэтому они вынуждены принимать массу законов, которые должны обозначать реализацию каких-то общественно полезных целей. Те нормы законов, которые вступают в конфликт с интересами административного класса, не обеспечиваются государственной защитой или реализуются время от времени в демонстративных целях. Например, нормы о борьбе с коррупцией в России применяются к части в основном мелких чиновников для того, чтобы показать, что государство защищает общество. Но в целом коррупция остается важнейшим способом перераспределения общественных благ между административным классом и ее клиентелой. Множество норм законов не действует в силу того, что в переходный период в стране еще нет социальных сил, которые могли бы воспользоваться этими нормами в своих интересах. Например, в России большинство членов общества отказывается от использования декларированных в Конституции РФ политических прав и свобод (ст. 29–32). Закономерным результатом этого является деление официального права на нормы, которые действуют на практике, и декларативные нормы, существующие только на бумаге. Естественно, следует выделить нормы, которые применяются только иногда в качестве показного мероприятия.

6. Сохранение в переходный период влияния административного класса, при необходимости сокрытия этого, приводит к тому, что он вынужден вводить в действие массу норм, которые не декларируются в официальном писаном праве. По неписаным нормам права живет та часть общества, которая не желает никаких изменений. Формой выражения этих норм реально действующего, но официально не признаваемого права являются неписаные правовые обычаи, административные и судебные прецеденты, нормативные договоры, политико-правовые доктрины. Часть норм реально действующего права содержится в законах, противоречащих конституции, и в подзаконных актах, противоречащих законам. Например, в современной России вопреки нормам Конституции РФ действуют обычаи доверия населения к правителю, которые устраняют республиканскую форму правления (ст. 1 Конституции РФ). Обычай неучастия в управлении государственными и

общественными делами успешно устраняет действие нормы, декларирующих демократический режим (ст. 1 Конституции РФ). Патрон-клиентское соглашение между соправителями России в 2008–2012 гг. позволяло успешно нейтрализовать нормы Конституции РФ, закрепляющие сверхвысокую власть Президента РФ (гл. 4 Конституции РФ). В. В. Путин сохранил свою верховную власть, не занимая должности Президента РФ в указанный срок, и без сопротивления со стороны кого-либо вернул себе должность Президента РФ в 2012 г. Конечно, не Конституция РФ (ст. 5, гл. 3), а неписаные патрон-клиентские соглашения между управленческими элитами центра и регионов определяют характер фактически имперского государственного устройства России. В стране успешно действуют неконституционные (с позиции автора) законы «Об общественных объединениях» 1995 г. (с изм. и доп.) [11], «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетировании» 2004 г. (с изм. и доп.) [12], «Об общих принципах организации (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Федерации» 1999 г. (с изм. и доп.) [13], «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» 2003 г. (с изм. и доп.) [14] и т. д., которые подменяют демократический политический режим в стране авторитарным, федеративное государственное устройство – имперской централизацией, местное самоуправление – бюрократическим государственным управлением на местах. Сегодня в России высшую юридическую силу явно приобрели нормы, формулируемые Правителем в виде политико-правовых доктрин. Они являются источником для изменения Конституции РФ. Федеральное Собрание открыто ставит нормы, декларированные в обращении Президента РФ к Федеральному Собранию, в основу своей законодательной деятельности [15. С. 3]. Конституционный Суд, вместо того чтобы охранять Конституцию РФ, подводит необходимые теоретические обоснования под принимаемые по требованию Правителя законы, которые могут ограничивать демократию, республику, федерализм, умалять права человека [16. С. 2–8]. Налицо конфликт иерархий источников права.

В названных условиях закономерен огромный разрыв между официальным писаным правом и реально действующим правом. В переходных странах фактически имеются две противоречивые правовые системы. Одна – официальная, которую изучают юристы-позитивисты. Вторая – реальная, которую изучают юристы, придерживающиеся социологического правопонимания [17. С. 6–12]. Их нормы только частично совпадают по своему содержанию.

7. Принятие множества официально декларируемых норм, не работающих на практике, сопровождается формированием особого механизма нейтрализации действия норм права или их полного блокирования. Этот механизм имеет как объективно возникающие, так и искусственно создаваемые элементы. К объективным факторам относится отсутствие социальных групп, которые могли бы пользоваться перенесенными из других странах нормами права. Естественно, административный класс принимает все зависящие от него меры, чтобы нормы, не выражающие его интересов, оставались только на бумаге. В соответствии с дифференциацией общественной жизни автор разделяет элементы механизма нейтрализации норм права на социальные, экономические, политические, духовные и собственно правовые [18. С. 2–8].

К. Маркс отмечал, что право не может опережать общественное развитие. Поэтому каждый искусственный закон, опережающий развитие общества, тут же обрастает механизмами его нейтрализации. За годы реформ в России закон о государственных и муниципальных закупках подвергался неоднократному изменению с целью устранить коррупционные лазейки. Но административный класс и его клиентела при отсутствии общественного контроля неизменно нейтрализовывали

его, находя все новые и новые способы поделить между собой государственные (муниципальные) средства.

8. Состояние права, его продвинутость по пути реформ определяется наличием в обществе социальных сил, выступающих за возврат к старому, за остановку реформ или за продолжение реформ. Сторонники движения назад внедряют в право административный метод правового регулирования, разрешительный тип правового регулирования в отношении деятельности членов гражданского общества. Они вводят в систему права больше запрещающих и обязывающих норм, относящихся к представителям гражданского общества. Для государства, его органов и должностных лиц они оставляют больше свободы усмотрения, право регулировать, давать или отнимать права, запрещать или обязывать. Сторонники движения вперед к частнособственнической правовой системе требуют вводить шире общедозволительный тип регулирования, гражданско-правовой метод регулирования. Они заявляют о естественности своих прав и свобод и требуют от государства воздержаться от их ограничения.

Борьба между социальными группами общества в переходный период, часто скрытая, способствует принятию неопределенных и противоречивых норм, которые толкуются и используются каждой из противоборствующих сторон в своих интересах. Конфликтуют между собой не только отдельные нормы, но целые отрасли права. Конституционное и гражданское право, реализующие интересы реформаторов, вступают в конфликт с административным и уголовным правом, которые используются консерваторами. Разное толкование дается отдельным терминам. Сторонники реформ и их противники по-разному понимают термины «демократия» (у одних это либеральная демократия, у других «суверенная», африканская, мусульманская), «республика» (Органический сенатус-консульт 1804 г. гласил: «Управление республикой вверяется императору») [19. С. 120], «суверенитет народа», «право частной собственности» и т. д. На подъеме реформ противоречия и неопределенности толкуют в свою пользу реформаторы. В период контрреформ верх берет административный класс, восстанавливающий свои властные полномочия.

В переходный период неизбежно появляется множество новых общественных отношений, которые оказываются не урегулированными нормами права. Свободой усмотрения пользуются реально сильные и активные субъекты. Они используют пробелы в праве в собственных интересах. На первом этапе реформ – это представители гражданского общества. В период контрреформ пробелы используются правоприменителями, обладающими реальной властью.

Сила административного класса в значительной степени определяется его сплоченностью и способностью решать проблемы выживания общества. Китайская коммунистическая партия пока обеспечивает сплоченность и дисциплинированность административного класса, его способность эффективно регулировать общественные отношения. Здесь стали возможны планомерные, постепенные реформы права, обеспечивающие высокие темпы развития экономики, роста жизненного уровня населения и стабильность политической обстановки в стране. В России 1990-х гг. административный класс раскололся на непримиримые группы. Слабая группа реформаторов, понимая, что у них мало времени, постаралась провести революцию в правовой системе, быстро выбить почву из-под ног консерваторов, создав себе социальную опору в лице новых частных собственников и предпринимателей.

Население административного общества апатично. Оно привыкло жить по команде сверху. Появившимися в ходе реформ правами и свободами в сфере экономики и политики пользуются единицы, которые быстро концентрируют в своих руках материальные блага и власть. Страна от всеобщей уравниловки быстро пе-

реходит к высокому уровню социального расслоения. Это вызывает недовольство масс, которые переходят на сторону противников реформ. Эти массы начинают искать заступника в лице вождя. Они предают идеалы республики и демократии. От своего вождя они требуют ограничить право частной собственности и право на предпринимательство, путем расширения административных полномочий государственных органов и должностных лиц. Они поддерживают политику уголовных репрессий.

Реформы в праве зависят и от состояния экономики. Китай не может существовать за счет природной ренты. Поэтому коммунистическая элита административного класса Китая вынуждена способствовать развитию в своей стране предпринимательства, защищать с помощью норм права частную собственность, стимулировать инвестиции в страну. Россия, как и страны Персидского залива, остается сырьедобывающей страной, экономика которой основана на получении природной ренты. Главным в обществе остается вопрос о том, как поделить получаемую ренту. Поэтому правовая защита прав предпринимателей здесь неактуальна. Население беспокоит совершенствование норм социального права (регулирование справедливой раздачи благ). Поэтому буржуазные реформы в праве, проводимые китайскими коммунистами, осуществляются гораздо быстрее, чем в России, где коммунисты в оппозиции.

9. Эволюционное развитие правовой системы в переходный период связано с нарастанием силы новых социальных групп (буржуазии, независимой от бюрократии, гражданской интеллигенции, иных, независимых от бюрократии, групп), заинтересованных в этом развитии. Они требуют продолжения правовых реформ и реализации ранее декларативно провозглашенных норм конституции и законов. Предприниматели требуют обеспечить реальную защиту своего права собственности и права на предпринимательство, независимости суда, ограничения власти административных органов. Гражданская интеллигенция требует реализации декларированных в конституции личных и политических прав человека и гражданина. Например, предприниматели Китая добились права вступать в ряды Коммунистической партии Китая, что обеспечивает им участие в принятии важнейших решений государственной и общественной жизни. Гражданская интеллигенция России при поддержке иных активных групп граждан добилась возвращения ранее значительно урезанной многопартийности (ФЗ «О внесении изменений в ФЗ «О политических партиях») [20. С. 17].

Новые силы, опираясь на декларированные, но не работающие нормы, выступают как их защитники и обличают административный класс, который отказывается их реализовывать. В этом случае новые силы выступают с требованиями обеспечить конституционность и законность в стране. Отношение к нормам, закрепляющим интересы административного класса, наоборот, негативное. Подчас представители новых сил нарушают их: отказываются платить налоги, обеспечивающие экономическое господство административного класса, нарушают запреты проведения публичных мероприятий, создают тайные общества, направленные на свержение власти административного класса и конкретной правящей группы. Переход к капитализму в Западной Европе также проходил через нарушение норм позитивного права: бегство крестьян от сеньора, отказ платить ему налоги, незаконное занятие предпринимательством, в том числе самими феодалами [21. С. 317], нарушение административных норм, ограничивающих право на занятие предпринимательской деятельностью [Там же. С. 25].

По мере развития гражданского общества все большее количество людей втягивается в процесс формирования права, его реализацию и охрану. Право государства трансформируется в право общества, поддерживаемое, в том числе, при помощи государства.

При регулировании отношений в административном обществе в основном действует принцип: начальник всегда прав. В этих условиях нет потребности в большом количестве норм права. Отказ от названного принципа требует масштабного развития системы права, с помощью которого пытаются урегулировать всю массу общественных противоречий. Появление новых общественных отношений, новых субъектов права требует создания новых институтов права. Вместе с этим возникает армия юристов, которая разрабатывает (в качестве экспертов), систематизирует, толкует и помогает реализации норм права.

Борьба между разными социальными силами в переходный период приводит к тому, что формируется противоречивая правовая система, имеющая двойственную сущность. Отчасти она выражает интересы новых групп общества во главе с частными собственниками, отчасти продолжает служить административному классу. Сегодня исследователи спорят о том, перешла ли Россия к капиталистическому праву или нет.

10. Давно подмечено, что общества развиваются не линейно, а циклично. Реформы сменяются контрреформами. В рассматриваемом случае это связано с тем, что административный класс в переходный период сохраняет свою силу и при возникновении благоприятных условий пытается частично восстановить старую правовую систему и старое государство. Реформы Александра II в России во второй половине XIX в. сменились контрреформами при Александре III. Восстановление цен на нефть в начале XXI в. привело к тому, что в руках Правителя и правящей группы России появились огромные финансовые средства и переход к буржуазному праву и общественным отношениям для них стал бессмысленным. Страна получила возможность развиваться старым экстенсивным путем за счет государственных инвестиций. Политика приватизации сменилась политикой огосударствления. Вновь стало актуальным развитие хозяйственного права. Появилась необходимость с помощью норм права решать проблемы управления государственными корпорациями, акционерными обществами с участием государства, регулировать частно-государственное партнерство. В гражданское право вводится элемент административного метода регулирования. Его нормы ограничиваются нормами административного, налогового, земельного права. Государство поддерживает монопольное положение подконтрольных ему (его чиновникам) предприятий вне зависимости от того, запрещено оно законом или нет. Оно также поддерживает недобросовестное предпринимательство своих агентов и бюрократической клиентелы, вплоть до силовых форм предпринимательства: привлечения конкурентов к уголовной ответственности с целью отнятия бизнеса, привлечения к административной ответственности (лишение лицензий на определенные виды деятельности, ограничение квот на добычу ресурсов, ограничение передвижения товаров, услуг и финансовых средств). В современной России возник даже термин «административные барьеры». Все это используется для перераспределения общественного продукта в пользу государства, его чиновников и их клиентелы.

Наибольший откат в период контрреформ наблюдается в правовом регулировании политической сферы. Декларированная в конституции республика подменяется монократической формой правления. Демократический режим заменяется авторитарным. В первую очередь это осуществляется через неписаные нормы при сохранении деклараций республики, демократии. Но могут изменяться и официальные нормы. В Беларуси, Венесуэле, ряде стран Африки в конституции устраняется норма об ограничении занятия должности президента двумя сроками подряд. Диктатор, обеспечивающий власть всего административного класса, получает легальную возможность для пожизненного правления. В других странах действуют более мягко. Просто увеличивается срок занятия должности президента страны (Россия, Таджикистан). Там, где культ личности правителя не скрыва-

ется, поддерживается населением страны, его прямо объявляют пожизненным правителем (Туркменбаши, Лидер нации в Казахстане). Авторитарный режим восстанавливается путем введения разрешительной системы при использовании политических прав, через устранение политических свобод. Примером является запрет собираться на улицах городов в России без разрешения чиновников (ФЗ «О внесении изменений в Кодекс РФ об административных правонарушениях и ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях») [22. С. 4], введение разрешительного порядка создания общественных объединений и установление государственного надзора за ними (ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты РФ») [23]. Устранение республиканской формы правления осуществляется введением управляемых выборов в органы власти. Чиновники берут под свой контроль выдвижение кандидатов на выборах в органы власти и отсеивают всех нежелательных для них персон. Под предлогом обеспечения порядка на выборах под жесткий государственный контроль берется сам процесс проведения выборов, и не устраивающих административный класс кандидатов снимают с выборов под предлогом совершения ими каких-либо нарушений [24. С. 206–210]. При этом продвигаемый административным классом кандидат может нарушать все нормы законов. «Друзьям все! Врагам закон!» – говорил Б. Муссолини. Сформированный таким образом представительный орган не обладает властью, становится придатком при правителе или аппарате исполнительных органов [25. С. 104–118].

Поскольку темпы и глубина реформ во многом зависят от давления со стороны Запада, то в период контрреформ административный класс пытается минимизировать это давление. В России принимаются нормы, ограничивающие влияние иностранцев на информационном пространстве страны (ст. 7, 19.1 Закон РФ «О средствах массовой информации» с доп. и изм.) [26], пресекаются контакты граждан и их объединений с иностранными общественными объединениями, не только развивающими гражданское общество в стране, но и оказывающими социальную помощь больным и малоимущим. Правительство РФ в начале 2000-х гг. вводит налог на гранты, получаемые из зарубежных фондов, общественные объединения, получающие помощь из-за рубежа, ставятся в неблагоприятные условия (ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» от 20 июля 2012 г. № 121-ФЗ [27. С. 6] и ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастным к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан РФ» от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ [28. С. 1]) и сами отказываются от этой помощи.

Административный класс использует правовые и иные инструменты для того, чтобы помешать росту силы новых групп общества, их институционализации. Например, в России, после принятия ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты РФ» в 2006 г. [23], количество общественных объединений удалось сократить во много раз, свести к минимуму правозащитное движение, члены которого критиковали государственный аппарат. ФЗ «О принятии поправок в закон «О партиях» № 168-ФЗ от 20 декабря 2004 г. [29] позволил уменьшить число партий к 2012 г. до 7 и встроить разрешенные партии в бюрократический механизм государства. Демократические силы сегодня не имеют своих представителей в Государственной Думе. Правящая группа и административный класс в целом используют право для борьбы с оппозицией, которая пытается воспользоваться декларированными в Конституции РФ нормами для того, чтобы поставить государство и его органы под свой контроль [30. С. 15–21].

Контрреформы в стране могут сопровождаться заверениями о продолжении реформ. В правовой системе возникают элементы, обеспечивающие имитацию

продолжения реформ. Конституция и законы, роль которых возрастает на первом этапе реформ, все больше превращаются в декларации, которые легко нейтрализуются нормами иных источников права [31. С. 7–14]. Государство может создавать имитационные субъекты права, которые обозначают наличие конституционализма в стране. Оно создает или поддерживает создание квазиобщественных объединений, которые обозначают наличие гражданского общества и его поддержку бюрократического государства и правящей группы. Бутафорский характер приобретает система представительных органов. Ряд субъектов права только внешне аналогичны тем, которые существуют в частнособственнических правовых системах, но отличаются от них своей сущностью. Средства массовой информации на деле превращаются в средства массовой государственной пропаганды. Суды наряду с правосудием осуществляют помощь полиции и прокуратуре в репрессиях против оппозиции. Правоохранительные органы становятся органами политических репрессий. Правительство, наряду с законоисполнительной функцией, осуществляет функцию исполнения воли правителя, вне зависимости от того, соответствует она закону или нет. Президент страны является фактически пожизненным самодержавным диктатором. Конституционный суд только делает вид, что охраняет конституцию. Фактически он призван легитимировать волю правителя, придать ей вид, соответствующий конституции страны.

В условиях контрреформ, под лозунгом создания правового государства, фактически может формироваться полицейское государство. Возвещая о наведении порядка, обеспечении законности, оно издает огромное количество нормативных актов, призванных урегулировать все стороны жизни людей. Происходит устранение конституционных свобод. Люди «шагу не могут сделать» без разрешения чиновников. Зарегулирование общественной жизни прикрывается заботой о людях.

11. Процесс реформ и контрреформ не абсолютно детерминирован. Он зависит и от случайных факторов: убеждений и настроений представителей элит, особенно правителя, стечения обстоятельств. Например, в Болгарии буржуазные реформы в экономике и праве пришлось осуществлять коммунистической партии, и она вынуждена была взять на себя всю ответственность за их негативные последствия. В России, после выборов на должность Президента РФ В. В. Путина, быстро стали расти цены на нефть. Население связало с его приходом рост своего благосостояния. Многое зависит от личной позиции правителя. Б. Н. Ельцин оказался сторонником либеральных реформ. Закрепление его власти в Конституции РФ 1993 г. позволило провести (через его указы) приватизацию в стране, ряд других радикальных преобразований. В. В. Путин оказался умеренным консерватором. Используя те же полномочия, закрепленные в Конституции РФ, он восстановил сплоченность административного класса, объединил его в новое партеобразное объединение и фактически устранил многопартийную систему, декларированную в ст. 13 Конституции РФ. Он обеспечивает осуществление контрреформ в праве.

12. Условия внутреннего конфликта в обществе закономерно порождают противоречивое общественное правосознание. Часть общества поддерживает реформы в праве, а часть выступает против них. У профессиональных юристов и исследователей позиция часто определяется тем, какое право они защищают и исследуют. Сторонников реформ больше среди конституционалистов, которые нехотя являются пропагандистами декларированных в конституции норм и не могут поддерживать повсеместные нарушения их на практике в ходе контрреформ. За реформы выступают цивилисты. Это связано с тем, что нормы гражданского права развиваются при переходе к частнособственнической системе. Их действие ограничивается при контрреформах. Естественными противниками усиления частного права являются административисты, придерживающиеся, как правило, этатистских взглядов. Специалисты в уголовном и уголовно-процессуальном праве де-

лятся на два непримиримых лагеря. Адвокаты, естественно, выступают за смягчение уголовных репрессий и расширение своих прав в уголовном процессе. Представители государственных органов в штыки встречают изменения в уголовном процессе, ограничивающие произвол дознавателя, следователя, выводящие судью из системы органов обвинения. Они отрицательно относятся к смягчению санкций норм уголовного права, выступают, например, за применение смертной казни.

Главным в правосознании в переходный период от административной к частнособственнической правовой системе является конфликт между ценностями гуманизма и этатизма. Сторонники реформ активно используют для их продвижения теорию естественного права. С ее позиций они критикуют правовую политику административного класса, обвиняя его в произволе, требуют ограничить власть государства, его органов и должностных лиц. Этатисты стараются показать, как опасно доверять человеку, который свою свободу непременно использует для посягательства на интересы общества и государства. Они распространяют подозрительность, ищут врагов внутри общества и за рубежом, доказывают необходимость усиления государственного контроля за членами общества. В качестве права консерваторы признают только нормы, исходящие от государства (позитивное право). Иногда, для легитимации позитивного права, они используют идеи исторической концепции права, подчеркивая традиционность административной правовой системы. Теория естественного права критикуется ими, как подрывающая законность в стране.

Быстрота перехода от одного типа правовой системы к другому мешает легитимации новых норм в преимущественно консервативном обществе. Трудно оправдать право частной собственности, полученное не в результате длительного труда по организации производства и строительства предприятия, а на основании государственного акта о приватизации. Население административного общества вообще боится всяких свобод, поскольку при отсутствии достаточной ответственности его членов они порождают хаос, посягательства сильных на права слабых, рост преступности.

Знание закономерностей перехода от административной к частнособственнической правовой системе позволяет понимать происходящие в обществе процессы, при желании, занимать осознанную позицию и помогать осуществлять реформы или контрреформы.

Литература

1. Денисов С. А. Административное общество. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2011.

2. Денисов С. А. Общая теория административного государства. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2010.

3. Денисов С. А. Административизация правовой системы. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2005.

4. Африка на пороге XXI века : реферативный сборник. – М. : ИНИОН РАН, 2002.

5. Политическая система и право КНР в процессе реформ (1978–2005). – М. : Русская панорама, 2007.

6. Rowen H. S. When will the chinese people be free? // Journal of Democracy. – 2007. – V. 18. – n. 3.

7. Холмс С. Может ли иностранная помощь способствовать развитию правового государства? // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. – 2000. – № 1.

8. Оффе К. Культурные аспекты консолидации: заметки об особенностях трансформации // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. – 1998. – № 1.

9. Данилов А. Н. Переходное общество: проблемы системной трансформации. – Минск, 1998.

10. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. – М. : Изд-во МГУ, 1994.

11. СЗ РФ. – 1995. – № 21. – Ст. 1930.

12. СЗ РФ. – 2004. – № 25. – Ст. 2485.

13. СЗ РФ. – 1999. – № 42. – Ст. 5005.

14. СЗ РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.

15. Шкель Т. Планом по Посланию // Российская газета. – 2006. – 17 мая.

16. Денисов С. А. Защита Конституционным Судом РФ принципов демократии и республики // Конституционное и муниципальное право. – 2009. – № 12.

17. Денисов С. А. Официальное и реальное государственное (конституционное) право // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 20.

18. Денисов С. А. Механизм нейтрализации конституционных норм // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 6.

19. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Новое и Новейшее время. – М. : Зерцало, 1999.

20. Российская газета. – 2012. – 4 апреля.

21. Всемирная история: Эпоха английской революции. – М. : АСТ ; Минск : Харвест, 2001.

22. Российская газета. – 2012. – 9 июня.

23. СЗ РФ. – 2006. – № 3. – Ст. 282.

24. Денисов С. А. Основные средства, применяемые правящей группой для удержания власти в ходе избирательных кампаний // Реформы в России и Россия в реформирующемся мире : материалы научной конференции (Санкт-Петербург, 17 февраля 2006 г.). – Ч. 1. – СПб. : Балт. гос. техн. университет, 2006.

25. Денисов С. А. Федеральное Собрание: Нотариальная контора при российском президенте? // Россия и современный мир. – 2006. – № 4 (53).

26. Российская газета. – 1992. – 8 февраля.

27. Российская газета. – 2012. – 23 июля.

28. Российская газета. – 2012. – 29 декабря.

29. СЗ РФ. – 2004. – № 52. – Ст. 5272.

30. Денисов С. А. Использование норм государственного (конституционного) права против оппозиции // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – № 18.

31. Денисов С. А. Судьба конституций во время контрреформ // Конституционное и муниципальное право. – 2010. – № 9.

УДК 347

Семякин Михаил Николаевич
д-р юр. наук, профессор, завкафедрой частного права юридического факультета,
НОУВПО Гуманитарный университет
(г. Екатеринбург)

Semyakin Mikhail Nikolaevich
Doctor of Law, Professor, Head of Private Law Chair, Legal Department,
Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

ЦИВИЛИСТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА: ФИЛОСОФСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ПОДХОДЫ

PHILOSOPHICAL AND LEGAL APPROACHES TO CIVIL PRACTICE

Аннотация
В статье описываются правовые, философские и философско-логические подходы к разрешению вопросов судебной практики, рассматриваются категории «судебная практика» и «юридическая практика» с необязательно совпадающих точек зрения различных авторов-цивилистов.
Ключевые слова: судебная практика; юридическая практика; судебные решения; судебный прецедент; цивилистическая практика; правоприменительная практика.

Abstract
The article describes legal, philosophical and logical approaches to jurisprudence issues; the concepts of «jurisprudence» and «legal practice» are considered from different points of views of various authors in the field of civil law.
Key words: jurisprudence; legal practice; judicial decisions; judicial precedent; civil practice; law enforcement practice.

Цивилистическая практика как видовое явление тесно связано с «родовой» категорией – «судебная практика», а также с более широким феноменом правовой действительности – «юридическая практика». Поэтому, с методологических позиций, для выяснения природы цивилистической практики необходимо, хотя бы кратко, коснуться смысловых значений двух последних юридических понятий.

Категория судебной практики в научных исследованиях, а также в правоприменительной сфере и иной юридической деятельности используется в различных смысловых значениях: судебные решения по конкретным делам; постановления пленумов высших судебных инстанций; обзоры (обобщения) судебной практики по той или иной категории дел, утвержденные соответствующими судебными инстанциями; выработанные судами правовые позиции в процессе правоприменения и т. д.

Такая ситуация, как представляется, обусловлена тем, что названная категория используется в различных смысловых контекстах, связанных с теми или иными целями ее употребления, что при осмыслении данного понятия может порождать некоторые противоречия. Так, в юридических документах нередко используется выражение «разъяснения по вопросам судебной практики», из буквального толкования которого следует, что постановления высших судебных инстанций могут не охватываться категорией судебной практики, ибо такие акты (документы) содержат лишь «разъяснения» (толкования), объектом которых выступает сама «судебная практика». Иначе говоря, такое выражение формально допускает раздельное существование двух понятий: с одной стороны, судебной практики как таковой (как определенного вида деятельности), а с другой – «разъяснений» высших судебных инстанций, объектом которых («разъяснений») выступает сама эта практика.

© Семякин М. Н., 2014

Однако, думается, при использовании подобных выражений вряд ли имеются в виду указанные филологические «нюансы», а преследуется основная цель – дать разъяснения по наиболее сложным положениям законодательства, неоднозначно трактуемым судебными органами. Что же касается «разъяснений» высших судебных инстанций и непосредственно судебной правоприменительной деятельности, то оба указанных явления представляют собой разновидности родового феномена – судебной практики, о чем более подробно будет сказано ниже.

В юридической теории категория судебной практики также понимается исследователями по-разному. Как полагает В. В. Сорокин, «судебная практика фактически представляет собой типичные судебные решения по конкретным делам, являющиеся результатом длительного, однообразного судебного правоприменения»[1]. Рассуждая далее, автор отмечает, что «судебную практику нельзя сводить и к разрозненным судебным решениям индивидуального характера, ибо она представляет собой результат теоретического обобщения таких решений с целью выявления типичного, повторяющегося единообразия»[2].

Таким образом, судебную практику автор идентифицирует не с каким-либо конкретным судебным решением, а с выявлением той сформировавшейся «типической» (повторяющейся) модели судебного решения по той или иной определенной категории судебных дел.

По мысли известного цивилиста С. И. Вильнянского, «судебная практика – это сложившиеся при разрешении судами однородных конкретных дел правовые положения, выработанные в результате единообразного и многократного применения норм к отношениям, не урегулированным с исчерпывающей ясностью или неполно урегулированным соответствующим законом»[3].

Из приведенного положения следует, что, во-первых, С. И. Вильнянский судебную практику идентифицировал с правовыми положениями, которые выработаны судами при разрешении однородных конкретных дел. Во-вторых, такие правоположения вырабатываются судами в результате единообразного и длительного применения норм к отношениям, либо не урегулированным «с исчерпывающей ясностью», либо «неполно урегулированным» законом. В-третьих, опираясь на эти рассуждения, автор в дальнейшем пришел к выводу, что «постановления Пленума Верховного Суда судебной практикой не являются»[4].

Аналогичный взгляд на природу судебной практики был высказан в 40-х годах XX столетия цивилистом П. Е. Орловским, который формулировал данную категорию как «установившуюся и определившуюся практику», «наличие определенной линии в деятельности судебных органов в отношении того или иного вопроса»[5]. По мнению названного ученого, о судебной практике можно говорить лишь по истечении нескольких лет, когда по определенной категории дел сформируются более или менее устоявшиеся положения[6].

Судебная практика как «объективированный опыт» подвергалась исследованию и рядом других ученых (А. Б. Венгеров, В. П. Реутов и др.).

Известные цивилисты С. Н. Братусь, А. Б. Венгеров обращали внимание на то, что не все судебные акты и акты судебных органов высших судебных инстанций относятся к судебной практике: «Необходимо со всей решительностью отвергнуть

[1] Сорокин В. В. Судебная практика как источник права: за и против // Сибирский юридический вестник. – 2002. – № 3. – С. 13.

[2] Там же.

[3] Вильнянский С. И. Лекции по советскому гражданскому праву. – Харьков, 1958. – С. 57.

[4] Там же. – С. 60.

[5] Орловский П. Е. Значение судебной практики в развитии советского гражданского права // Советское государство и право. – 1940. – № 8–9. – С. 96.

[6] Там же.

мысль о том, что к судебной практике относится любое решение народного суда, определение кассационной либо надзорной судебной инстанции или даже сумма решений по конкретной группе дел»[7]. В обоснование данной мысли авторы, в частности, обращали внимание на то, что во многих судебных решениях можно встретить указания, дословно повторяющие требования закона. По мысли названных ученых, «становление судебной практики как компонента и результата судебной деятельности начинается с того момента, когда суду, для того чтобы применить закон к спорному случаю, вынести по делу правосудное решение, необходимо истолковать закон, уяснить его смысл и содержание путем конкретизации тех понятий, которые выражены в словесной формуле закона»[8].

Таким образом, С. Н. Братусь, А. Б. Венгеров судебную практику рассматривали с широких позиций: как сложную юридическую конструкцию – «компонент и результат судебной деятельности». К судебной практике ученые относили, в том числе, и судебные разъяснения по вопросам применения закона, поскольку в них делаются необходимые логические выводы, раскрывающие содержание закона, не сформулированные в его тексте, и осуществляется не только разъяснение закона, но и его конкретизация и детализация[9]. Резюмируя свои рассуждения по указанной проблеме, вышеназванные авторы сделали вывод, что судебная практика представляет собой единство судебной деятельности и правоположений как результата, итога этой деятельности[10].

Н. А. Подольская также с широких позиций исследует судебную практику, в частности ту «ее часть, которая создается в результате деятельности высших судебных инстанций, а также в ходе толкования законов высшими судебными инстанциями», рассматривая данную часть практики в качестве источников права «в формально-юридическом смысле»[11].

Примерно с аналогичных широких позиций конструкция судебной практики, как охватывающая судебную деятельность и ее объективированный опыт, рассматривается и рядом других авторов. Так, по мнению В. И. Леушина, «правоприменительная, в особенности судебная, практика существует не только в виде простой деятельности соответствующих государственных органов, но и имеет объективированные формы закрепления положительного опыта»[12]. Развивая эту мысль, автор далее замечает, что и изучение, и обобщение практики осуществляется не только в научных исследованиях, «но и в официальных формах, как практическая деятельность специальных учреждений»[13]. Таким образом, названный автор категорию судебной практики понимал «не только как объективированный опыт правоприменения», но и как юридическую по содержанию деятельность других «специальных учреждений».

По мысли С. С. Алексеева, «необходимо строго различать практику как конкретную организаторскую деятельность в области права и практику как итог, результат этой деятельности. Первая – это сфера фактической жизни права, основа научного познания, придающая ему смысл и ценность; вторая – один из специфических правовых феноменов, включающийся в правовое регулирование. Хотя объективированный опыт реализации права и выражает практику в первом из ука-

[7] Судебная практика в советской правовой системе. – М. : Юрид. лит., 1975. – С. 8.

[8] Там же. – С. 10.

[9] Там же. – С. 11, 14.

[10] Судебная практика в советской правовой системе. – С. 16–17.

[11] Подольская Н. А. Проблемы применимости судебного прецедента как источника права в правовой системе России // Российская академия юридических наук. Научные труды. – М. : Юрист, 2001. – Т. 1. – С. 36.

[12] Леушин В. И. Юридическая практика в системе социалистических общественных отношений. – Красноярск, 1987. – С. 4.

[13] Там же.

занных значений, – это все же не сама по себе деятельность, а ее итог, результат»[14].

В этом же, примерно, контексте в юридической литературе был высказан взгляд, согласно которому судебная практика определяется «как единство а) того вида судебной деятельности по применению правовых норм, которая связана с выработкой определенных правоположений на основе раскрытия смысла и содержания применяемых норм, а в необходимых случаях и их конкретизации и детализации, и б) итога этой деятельности (самих положений). Отсюда следует, что судебная практика – это одновременно и динамика (указанный вид судебной деятельности при осуществлении правосудия), и статика (результат этой деятельности – правоположения)»[15].

По В. Ю. Соловьеву, понятие судебной практики соотносится с осуществлением правосудия, а с формально-логической точки зрения сопоставимо с категорией юридической практики. «Судебная практика, – полагает данный автор, – это единство судебной деятельности по осуществлению правосудия и опыта этой деятельности, объективированного в форме судебных решений, вступивших в законную силу»[16].

В связи с этим представляется необходимым обратить внимание на одно обстоятельство. В. Ю. Соловьев говорит о судебной практике как о единстве судебной деятельности и опыта этой деятельности, объективированном «в форме судебных решений, вступивших в законную силу», что, как представляется, существенно сужает рамки судебной практики, оставляя за рамками последней ряд важных ее видов – постановления и определения Конституционного Суда РФ; постановления пленумов высших судебных инстанций; решения Европейского суда по правам человека; обзоры судебной практики по той или иной категории дел и другие ее элементы.

В юридической литературе использован и иной методологический прием – «деятельностный» подход к пониманию категории судебной практики. В качестве исходного момента здесь используется Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 года № 23 «О судебном решении»[17]. В соответствии с п. 4. названного Постановления суд, помимо норм материального и процессуального права, подлежащих применению в конкретном деле, также должен учитывать:

а) постановления Конституционного Суда Российской Федерации о толковании положений Конституции Российской Федерации, подлежащих применению в данном деле, и о признании соответствующими либо не соответствующими Конституции Российской Федерации нормативных правовых актов, перечисленных в пунктах «а», «б», «в» ч. 2 и в ч. 4 ст. 125 Конституции Российской Федерации, на которых стороны основывают свои требования или возражения;

б) постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, принятые на основании ст. 126 Конституции Российской Федерации и содержащие разъяснения вопросов, возникающих в судебной практике при применении норм материального или процессуального права, подлежащих применению в данном деле;

в) постановления Европейского суда по правам человека, в которых дано толкование положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, подлежащих применению в данном деле.

[14] Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. – М., 1981. – Т. 1. – С. 341.

[15] Судебная практика в советской правовой системе. – С. 4–5.

[16] Соловьев В. Ю. Понятие судебной практики // Законодательство и экономика. – 2002. – № 12. – С. 36.

[17] Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2004. – № 2.

С. Н. Семенов предпринял попытку определить категорию судебной практики с позиций доктрины судебного прецедента. По мнению названного автора, «поскольку в классической доктрине прецедента обязательным является не само решение, а его часть, содержащая мотивы, по которым суд пришел к такому выводу, и формулировку правовой нормы-принципа, то и речь о судебной практике в российской правовой системе необходимо вести в этом же ключе»[18]. Поясняя эту мысль, автор далее говорит, что за основу здесь необходимо брать не конкретный массив актов судебной власти, а только те из них, которые содержат сформулированную норму права в своих мотивах. Тогда можно будет говорить о судебной практике как о содержащей новые нормы права вне зависимости от вида акта или суда, его принявшего, а также не ссылаясь на ту функцию, которую выполнял суд, принимая такой акт (идет ли речь об отправлении правосудия или обобщении результатов такового). Используя такой подход, как полагает данный автор, он таким образом склоняется «определять понятие судебной практики через понятие правоположений»[19].

Иначе говоря, названный автор, по сути, рассматривает судебную практику как источник права, что подкрепляется перечнем актов судебной власти, куда, по мысли упомянутого автора, должны включаться, наряду с актами высших судебных инстанций Российской Федерации и Европейского суда по правам человека, также решения судов по конкретным делам, если они восполняют пробелы в праве, либо приняты на основании норм-принципов, либо реализуют дискреционные полномочия суда, а также решения судов, признающие незаконными нормативные акты органов законодательной или исполнительной власти[20].

При всей привлекательности такого подхода представляется необходимым обратить внимание не некоторые его недостатки.

Во-первых, подход к рассмотрению судебной практики только «через понятие правоположений» вряд ли можно признать по своему логическому объему достаточным и с научной точки зрения корректным. Нередко в подготовленных «Обзорах судебной практики», утвержденных Президиумом Верховного Суда РФ, содержатся те или иные «правоположения», конкретизирующие, уточняющие и т. п. соответствующие установления закона. Тогда, если исходить из рассуждений вышеупомянутого автора, такие «Обзоры» – важную часть судебной практики – следовало бы относить к источникам российского права, что, безусловно, противоречит действующему отечественному правопорядку.

Во-вторых, даже если исходить из доктрины судебного прецедента, то трудно согласиться с позицией названного автора, когда он «к судебной практике как источнику права» относит, в том числе, и соответствующие решения судов по конкретным делам, ибо судебные прецеденты в странах англосаксонской системы права могут устанавливаться, как известно, только высшими судебными инстанциями, а не всякими решениями судов, пусть даже и содержащими в себе те или иные сформулированные правоположения.

В-третьих, как будет показано в дальнейшем, с теоретических и методологических позиций цивилистическую практику нельзя сводить только к профессиональной судебной деятельности, выраженной в форме тех или иных юридических актов (решений, постановлений, определений), выработанных судами правоположений; она представляет собой цивилистический феномен значительно более широкий по своим логическим «параметрам».

---

[18] Семенов С. Н. Юридическая природа и правовой статус судебной практики : дис. … магистра юриспруденции. – Екатеринбург, 2008. – С. 21–22.

[19] Семенов С. Н. Указ. соч. – С. 22.

[20] Там же.

По мысли представителей континентальной юридической доктрины – французских исследователей Ф. Жени и Э. Серверана, «судебная практика представляет собой сферу, не урегулированную императивными нормами. Если в законе содержатся эластичные положения (или стандарты – по терминологии французского юриста Э. Ламбера), судья может осуществлять свободный поиск, и именно в этих случаях зарождается судебная практика»[21]. В континентальном праве, как отмечает С. В. Боботов, судебную практику исторически рассматривают в качестве синонима судебной деятельности в целом и как выработанные в ходе судебного разбирательства «судебные правоположения», обладающие определенной степенью обобщенности, общепризнанности и обязательности[22].

Таким образом, континентальная доктрина идентифицирует судебную практику с достаточно широким явлением правовой действительности, включающим в себя и деятельность судов, связанную с выработкой специфических правовых регуляторов («судебных правоположений»), обладающих определенной степенью обобщенности и лигитимности (общепризнанности). По мысли В. А. Керимова, «это определение судебной практики более полно охватывает сферу судебной деятельности, не оставляя за рамками единой системы такой ее вид, как осуществление правосудия»[23].

Выше были подвергнуты анализу различные суждения исследователей, подходивших к изучению категории судебной практики, главным образом, с позиций догматической юриспруденции. Однако, как представляется, указанная категория нуждается в осмыслении и с более глубоких – философско-правовых – позиций. Обсуждаемая проблема вряд ли может быть положительно решена только в рамках узкого, догматического подхода позитивной юриспруденции, без апелляции к ряду общефилософских и логических категорий и конструкций.

Прежде всего следует исходить из того, что категория практики в философии трактуется достаточно широко: как материальная, чувственно-предметная целенаправленная деятельность людей, имеющая своим содержанием освоение и преобразование объектов естественного (природного) и социального характера и составляющая всеобщую основу, движущую силу развития человеческого общества и познания[24].

В философской литературе сформировались два основных направления в трактовке категории практики. Одни ученые употребляют ее в предельно общем значении – как совокупность общественной деятельности, и прежде всего – материально-производственной[25], другие – осуществляют развертывание этой категории как по содержанию, так и по объему, выделяя виды практики, в том числе политическую и правовую, т. е. речь идет об онтологии практики[26]. Выделение в онтологическом исследовании практики такого ее вида, как юридическая, имеет важное методологическое значение: изучение ее связывается с реальной жизнью, теорией изучаемого объекта, раскрывающей действительность в ее самом общем виде. Кроме того, онтологическое исследование практики является тем методологическим «мостом», который позволяет перейти к исследованию практики в той или иной ее специфической сфере, в частности юридической.

---

[21] Цит. по: Семенов С. Н. Указ. соч. – С. 19.

[22] Боботов С. В. Конституционная юстиция (сравнительный анализ). – М., 1994. – С. 108.

[23] Керимов В. А. Понятие судебного прецедента. – URL: http://www.yurclub.ru/articles/arbitration/post50.html

[24] Берков В. Ф. Философский словарь. – URL: http://www.philosophydic.ru/ponytail (дата обращения: 10.05.13).

[25] Руткевич М. Н. Диалектический материализм. – М., 1973. – С. 198–199.

[26] Арефьева Г. С. О видах и формах социальной практики : научный доклад высшей школы // Философские науки. – 1974. – № 2. – С. 38–39.

Особенностью практики, как отмечается в философской литературе, является то, что она органически воплощает в себе два фактора – материально-преобразующий (материальный), объединяющий практику с иными универсальными формами движения материи, и идеальный (сознательный, духовный) – специфический, отличительный ее признак. Так, по мнению С. С. Гольдентрихта, «общественная материальная деятельность и общественное сознание – это моменты целостной общественно-исторической практики, система, в которой они различаются как материальная (внешняя) и идеальная (внутренняя) стороны»[27].

Таким образом, всякая практика, в том числе и юридическая, является формой единства предметно-преобразовательной и познавательной, материальной и идеальной деятельности субъектов. Причем в этом единстве «материальное и идеальное» находятся в тесной взаимосвязи, взаимодействии[28].

Вместе с тем практика – это, прежде всего, результат не только и не столько деятельности отдельного человека, сколько совокупной деятельности людей или даже опыт всего человечества в его историческом развитии. Как по содержанию, так и по форме практика всегда носит общественный характер – осуществляется в рамках того или иного общества, с использованием социальных и иных средств, способов и форм и имеет общественные цель и значение.

Основными видами практики в контексте обозначенного философского концепта выступают: 1) материально-производственная деятельность людей; 2) социально-преобразующая деятельность масс. Вместе с тем и такое единичное явление, как естественно-научный эксперимент, специалисты в области философии науки также относят к практике – ее особому виду[29].

С позиций отмеченного выше судебная практика относится, прежде всего, к «социально-преобразующей деятельности масс», т. е. данный вид деятельности направлен на «освоение и преобразование» объектов социального характера, юридического «бытия».

С какими же видами социальной деятельности – конкретными судебными актами (решениями, постановлениями и т. д.), либо «правоположениями», выработанными в ходе судебной деятельности, либо постановлениями высших судебных инстанций и т. д. следует идентифицировать понятие судебной практики? Исходное методологическое значение здесь имеет усвоение смыслового значения категории «понятие» как одного из важных философских концептов.

Категория «понятие» (это касается и понятия судебной практики) с философских позиций есть форма мысли, обобщенно отражающая предметы и явления, а также связи между ними, посредством фиксации их существенных свойств. Причем с умножением потребностей людей и усложнением видов их деятельности появились и более отвлеченные понятия, непосредственно не связанные с чувственным отражением, но вместе с тем являющиеся более близкими к реальности в смысле отражения ее сущности. Они образовались не только через сравнение наглядных образов, но и путем применения различных логических приемов: анализа, синтеза, абстрагирования, индукции, дедукции, аналогии, идеализации и т. д.[30]

Применительно к обсуждаемой проблеме это означает, что есть «простые» формы понимания категории судебной практики, связанные с «чувственным» ее отражением (конкретные судебные акты – решения, постановления и т. д. судеб-

---

[27] Гольдентрихт С. С. Общественное бытие, социально-историческая практика и сознание // Общественное сознание и общественная практика. – М., 1979. – С. 34.

[28] Леушин В. И. Указ. соч. – С. 9.

[29] Кохановский В. П., Пржиленский В. И., Сергодеева В. А. Философия науки : учеб. пособие. – М. ; Ростов н/Д, 2005. – С. 108 и след.

[30] Более подробно см.: Берков В. Ф. Философский словарь. – URL: http://www.philosophydic.ru/ponytail (дата обращения: 10.05.13).

ных органов), и «отвлеченные» ее понятия, отражающие ее сущностные (глубинные) свойства и признаки (выработанные в ходе судебной деятельности, как ее результат, соответствующие правоположения), ее связи и отношения с другими «смежными» явлениями правовой действительности.

С логических позиций понятия, вступая в связи между собой, образуют различные виды отношений. Так, объемы понятий могут находиться в отношении совместимости (когда они хотя бы частично совпадают) или, напротив, несовместимости (когда они даже частично не совпадают). В свою очередь, отношения совместимости могут быть отношениями тождества (когда объемы понятий полностью совпадают); пересечения (объемы понятий совпадают лишь частично); подчинения (объем одного понятия входит в объем другого – более общего).

Среди отношений несовместимости также выделяют связи: соподчинения (когда два или более не пересекающихся по объему понятия подчинены общему для них понятию, не исчерпывая его объем) и противоречия (два непересекающихся понятия подчинены общему для них понятию, исчерпывая его объем)[31].

Применительно к предмету настоящего исследования отмеченное выше означает следующее. По объему понятия таких правовых явлений, как постановления высших судебных инстанций и акты судов общей юрисдикции по конкретным делам, находятся между собой, как представляется, в отношениях «несовместимости», когда оба эти «непересекающиеся» понятия подчинены другому, более общему для них понятию («судебная практика»), не исчерпывая объема последнего. Так, объем понятия «судебная практика», безусловно, помимо указанных двух элементов охватывает собой и некоторые другие явления правовой действительности (обзоры и обобщения судебной практики; правоположения, выработанные судами в ходе правоприменительной деятельности, и др.).

Уяснение логических отношений между указанными понятиями способствует адекватному определению категории судебной практики, уяснению различных ее смысловых значений и видов, углубленному пониманию соответствующих ее текстов.

Однако рассматриваемые понятия соотносятся между собой не только по объему, что выше было отмечено, но и по содержанию – совокупности отраженных в них признаков (свойств) соответствующих объектов. При этом следует помнить, что применительно к содержанию понятий действует закон их обратного соотношения.

Имеются ли какие-либо общие «качественные» признаки (свойства), характерные для таких правовых явлений, как конкретные судебные решения и постановления высших судебных инстанций, которые (признаки) могут быть обозначены одним каким-то вербальным знаком (словом)? Думается, некоторые такие общие, сходные признаки, свойственные обоим названым объектам, присутствуют – в частности, это то, что и конкретные судебные решения, и постановления высших судебных инстанций выступают в качестве судебных актов; они имеют важное юридическое значение, влияя на формирование судебной практики; относятся к сфере судебной юрисдикции и т. д. Все эти общие «качественные» признаки, характеризующие анализируемые объекты, могут быть обозначены единым словосочетанием – «судебная практика». И в этом смысле конкретные судебные решения, как и постановления высших судебных инстанций, включаются в состав понятия судебной практики в качестве его структурного элемента (части), не исчерпывая, разумеется, в целом его (понятия) содержания.

Вместе с тем, безусловно, такие правовые явления, как конкретные судебные решения и постановления высших судебных инстанций, характеризуются и рядом

[31] Более подробно см.: Берков В. Ф. Указ. работа.

«качественных» отличительных признаков (особенностей). При этом представляется важным обратить внимание на то, что в философии науки различают элементарные и производные, носящие более сложный характер, понятия[32]. В этом контексте судебные решения относятся к элементарным (простым) формам понимания судебной практики; что же касается постановлений высших судебных инстанций, то они представляют собой сложную, более высокого уровня и квалификации ее форму. В частности, в постановлениях пленумов высших судебных инстанций аккумулируется важнейший правовой опыт, «извлекаемый» из массива конкретных судебных решений, подвергается осмыслению соответствующая судебная правоприменительная деятельность, определяются пути ее дальнейшего развития и т. д. Посредством конкретных судебных решений и постановлений высших судебных инстанций выполняются различные специфические юридические функции в правовой системе и т. д.

По замечаниям специалистов, различие понятий во многом связано (обусловлено) с определением различий сущности объектов, явлений; если такое определение тяготеет к характеристикам особого способа бытия объекта, явления, то оно дает нам конкретное понятие, если же определение сориентировано на отвлечение и обобщение каких-то свойств объектов, то оно «замыкает» абстрактное понятие[33].

В нашем предмете исследования «бытие» такого явления, как конкретные судебные решения, «тяготеет» к характеристике «особого способа существования» судебной практики и в этом контексте может быть названо «конкретным понятием»; определение «бытия» постановлений высших судебных инстанций сориентировано на «отвлечение и обобщение» соответствующих «качественных» признаков судебной практики и, следовательно, «замыкает» ее абстрактное понятие.

Вместе с тем, говоря о различии абстрактных и конкретных аспектов «бытия» рассматриваемых понятий, следует обратить внимание на их тесную взаимосвязь и взаимообусловленность. В «живом» познании и мышлении выработка конкретных понятий о способах «бытия» тех или иных форм социальных, в том числе правовых, явлений (объектов) выступает предпосылкой формирования абстрактных понятий о «бытии» данных форм, равно как и наоборот. Так, становление конкретного понятия о способе «бытия» судебной практики в форме конкретных судебных решений обусловливает возможность формирования на более высоком уровне мышления «абстрактного» понятия о «бытии» данного явления в форме постановлений высших судебных инстанций.

Более глубокое изучение феномена понятий связано с анализом их «процессуальности» (процесса образования); текстовых (языковых) особенностей; исторических, социокультурых и иных контекстов их «бытия». Как семантическая категория понятие выражает момент «развертывания» мысли применительно к тому, что выражено («явлено») в слове (языке). Правда, как свидетельствуют последние исследования в области лингвистики, связь между понятием и его знаковой (словесной) формой выражения не носит однозначного, жесткого характера; понятие (концепт) выводится из употребления разных слов, их конструкций и т. д. с учетом тех или иных их смысловых контекстов.

Применительно к рассматриваемой проблеме это означает, что если проанализировать различные тексты – нормативные, научные, литературные, культурологические, обыденное словоупотребление и т. д., где используется конструкция

[32] Канке В. А. Указ. соч. – С. 16–17.
[33] Берков В. Ф. Указ. работа.

«судебная практика», то обнаруживается, что последняя употребляется в самых разных контекстах, получающих отражение в различных понятиях рассматриваемой конструкции (судебной практики) – в виде конкретных решений судебных органов, постановлений высших судебных инстанций, обзоров судебной практики по определенной категории дел, правоположений, выработанных в ходе судебной деятельности, и т. д.

Как свидетельствуют философские разработки, «практика» включает в себя такие моменты, как цель, потребность, мотив, отдельные действия; предмет, на который направлена деятельность; средства достижения цели, результат деятельности и т. д. Исходя из этого конструкция «судебная практика» может пониматься по-разному: с учетом конкретных целей, практических потребностей использования данной конструкции; тех практических результатов, которые должны быть достигнуты, и т. д. Так, для целей упорядочения в целом категории судебной практики, приведения ее в определенную систему, повышения эффективности деятельности судебных органов, безусловно, важнейшее значение имеет конструкция судебной практики, воспринимаемая в форме руководящих постановлений высших судебных инстанций.

Для целей обеспечения конституционных прав и свобод граждан, конституционного контроля за соблюдением и исполнением требований законодательства, безусловно, важнейшее значение имеет конструкция судебной практики, реализуемая в виде постановлений и определений Конституционного Суда РФ.

С целью повышения эффективности работы судов, обеспечения необходимого единообразия в их деятельности и надлежащей защиты прав и законных интересов граждан и других участников правоотношений важное значение имеет использование на практике правового опыта (правоположений), выработанного судами в ходе соответствующей правоприменительной деятельности.

Таким образом, конструкция судебной практики носит достаточно широкий характер, охватывая собой различные виды деятельности, связанные прямо либо опосредованно с отправлением правосудия, реализуемые для достижения определенных целей, тех или иных практических результатов социально-экономического, правового, культурного и иного характера. Среди конкретных форм судебной практики можно, в частности, выделить следующие:

постановления и определения Конституционного Суда РФ;

постановления пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного суда РФ (до 06.08.2014 г.);

решения Европейского суда по правам человека;

решения судов по конкретным делам;

решения судов, в которых восполняются пробелы в праве, используются нормы-принципы либо реализуются дискреционные полномочия суда;

решения судов, связанные с признанием незаконными нормативных правовых актов;

«обзоры» судебной практики по определенным категориям дел;

иные виды деятельности судебных органов, их должных лиц, связанные с использованием правового опыта.

Цивилистическая судебная практика, будучи частью более широкого явления – судебной практики, обладает всеми основными признаками, характерными для последней (родового явления), и вместе с тем имеет свои специфические (видовые) особенности, которые характеризуют ее сущность.

Прежде всего следует иметь в виду, что в практической сфере цивилистической юриспруденции реализуется гражданская правосубъектность – важнейшая юридическая форма выражения свободы воли субъектов, их способностей и возможностей самореализации в сфере частной жизни. В отличие от ряда иных от-

раслей права, гражданское право носит правонаделительный характер. Это обстоятельство, безусловно, должно учитываться как принципиальное исходное положение в процессе цивилистического правоприменения. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 1993 г. № 10 «О рассмотрении судами жалоб на неправильные действия, нарушающие права и свободы граждан» (п. 9) специально обращено внимание на это обстоятельство[34].

Гражданские права и свободы в соответствии с конституционными положениями и основными началами гражданского законодательства имеют высокий юридический «статус», во многом приближающийся к «статусу» конституционных прав и свобод. Конституционный Суд РФ в своей правоприменительной практике, в частности, обратил внимание на недопустимость установления несоразмерного ограничения гарантированной Конституцией РФ свободы экономической деятельности и, следовательно, свободы договора, а также права на свободное использование имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом деятельности, принципа юридического равенства сторон гражданского правоотношения[35]. Аналогично, в другом постановлении Конституционный Суд РФ положения п. 1 и 2 ст. 29, п. 2 ст. 31 и ст. 32 Гражданского кодекса РФ признал не соответствующими Конституции РФ как несоразмерно ограничивающие права граждан в связи с имеющимся у них психическим расстройством здоровья[36].

Особенность цивилистической правоприменительной сферы обусловлена также принципом дозволительной направленности гражданско-правового регулирования. Нормы гражданского права должны быть сформулированы на основе общего принципа «разрешено все, что не запрещено законом», т. е. предоставлять субъектам достаточно широкий круг юридических возможностей действовать тем или иным образом в частноправовой сфере. Данный принцип в сфере цивилистической юриспруденции выражает одно из ключевых положений гражданского права – недопустимость ограничения прав и свобод субъектов, за исключением случаев, когда это прямо предусмотрено федеральным законом.

В контексте дозволительной направленности гражданского права следует иметь в виду, что в отличие от других отраслей права субъекты гражданского права вступают в гражданские правоотношения, как правило, по своей инициативе, своей воле и в своем интересе, что обеспечивается различными средствами, в том числе тем, что большинство норм гражданского законодательства носит диспозитивный характер. С позиций цивилистической практики это означает, что применение таких норм всецело зависит от усмотрения участников гражданского оборота, что должно учитываться судом при разрешении соответствующих гражданских споров. Благодаря принципу диспозитивности, стороны гражданского правоотношения могут исключить применение диспозитивной нормы к своим отношениям, ограничить в той или иной форме ее применение и т. д., приобретать субъективные права или не приобретать их, выбирать конкретный способ их приобретения, самостоятельно регулировать содержание правоотношения, распоря-

[34] О рассмотрении судами жалоб на неправильные действия, нарушающие права и свободы граждан : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 1993 г. № 10 // Сборник Постановлений Пленумов Верховных судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по гражданским делам. – М., 1999. – С. 280.

[35] Постановление Конституционного Суда РФ от 06.06.2000 г. № 9-П // СПС Консультант Плюс.

[36] По делу о проверке конституционности п. 1 и 2 ст. 29, п. 2 ст. 31 и ст. 32 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И. Б. Деловой : Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2012 г. № 15-П // СПС КонсультантПлюс.

жаться принадлежащими им субъективными правами, прибегать или не прибегать к мерам их защиты и т. д.[37]

Особенностью цивилистической практики является также и то, что, в отличие от других отраслей права, в силу частного характера гражданских правоотношений, здесь реализуется частноправовой интерес граждан, юридических лиц и других субъектов, связанный с отношениями собственности, экономического оборота, потреблением материальных и иных благ. Нормы гражданского права являются теми уникальными правовыми средствами, выработанными человечеством, которые в наибольшей степени способны обеспечивать частноправовые интересы лиц – участников гражданских правоотношений. С этих позиций на практике очень важной проблемой является необходимость обеспечения сбалансированного сочетания частных и публичных интересов – положение, которое неоднократно было предметом рассмотрения на уровне высших судебных инстанций РФ, в частности Конституционного Суда РФ.

Отличительной чертой для сферы цивилистического правоприменения выступает и то, что здесь обеспечивается реализация специфических гражданско-правовых механизмов, средств защиты нарушенных прав и законных интересов, применения мер принуждения, в том числе ответственности субъектов вследствие неисполнения либо ненадлежащего исполнения своих обязательств, и т. д. Особенностью здесь является и то, что меры гражданско-правовой ответственности носят, по общему правилу, имущественный (стоимостной, экономический) характер и не могут непосредственно оказывать воздействие на самую личность субъекта (должника), его личную свободу и неприкосновенность и т. д., в отличие, например, от мер, применяемых в сфере уголовного права.

В связи с этим на практике является достаточно острой проблемой необходимость обеспечения полного восстановления того экономического состояния (положения) потерпевшего субъекта, которое существовало к моменту совершения правонарушения. Так, суды часто отказывают во взыскании упущенной выгоды в связи с трудностями доказывания ее объема (размера). Немалые трудности на практике вызывают попытки возмещения вреда, связанного с утратой (повреждением) так называемого товарного вида вещи и т. д.

В целом необходимо отметить, что в рыночных условиях хозяйствования цивилистическая правоприменительная практика играет очень важную роль, которая, можно предположить, будет в дальнейшем усиливаться; от того, насколько удастся на практике обеспечить правильное и адекватное применение норм гражданского права, во многом будет зависеть дальнейшее развитие российской экономики, ее эффективность и конкурентоспособность на мировом рынке, удовлетворение частных и публичных интересов, обеспечение благосостояния российского общества.

Однако конструкцию цивилистической практики, как представляется, нельзя сводить только к судебной правоприменительной и иной, непосредственно связанной с ней, деятельности. Цивилистическая практика может и должна пониматься и с более широких позиций – как деятельность, базирующаяся на социокультурной, духовной, интеллектуальной и иных основах общества, связанная с реализацией идеалов частного права, его правовых принципов и ценностей.

Примечательно в связи с этим, что в теории права, по мысли ряда ученых, категорией юридической практики охватывается не только деятельность, непосредственно связанная с применением норм права, но также и такие явления правовой

[37] См.: Яковлев В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. – Свердловск, 1972. – С. 86.

действительности, как правотворчество, соблюдение права[38]. Позже аналогичная мысль была высказана Н. Н. Тарасовым, по мнению которого «юридическая практика не может ограничиваться функционированием соответствующих органов государства и деятельностью юристов, т. е. должна пониматься как социальная, базирующаяся на интеллектуальной, духовной основе общества, а не узкопрофессиональная»[39].

Приведенные выше положения о широком смысловом значении юридической практики тем более относятся к такому ее важнейшему виду, как цивилистическая практика, которая опосредствует в своей основной массе нормальные, позитивные имущественные, личные неимущественные отношения, а также некоторые другие социальные связи, имеющие исключительное значение в структуре современного общества.

Исходя из этого понимание цивилистической практики не должно сводиться к правоприменительной судебной деятельности, будь то судебные решения по конкретным делам либо выработанные судами «типовые» правоположения и т. д. В частности, в качестве видов (разновидностей) цивилистической практики, как представляется, могут и должны рассматриваться такие явления, как деятельность, связанная с цивилистическим законотворчеством, осуществлением частноправовой политики, цивилистическим воспитанием, повышением правосознания и правовой культуры граждан и т. п. Именно такое, на качественно более высоком уровне, понимание цивилистической практики способно оказывать необходимое воздействие на глубинные процессы, связанные с формированием гражданского общества в России, его внутренней структуры, важнейших социальных институтов; содействовать обеспечению современных экономических преобразований в стране.

[38] См., напр.: Реутов В. П. Юридическая практика и развитие законодательства : автореф. дис. … канд. юр. наук. – Свердловск, 1968. – С. 5.

[39] Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки. – С. 180.

УДК 008

Суворов Дмитрий Владимирович
канд. культурологии, доцент факультета бизнеса и управления, НОУВПО Гуманитарный университет (г. Екатеринбург).
E-mail: dmitrij_suvorov_60@mail.ru

Suvorov Dmitriy Vladimirovich
Candidate of Culturology, Associate Professor at Business and Management Department, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

О СУЩНОСТИ «ПСЕВДОМОДЕРНИЗАЦИИ» И «АБОРТИВНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ»

ON THE SUBSTANCE OF «PSEUDO-MODERNIZATION» AND «ABORTIVE MODERNIZATION»

Аннотация
Статья посвящена феномену «псевдомодернизации» и «абортивной модернизации». В работе рассматривается специфика содержания и системных закономерностей этого своеобразного типа «догоняющей модернизации», анализируются современные научные теории, изучающие и систематизирующие данный феномен (концепции А. Турена, К. Виттфогеля, В. Красильщикова, Т. Пиирайнена, П. Штомпки). Критическому анализу подвергается концепция «незападной модернизации», сформулированная рядом философов исламского мира (А. Абдель-Мелек, М. Икбал, А. Мазруи, С. Х. Наср). Критерием отличия «псевдомодернизации» от парциальной модернизации служат принципы системного подхода и введение концепта «негэнтропии» (концепции Р. Клаузиуса, Э. Шредингера, Л. Бриллюэна). В силу того что элементы описанных типов «догоняющей модернизации» присущи истории многих стран «второго эшелона» мирового развития, идущих по пути «вторичной модернизации» (в том числе – России), изучение данной социокультурной закономерности является во многом матричной для понимания современных модернизационных процессов в целом.
Ключевые слова: «псевдомодернизация»; «абортивная модернизация»; «контрмодернизация»; «антимодернизация»; «ложная модернизация»; «околомодернизация»; энтропия; негэнтропия; саморазвивающиеся системы; несаморазвивающиеся системы.

Abstract
The article is devoted to the phenomenon of «pseudo-modernization» and «abortive modernization». The paper considers the specifics of this peculiar type of «catch-up modernization», its content and system of the laws. The author analyzes modern scientific theories focused on studying and systematizing this phenomenon (A. Touraine's, K. Wittfogel's, C. Krasilshchikova's, S. Piiroinen's, P. Sztompka's concepts). Ideas of «non-Western modernization» formulated by some Islamic philosophers (A. Abdel-Malek, M. Iqbal, A. Mazroui, S. H. Nasr) has been subjected to a detailed analysis. The criteria to distinguish «pseudo-modernization» from partial modernization are the system approach principles and the concept of «negentropy» (R. Clausius, E. Schrödinger, L. Brillouin). Due to the fact that the elements of described types of «catch-up modernization» are common characteristics of many «second echelon» countries history on the path of «secondary modernization (including Russia), the study of this socio-cultural patterns is largely matrix.
Key words: «pseudo-modernization»; «abortive modernization»; «counter modernization»; «antimodernization»; «false modernization»; «para-modernization»; entropy; negentropy; self-developing system; non self-developing system.

Наше устройство – и общественное, и личное – полно несовершенств.
Но ничто в природе не бесполезно, даже сама бесполезность.
Мишель де Монтень

В литературе о модернизации существует ряд близких по значению, но (на наш взгляд) не до конца «разведенных по смыслу» концептов, возникновение ко-

© Суворов Д. В., 2014

торых восходит к работам А. Турена. У С. Ермахановой это сформулировано следующим образом: «В рамках теории модернизации существуют термины *«контрмодернизация»* и *«антимодернизация»*, введенные А. Туреном. Первый означает альтернативный вариант модернизации по незападному образцу, а второй термин означает открытое противодействие модернизации. Вслед за А. Туреном Н. Н. Зарубина предлагает следующую типологию: модернизация, контрмодернизация и антимодернизация. Считая эту типологию обоснованной, Е. Холмогоров также предлагает типологию в форме модернизации, контрмодернизации и антимодернизации, добавив еще один тип – *сверхмодернизацию*, которую определяет как попытку достижения превосходства над цивилизацией-лидером, когда основные социокультурные показатели «современности» принимаются и превосходятся на собственном ценностном и технологическом фундаменте. Осуществившая сверхмодернизацию цивилизация становится новым лидером, формируя свою ойкумену и бросая модернизационный вызов другим цивилизациям, через создание притягательного образа современности [12]. П. Штомпка, рассматривая теорию модернизации, предлагает понятие *«ложная модернизация»* по отношению к посткоммунистическим странам. Все эти феномены можно рассматривать как частные проявления догоняющей модернизации.

Надо сказать, что у А. Турена (и других приверженцев либеральной трактовки модернизации, к которым можно отнести К. Виттфогеля, В. Красильщикова, Т. Пиирайнена) встречаются следующие, почти синонимичные термины: «контрмодернизация», «антимодернизация», «околомодернизация» (все термины предложены А. Туреном и повторены В. Красильщиковым); у Т. Пиирайнена есть еще концепт «*псевдомодернизация*» (этот термин употребляет и В. Красильщиков) (цит. по: [7. С. 17]). По Т. Пиирайнену, все подобные феномены создают не развитие, а его имитацию, давая по основным показателям, говоря словами финского ученого, «обратные результаты» [Там же].

Представляется, что в данном случае имеет смысл провести некоторое терминологическое упрощение (применить «бритву Оккама» – «не умножать сущности сверх необходимости»). Термин «антимодернизация» мы оставим сразу, поскольку им можно означать любые формы традиционалистского отката (термин вполне возможен, но не в данном контексте – поскольку мы рассматриваем различные проявления именно догоняющей модернизации). Термин «сверхмодернизация» представляется излишним, поскольку, используя редакцию Холмогорова, «попытку достижения превосходства над цивилизацией-лидером» можно считать сверхзадачей *всех* без исключения догоняющих модернизаций. Ведь просто «догнать» явно недостаточно – хотя бы потому, что «цивилизация-лидер» за это время тоже не стоит на месте (уже не говоря об иллюзиях и амбициях «догоняющего типа культуры»). Поэтому стандартным императивом становится «догнать и перегнать» (не обязательно в сугубо экономическом смысле – сплошь и рядом данный посыл формулируется в культурологическом поле, иногда с мистическим привкусом, как в известной сентенции Н. Гоголя: «Русский народ будет впереди всех других на празднике Светлого воскресения» [4. С. 368]). Такая всеобщность «сверхмодернизационого» замаха в значительной степени обесценивает само применение данного термина, поскольку теряется специфичность его применения. Поэтому в дальнейшем рассмотрении проблемы употреблять его мы не будем.

Столь же проблематичен концепт «контрмодернизация». Напомним: в редакции С. Ермахановой он означает «альтернативный вариант модернизации по незападному образцу». Однако на сегодняшний день подобный вариант догоняющей модернизации (теоретически возможный) является если не утопией, то скорее неким «идеальным проектом», о котором (перефразируя Ф. Ларошфуко) все говорят, но который никто не видел. Кроме того, обычно в качестве «контрпроек-

та» по отношению к «вестернизированной модернизации» приводится опыт «коммунистических модернизаций» XX века (СССР, страны Восточной Европы, Китай и социалистические страны Восточной Азии, Куба). Отметим, что представлять данный прецедент в качестве единственного практического воплощения «контрмодернизации» фактологически некорректно – во-первых, потому, что в целом весь этот помпезный социально-экономический эксперимент, как известно, закончился громким фиаско; во-вторых, как мы знаем, Югославия практически сразу, а Китай и Вьетнам впоследствии стали развивать свою экономику (причем успешно) на базе стратегии «рыночного социализма» – что позволяет квалифицировать их опыт не как мифическую «контрмодернизацию», а как «нормальную» парциальную модернизацию.

В последнее время часто приводят в качестве другого примера «контрмодернизации» (альтернативного незападного проекта) модернизационные процессы в исламском мире – тем более что этот взгляд подкреплен солидными теоретическими изысканиями интеллектуалов типа А. Абдель-Мелека, М. Икбала, А. Мазруи или С. Х. Насра. Представляется, однако, что и здесь мы имеем дело больше с «идеальным проектом» футурологического характера («так должно быть в мире ислама!»), чем со строгой реальностью. Даже если оставить «за кадром» стоящий особняком пример Турции, то и в остальном исторически состоявшиеся реалии догоняющих модернизации мусульманских стран не дают повода оценивать их как «альтернативный проект». «Белая революция» в Иране и проходившие почти синхронно преобразования Закир-шаха в Афганистане были откровенно прозападными; социально-экономические, политические и даже культурные векторы развития таких модернизирующихся стран, как Египет, Марокко, Иордания и особенно Малайзия, не дают повода к квалификации их как «антивестернизированных» (совсем показательно, что – за исключением Ирана – ни одна исламская страна принципиально не допускает к власти фундаменталистов: это является стратегической линией). Самым же красноречивым свидетельством можно считать положение дел в «архаическом нефтяном заповеднике» – арабских нефтедобывающих монархиях. Случай ОАЭ («экономика будущего при политике прошлого») можно считать уникальным примером далеко зашедшей парциальной модернизации; главное же – в каком конкретном направлении следует ждать последующих модернизационных шагов в данном регионе. Направленность этого красноречиво показывает пример Катара, где (цитирую справочник) «в 1995 году кронпринц Хамад Бин-Халифа сверг с престола своего отца и сам стал эмиром Катара. С тех пор он провел серию либеральных реформ. Он даровал стране большую свободу печати, и спутниковое телевидение Катара – «Аль-Джазира» – стало одним из влиятельнейших источников информации на Ближнем Востоке. В 1999 г. в стране прошли выборы в муниципальный совет, состоящий из 29 членов. Это были первые выборы в Катаре, на которых и голосовать, и баллотироваться в совет могли и женщины. Конституция, закрепляющая демократические реформы, вступила в силу в 2005 г. Согласно этому документу, уже в 2007 г. в стране пройдет голосование, по итогам которого будут избраны члены частично выборного парламента». Комментарии излишни – тем более что практически в то же время конституция была «дарована» эмиром и Кувейту (после иракской агрессии и «Бури в пустыне»). Пусть эти арабские «демократизации» в глазах западных наблюдателей выглядят предельно «псевдоморфными» (Э. Хейвуд, например, выделяет этот феномен в особую группу культурно-политических систем, отличную от западных [11. С. 44] – показатель того, насколько «псевдоморфным» в глазах европейца выглядят подобные практики!) – направленность их очевидна и не вызывает двойного толкования. Во всяком случае, ни о каком принципиально отличном от «Запада» векторе развития даже в этом, крайне специфичном регионе

речи не идет (а экономически эти страны *изначально* строили все с расчетом на плотнейшую интеграцию с развитым миром). Произошедший на наших глазах феномен «твиттеровых революций» в арабским мире по своей природе и направленности также говорит сам за себя. Так что и этот пример экзамена на феноменальную «инаковость» не выдерживает. И вообще на сегодняшний день остается в силе констатация К. Сасаки: «Человек незападного мира может представлять модернизацию как сжатую и гипертрофированную форму самой западной цивилизации» [9. С. 168].

Но остаются почти синонимические концепты «околомодернизация» (А. Турен – В. Красильщиков), «псевдомодернизация» (Т. Пиирайнен) и «ложная модернизация» (П. Штомпка). Напомним: польский ученый употреблял его по отношению к посткоммунистическим странам[1], подразумевая под ним «несогласованное, дисгармоничное, внутренне противоречивое сочетание трех элементов: 1) современных черт в отдельных областях общественной жизни; 2) традиционных, домодернистских характеристик во многих других областях и 3) всего того, что облачали в изысканные одежды, призванные имитировать современную западную действительность» [5] (в качестве примера польский ученый приводит современное положение в Средней Азии и Белоруссии). По мысли же Т. Пиирайнена, главным в данном концепте является констатация *имитационности* модернизационных процессов («дающая обратные результаты») – т. е. *видимость* обновления, векторно направленная в каком-то другом направлении. Еще раз напомним: «Модернизация является *всеобщей* (курсив мой. – *Д. С.*) трансформацией традиционного домодернистского общества в такую социальную организацию, которая характерна для “продвинутых”, экономически процветающих и в политическом плане относительно стабильных наций» (определение У. Мура) [1. С. 89]. При парциальной модернизации имеет место неравномерное развитие различных сторон общества; в рассматриваемом же случае картина иная – здесь можно констатировать прорыв каких-то отдельных элементов в «модернити» при застое или даже антимодернизационности большинства других (вспомним определение Штомпки). Каким образом можно определить и развести два этих феномена?

В книге Е. Старикова «Общество-казарма от фараонов до наших дней» есть следующий отрывок: «Энтропия (термин введен в 1865 г. немецким ученым Р. Клаузиусом) – мера рассеяния энергии и *увеличения всех форм беспорядка* (курсив автора. – *Д. С.*). Основные виды энтропии – тепловая, структурная и информационная. Здесь нас интересуют два последних вида. Структурная энтропия служит мерой неупорядоченности строения систем. Тенденция к упорядочиванию, усложнению равносильна накоплению информации, а тенденция к упрощению означает уменьшение информации и накопление энтропии. Информация эквивалентна отрицательной энтропии – негэнтропии (термин введен одним из создателей теории информации Л. Бриллюэном). Негэнтропия характеризует качество упорядоченности. Австрийский физик Э. Шредингер выявил два различных механизма роста негэнтропии (упорядоченности) явления: статистический, создающий из хаоса порядок низшего уровня, и механизм, создающий из порядка низшего уровня порядок качественно более высокий. Все системы делятся на саморазвивающиеся, несаморазвивающиеся и энтропийные. Первый тип систем содержит источники развития в себе самом, обладает механизмом саморегуляции (т. е. воспроизводства необходимых для целостности системы условий) [10. С. 119–120]. «Разнообразие форм поведения, а следовательно, и способность саморегуляции зависит от богатства внутренних связей: чем меньше их в системе, тем меньше у нее возможных форм поведения. Вместе с тем саморегуляция осуществляется

[1] Как увидим, адресат данной типологии может быть и более широким.

лишь в тех случаях, когда в организм (в том числе социальный. – *Д. С.*) поступает информация из внешней среды… Так как способность к саморегуляции – свойство, несомненно противодействующее возрастанию энтропии, то поступление и переработка внешней информации – способ борьбы с ростом энтропии [3. С. 120]. …Несаморазвивающиеся системы развиваются за счет источников энергии и негэнтропии, находящиеся в других системах… Тенденция к возрастанию энтропии, понижению уровня упорядоченности есть свойство деградирующих, или энтропийных, систем» [Там же. С. 121]. «…Нарастание социальной энтропии, то есть качественное понижение уровня социальности, есть не что иное, как инволюция» [10. С. 121].

Вот этот критерий и позволяет отличить описанные В. Красильщиковым, Т. Пиирайненом, А. Туреном и П. Штомпкой феномены от парциальной модернизации. Как говорил Христос, «по делам узнаете их»: «псевдомодернизированные» сообщества отличаются несаморазвивающимся (Турция эпохи позднего Танзимата, казарменно-коммунистические режимы XX века) или энтропийным (КНДР) характером. Характерный момент: способностью к саморегуляции обладают и традиционные социумы, и модернизированные (в том числе по парциальному варианту), но не «псевдомодернизированные» – в последних платой за имитацию развития становится, по констатации Ю. Карякина, «количественное нарушение соответствия элементов культуры и энтропийных элементов… идет лавинообразное нарастание энтропийных и количественных нарушений, систематическая расправа энтропийных элементов над антиэнтропийными» (цит. по: [8. С. 13]). При этом ситуация в таких социумах не является клинической – определенная подвижка элементов системы (в частности, смещение «сильного звена», а также сильная внешняя флуктуация) может вывести последнюю из инволюционного состояния и задать новый импульс развития (так, первый раздел Первой Речи Посполитой стал импульсом к реформам Четырехлетнего сейма, а прибытие эскадры М. Пэрри и последовавшие за этим экономические следствия – к революции Мэйдзи; Испанию из инверсионного «бега по кругу» вывел разгром 1898 года[2], а толчком ко многим модернизационным процессам в Азии стали поражения европейцев от японцев на начальном этапе Второй мировой войны).

Ко всем описанным концептам рискну прибавить еще один – *абортивную модернизацию* (по аналогии с «абортивной цивилизацией» у А. Тойнби; термин принадлежит Л. Гудкову). Так можно определить процесс насильственного прерывания модернизации в результате внутреннего или внешнего удара. От инверсионной «рецидивирующей модернизации» абортивная модернизация будет отличаться резким катастрофическим сломом модернизационных процессов, насильственным обрывом ее инерционности и системным разрушением уже наработанных элементов модернизированной системы. Такие примеры в истории Нового и Новейшего времени довольно редки[3], и они обычно связаны с внешним фактором – например, крах проекта «Индейских Соединенных Штатов» Текумсе под ударом войск США, искусственный обрыв органической модернизации Нации Чероки под руководством Секвойи (в результате печально известной «Дороги слез»), а также Парагвайская война 1864–1870 гг., приведшая к фактическому уничтожению парагвайского государства и геноциду парагвайского народа со

[2] «Детьми 1898 года» называли себя испанские деятели культуры 1-й половины XX в. (М. де Унамуно, Х. Ортега-и-Гассет, М. де Фалья, А. Гауди, Ф. Г. Лорка, Р. Альберти, Х. Миро).

[3] В истории цивилизаций Древности и Средневековья подобные прецеденты были едва ли не системой (от уничтожения скифов сарматами до гибели цивилизаций доколумбовой Америки) – что и дало Тойнби основание для введения концепта «абортивные цивилизации». Но все это происходило в домодернизационный период человеческой истории и потому лежит вне рамок нашего исследования.

стороны Бразилии, Аргентины и Уругвая (с известными оговорками, сюда же можно отнести и подавление «Пражской весны» 1968 г.); однако подобный процесс может быть запущен и внутренними факторами (подобный вариант отчетливо прослеживается на примере событий 1917 г. в России).

Литература

1. Moore W. E. Social Change. – Englewood Cliffs : Prentice Hall. – 1963.
2. Piirainen T. Towards a New Social Order in Russia: Transforming Structures in Everyday Life. – University of Helsinki, 1997.
3. Алексеев Г. Энергоэнтропика. – М., 1983.
4. Гоголь Н. Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н. Собр. соч. : в 7 т. – Т. 6. – М. : Художественная литература, 1986. – Гл. XXXII. Светлое воскресенье.
5. Ермаханова С. А. Теория модернизации: история и современность. Институт экономики и ОПП СО РАН, г. Новосибирск. – URL: http://econom.nsc.ru/ieie/SMU/conference/articles/%C5%F0%EC%E0%F5%E0%ED%EE%E2%E0.doc
6. Красильщиков В. А. Вдогонку за прошедшим веком. Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. – М., 1998.
7. Между прошлым и будущим: социальные отношения, ценности и институты в изменяющейся России : материалы Международной научно-практической конференции Гуманитарного ун-та (17–18 мая 2005 г.) : в 2 т. – Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного ун-та, 2005.
8. Природа тоталитарной власти // Социологические исследования. – 1989. – № 5.
9. Сасаки К. Эстетическая жизнь в антиурбанистической культуре Японии // Ориентиры... – М. : ИФРАН, 2001.
10. Стариков Е. Н. Общество-казарма от фараонов до наших дней. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2004.
11. Хейвуд Э. Политология : учебник для студентов вузов. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2005.
12. Холмогоров Е., Крылов К. После Запада: перспективы российской модернизации. – URL: http://holmogorov.rossia.org/modern.htm

УДК 94(47)

Андреева Елена Владимировна
канд. ист. наук, замдекана по инновационной и методической работе факультета социальной психологии, доцент кафедры «Реклама» факультета социальной психологии, НОУВПО Гуманитарный университет (г. Екатеринбург)

Шерышова Анастасия Евгеньевна
студентка факультета экономики и управления, УрГУПС (г. Екатеринбург)

Andreeva Elena Vladimirovna
Candidate of History, Deputy Dean on Innovations and Methodology, Associate Professor at Advertising Chair, Faculty of Social Psychology, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

Sheryshova Anastasiya Yevgen'yevna
Student of Business and Management Department, the Ural State University of Railway Transport (Ekaterinburg)

СУДЬБЫ ДВУХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ: ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИИ И УКРАИНЫ

THE DESTINY OF THE TWO SLAVIC PEOPLES: RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND UKRAINE

Аннотация
Исторические взаимоотношения Украины и России показывают нам, что эти две страны, друг от друга ранее зависимые политически и экономически, сейчас находящиеся по разные стороны баррикад информационной войны, должны в XXI в. учитывать особенности культурного развития каждой, быть толерантными друг к другу. Используя деструктивный подход к формированию единой украинской нации, исходя из противопоставления Украины и России, невозможно вывести Украину из политического, духовного и экономического кризисов.
Ключевые слова: контрэлиты; манипулирование; информационная война; демократиический строй; анархия; федерализация; Майдан; оранжевая революция; вооруженный конфликт; ДНР; ЛНР.

Abstract
The history of Russia–Ukraine relations demonstrates the necessity of mutual tolerance and respect for cultural specificity of each country since both nations, used to be interdependent, economically and politically, now have found themselves on opposite sides of the barricades in the 21st century information war. The current Ukrainian political, economic and spiritual crises cannot be overcome through forming a unified Ukrainian nation in a destructive way and making Russia and Ukraine adversaries.
Key words: counter elites; manipulation; information war; democratic basic order; anarchy; federalization; Maidan; Orange Revolution; armed conflict; DPR; LPR.

Несмотря на провозглашенную в 1991 г. независимость, Украина не выработала свою собственную, свободную от иностранного влияния внешнеполитическую линию. Это государство имеет значительную территорию и большое по европейским меркам население, но оно не играет весомой роли на международной арене. Оно не продвигает и не защищает собственные интересы. Напротив, Украина стала объектом политики более мощных внешних сил. Сегодня, когда страна погрузилась в анархию, на ее территории разгорается жесткая борьба между Россией и Западом [1. С. 34].

Весь мир взбудоражен событиями, происходящими в Украине. Как повлияет вступление Крыма в состав РФ на геополитическую ситуацию? Каким будет дальнейшее развитие отношений Украины с Россией? Ответы на эти вопросы авторы постараются проследить в этой статье, особый упор делая на исторические аспекты взаимоотношений этих стран. Основа взаимоотношений – это историче-

© Андреева Е. В., Шерышова А. Е., 2014

ские корни, исторические связи, которые соединяют народы России и Украины по ту и другую сторону границы.

В IX в. появилось одно из крупнейших европейских государств Средневековья – Киевская Русь. В дальнейшем произойдет множество войн, набегов, смен власти и разделений территорий; все это приведет к образованию трех современных стран: России, Украины и Белоруссии – «братские народы» этих стран были единым целым в составе Российской империи и в составе СССР. Поскольку исторически эти страны являются одной «семьей», то и войны между ними, пожалуй, можно отнести к братоубийству. Территории России и Украины имеют общую границу, следовательно, отношения между этими странами важны как в экономическом, так и в политическом плане.

Украинско-российская граница, которая приобрела международный статус с распадом СССР, стала фактором формирования двух различных «культур памяти»: дети изучают историю по разным учебникам, национальные медиа по-разному освещают события недавнего прошлого, а национальные праздники и памятные даты предполагают зачастую противоположные оценки исторических событий. Национализация «общей» исторической памяти, сформированной парадигмой советской истории, происходит по-разному по обе стороны границы [2. С. 101].

Региональные элиты России и Украины обращаются к истории как символическому ресурсу по разным соображениям: во-первых, для сохранения и усиления своих статусных позиций и политического влияния. Как показывает пример западных областей Украины, контрэлиты могут использовать альтернативные нарративы (советско-германская война, национально-освободительная война украинского народа) для подрыва легитимности существующего режима, представляемого в этом случае как «антиукраинский». Во-вторых, постсоветские региональные элиты, как правило, убеждены, что в условиях постсоветского «кризиса идентичности» населению необходимо предложить некий заменитель коммунистической идеологии. История и память используются для воспитания регионального патриотизма, рассматриваемого как инструмент поддержки социальной и политической стабильности в регионе. В-третьих, грамотное использование прошлого как символического ресурса повышает инвестиционную привлекательность региона и дает региональным элитам преимущества как в отношениях с центром (поддержка престижных проектов), так и в конкурентной борьбе с другими регионами (например, за статус региональной культурной столицы) [Там же. С. 98–99].

Поскольку в последнее время предпринимаются попытки перекроить историю, в частности даются противоположные, зачастую взаимоисключающие оценки событий Второй мировой войны, нападения СССР на Польшу в 1939 г., голодомора в Украине в 1932–1933 гг., то все это приводит к политическому конфликту, который буквально раскалывает общество. Поэтому необходимо обратиться к истории формирования Украины.

Древнерусское государство Киевская Русь возникло в Восточной Европе в последней четверти IX в. Произошло это благодаря объединению двух главных центров восточных славян – Киева и Новгорода, расположены они были на пути «из варяг в греки», что способствовало их быстрому развитию.

В 862–864 гг. Рюрик с братьями осуществляет переворот в Новгороде и основывает династию Рюриковичей. Спустя некоторое время, а именно в 882 г., зять Рюрика князь Олег завоевывает Киев и делает его столицей своего государства. В 988–989 гг. великий князь Владимир I Святославович вводит христианство на Руси как государственную религию. В XI в., при правлении Ярослава Мудрого, Киевская Русь становится хорошо известной, процветающей в культурном плане страной в Европе. Были проведены меры по установлению в Киевской Руси по-

рядка и законности. В 1016 г. введен в действие первый на Руси писаный свод законов – «Русская Правда». Ограничена кровная месть, она была заменена денежным штрафом – вирой. Проведены меры по укреплению независимости и самостоятельности русской церкви. С 1051 г. митрополитами русской церкви стали назначать не греков, а русских, причем без ведома Константинопольского патриарха. Первым русским митрополитом стал Иларион. Проведены меры по развитию культуры: началось грандиозное строительство храмов – Софийских соборов в Киеве и Новгороде, создаются первые русские библиотеки, переводятся книги, открываются государственные школы.

В западноевропейских летописях того времени Киевскую Русь называют Гардарикой, т. е. страной городов. Дело в том, что в IX–XII вв. было, действительно, достаточно много городов на территории Русского государства – в летописях насчитывают 24 русских города, но ученые считают, что было их значительно больше. К концу XII в. на Руси существовало уже 238 городских поселений [3].

Во второй половине XI в. между князьями начинается княжеская междоусобица (т. е. борьба князей друг с другом за великий престол в Киеве), которая приводит к ослаблению Киевской Руси. Единство государства пытаются сохранить Владимир II Мономах (1113–1125 гг.) и его сын Мстислав (1125–1132 гг.). Во второй половине XII в. Русь распадается на самостоятельные княжества, среди которых стоит назвать Новгородскую и Псковскую республики, Киевское, Владимиро-Суздальское и другие княжества.

Впервые границы внутри Киевской Руси были проведены в конце XII в. – с началом периода раздробленности и установления татаро-монгольского ига. Освободившись от власти Золотой Орды, громко заявила о себе как о центре объединения русских земель Москва. Некогда могущественный Киев, напротив, был разрушен бесконечными усобицами, нашествиями кочевников и пришел в запустение. Северо-восток Руси усилился, а юго-запад ослаб и попал под внешнее влияние Речи Посполитой, Крымского ханства и Венгерского королевства. С этого периода начинают формироваться различия между тремя ветвями восточнославянского этноса: русскими, украинцами и белорусами [1. С. 35].

В XV в. на Украине формируется казачество, в основном из беглецов с территории Речи Посполитой и России, спасающихся от бедности, долгов, преследования и нашествий кочевников. Казаки не занимались государственным строительством. Они жили за счет разбоя, грабежей, а также нанимались на военную службу к соседним державам. Казаки могли служить Польше, Турции и России – главным их мотивом всегда была выгода. Очевидно, что и союзниками они были ненадежными. Известно много случаев их перехода от одной воюющей стороны к другой, в зависимости от вознаграждения. Например, один из наиболее почитаемых казачьих вождей, Богдан Хмельницкий, в разное время находился на службе у польского короля, присягал на верность турецкому султану, пока на Переяславской раде не сделал выбор в пользу Москвы [Там же. С. 36].

В начале XVII в. начал формироваться и обособляться молодой украинский народ, окруженный тремя сформировавшимися государствами: Османской империей, Российским государством и Польшей. Поэтому украинским лидерам часто приходилось «маневрировать» до того момента, пока «украинцы» не состоялись – «пригрелись» в рамках советской империи, а затем снова оказались полностью свободными [4. С. 46].

Как рассказывает и показывает история, вплоть до XVII в. не было ни Малороссии, ни Украины, ни украинцев – это бесспорный факт. В те времена условия проживания вдоль Днепра, если не учитывать периодические военные угрозы с разных сторон, были замечательными: богатейший чернозем, роскошное побере-

жье Днепра и Черного моря и отсутствие границ на Востоке, а последняя особенность – это: потрясающая Свобода, Воля и вольница.

Специфику образовавшегося менталитета славянского народа, жившего на восточном краю Польши и у южных границ (краев) России (государства Московского) – украинцев, прекрасно описал выходец из мелкопоместной шляхты Николай Яновский, более известный у нас как великий русский писатель и мыслитель Николай Гоголь, в своем знаменитом произведении «Тарас Бульба». Эти события описаны уже после того, как Богдан Хмельницкий поднял в Польше восстание, сегодня это назвали бы цветной революцией, приведшей к разделу Польши и отделению от нее восточных территорий.

Богдан Хмельницкий родился в 1595 г., в семье мелкого польского дворянина – шляхтича православной веры. К казакам он попал в молодом возрасте, так как его отец был у них сотником и реестровым (штатным) воином-казаком в польской армии. В начале 20-х годов XVII в. Богдан Хмельницкий участвовал в составе польской армии в успешном походе на Турцию, в двухлетней войне, и попал в плен к туркам, пробыл там два года и затем по обмену пленниками вернулся на Родину. Злость на турков за тяжелый плен он сорвал довольно быстро, организовав с одобрения польского короля казачий разбойничий поход в Османскую империю: водными путями добрался почти до Константинополя, повторив некогда знаменитые походы дохристианских русских князей, и, захватив большую добычу, успешно вернулся обратно. В начале 30-х годов в составе польской армии Богдан Хмельницкий участвовал в победных боях со шведами, и под Смоленском (1634 г.) в войне с Россией – с армией Михаила Романова и Шеина. За героические заслуги в победных сражениях с русскими он был награжден лично королем Владиславом IV именным оружием – золотой саблей. К 1648 г. Богдан Хмельницкий был успешным и славным польским воином, бывалым и обеспеченным 53-летним человеком, сделавшим хорошую карьеру. В самой Польше назревал бунт из-за населявших территорию евреев и религиозного фактора (элита была католической веры, а казаки – христианской) [3].

Умирает польский король – Османская империя шлет войска, Хмельницкий громит поляков. Захватив Львов, Хмельницкий приказывает армии отступать, так как назначен новый польский король – Казимир. Гетманство по указанию Казимира достается Хмельницкому. Шляхта восстала против решения короля насчет нового гетмана, она собрала армию, в это время Хмельницкий пишет султану письмо о помощи, тот отправляет армию в помощь. На второй день Большой Сечи, 6 августа 1649 г., пришла помощь от Турции, и казаки разгромили поляков.

Состоялось перемирие с Польшей, был подписан «Зборовский трактат», по которому оставшихся в живых евреев и шляхту, принявшую сторону короля, выселяли с казацкой территории, и им впредь больше нельзя было там селиться. Но польский король также заключил договор с Турцией, разрешив грабить Украину. Казаков стали уводить в рабство. Многие казаки семьями бежали на север, в южные области России. Польская шляхта приготовила армию против Хмельницкого. Хмельницкий обращается за помощью к России, но Земский собор отказывает ему. Россия первоначально оценила это как опасную авантюру.

1 октября 1653 г. Земской собор принимает решение о включении территории по левому берегу Днепра в состав России. Узнав о решении Земского собора, казаки 2 месяца думали и в начале 1654 г. собрали Раду в г. Переяславле, чтобы вынести вопрос на всеобщее обсуждение. 8 января 1654 г. после долгих дебатов, большинством голосов приняли решение: «Волим под царя Московского». После вхождения в состав Российской империи (а эти территории находились у края границ России и Польши) Украина стала называться Малороссией. Россия, воспользовавшись положением, вернула Смоленск.

В 1656 г. казаков стала не устраивать выплата налогов Москве, и в 1657 г. ситуация усугубилась из-за договора Хмельницкого со Швецией против Польши. 27 июня 1657 г. казаки избирают гетманом еще несовершеннолетнего Юрия Хмельницкого, последний присягает на верность Российской империи. Через 3 месяца собирают Генеральную Раду под Корсунем. Принимается решение о выходе из состава России. Таким образом, спустя 2,5 года вступление Запорожской Сечи с левобережными землями в состав России было аннулировано в одностороннем порядке запорожскими казаками.

6 сентября Ян Выговский (заменяющий должность гетмана) подписал договор с Польшей, по которому Левобережная Украина стала уже не Малороссией, а «Великим Русским Княжеством» (ВРК). Россия не смирилась и проводит поход на ВРК, в котором берет в плен Ивана Выговского, он произносит клятву верности Москве, после чего обманом возвращается в Украину, где не прекращает плести заговоры. Попытка Москвы вернуть Малороссию обернулась провалом из-за поддержки казаков Османской империей.

Гетманство перенимает Петр Дорошенко. Из-за постоянных войн российская казна пустовала и проводилась денежная реформа, которая привела к Медному бунту в 1662 г.

В 1663 г. казаки приняли решение уйти из Польши и войти в Османскую империю, султан их принял. Но взамен взял в плен Юрия Хмельницкого, в дальнейшим провозглашенного гетманом.

Россия и Польша подписывают мирный договор, направленный против Османской империи и казаков. Весной 1667 г. начинается восстание Степана Разина. В это же время одерживает победу Ян Собеский под Подгайцами над казаками и татарами. И в 1667 г. в деревне Андрусово (Смоленщина) подписано двухстороннее мирное соглашение сроком на 13 лет – Андрусовский договор. По этому договору Польша отказывалась претендовать на Смоленскую и Северскую земли. Черкасская территория была поделена по Днепру: слева – русским, справа – полякам; а находящимся на правом берегу большим прекрасным городом Киевом обе стороны решили владеть и управлять поочередно по графику – первые два года русские, затем два года поляки и т. д. Гетмана Запорожской Сечи Брюховецкого обе стороны оповестили о решениях Адрусовского договора только через полтора месяца, поставив перед свершившимся фактом. Казаки тогда, а теперь «оранжевые» и украинские националисты возмущаются, что со стороны России и Польши это было нарушением предыдущих договорных условий с казаками, «забывая» о решении казаков на Корсуньской Раде. Как забывают, что и сами постоянно нарушали договоры и решения.

Именно первый «культурный раскол» Украины на Восточную и Западную произошел в 1667 г. В результате Андрусовского перемирия ее территория была поделена по Днепру между Россией и Польшей [1. С. 36].

1686 г. – подписан Польшей и Россией «Вечный мир».

При правлении Петра I гетманом Запорожской Сечи стал Мазепа. В 1704 г. он объединяет правобережную и левобережную Украину. В 1706 г. ведет тайную переписку со Швецией. В 1708 г., перед Полтавской битвой, переметнулся с казаками на сторону шведов, а после поражения бежал в Османскую империю. Войска Петра I 11 мая 1709 г. захватили Запорожскую Сечь, 115 казаков были казнены, из них 25 атаманов.

В 1764 г. Екатерина II ликвидирует все институты гетманства. В июне 1775 г. русские войска под командованием генерала Такелия окружили Сечь, пленили казаков и полностью разрушили Украину. Указом Сената от 29 июля 1775 г. казаки как понятие и каста были ликвидированы и записаны как крестьяне и мещане. По приказу Екатерины II были основаны будущие украинские города Екатерино-

слав (Днепропетровск), Николаев, Херсон, Одесса, Севастополь, Александровск, Мариуполь и другие. Украина активно заселяется русскими, распространяются русский язык и русская культура. К августу 1775 г. Украина как государство на карте исчезает.

1783 г. происходит присоединение Крыма к Российской империи.

Линия на воссоединение продолжалась несколько веков. Недаром еще в XV в. московские государи определяли себя не иначе как государь всея Руси, т. е. выдвигалась внешнеполитическая доктрина, целью которой было объединение всех православных, которые в прошлом входили в состав Древнерусского государства. Это воссоединение в 1654 г. в территориальном плане составило от нынешней Украины всего 1/6 часть. В XVIII в. по итогам трех разделов Польши Левобережная Украина объединилась с Правобережной Украиной, а потом и с Западной Украиной; именно благодаря России территория Украины увеличилась в несколько раз [5. С. 39].

Не входили в состав Российской империи Львов и Галиция. Эти земли принадлежали Австро-Венгрии. Значительную часть населения там составляли выходцы из Польши. Именно Галиция стала оплотом сопротивления российскому влиянию и колыбелью украинского национализма. Власти Австро-Венгрии поощряли русофобию, распространяли культуру западного образца, репрессировали сторонников союза с Россией [1. С. 36].

Странные взаимоотношения между этими народами в XIX в. описывал Федор Достоевский:

«По внутреннему убеждению моему, самому полному и непреодолимому, не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена...

Начнут же они, по освобождении, свою новую жизнь, повторяю, именно с того, что выпросят себе у Европы, у Англии и Германии, например, ручательство и покровительство их свободе, и хоть в концерте европейских держав будет и Россия, они именно в защиту от России это и сделают. Начнут они непременно с того, что внутри себя, если не прямо вслух, объявят себе и убедят себя в том, что России они не обязаны ни малейшею благодарностью. Напротив, что от властолюбия России они едва спаслись... Может быть, целое столетие, или еще более, они будут беспрерывно трепетать за свою свободу и бояться властолюбия России; они будут заискивать перед европейскими государствами, будут клеветать на Россию, сплетничать на нее и интриговать против нее. Особенно приятно будет для освобожденных славян высказывать и трубить на весь свет, что они – племена образованные, способные к самой высшей европейской культуре, тогда как Россия – страна варварская, мрачный северный колосс, даже не чистой славянской крови, гонитель и ненавистник европейской цивилизации. У них, конечно, явятся, с самого начала, конституционное управление, парламенты, ответственные министры, ораторы, речи. Их будет это чрезвычайно утешать и восхищать. Разумеется, в минуту какой-нибудь серьезной беды они все непременно обратятся к России за помощью» [6. С. 14].

В начале XX в. мощным катализатором отделения от Российской империи стали революционное движение, Первая мировая война и Февральская революция. В ноябре 1918 г., в ходе Гражданской войны, на западе Украины была образована Западно-Украинская Народная Республика (ЗУНР), а в Киеве еще раньше, 17 марта 1917 г. – Украинская Центральная Рада, легитимность которой признало Временное правительство, возглавили ее историк профессор Грушевский, В. Винниченко и С. Петлюра.

«Украина хотела получить полный суверенитет и отделиться от России. А стремившиеся к власти в Российской империи большевики стали создавать

свои властные органы – Советы. В Украине стало формироваться двоевластие, а с учетом Временного правительства – и троевластие» [7. С. 23].

3 марта 1918 г. в Бресте был подписан договор с Германией о передаче Германии Украины. Германия сделала из Украины марионеточное образование – Украинскую Державу (УД) во главе с Павлом Скоропадским. После окончания Первой мировой войны правительство УД было свергнуто военными отрядами Рады во главе с С. Петлюрой и В. Винниченко. Скоропадский, через Польшу, бежал в Германию.

22 января 1919 г. подписан акт Злуки – объединения двух украинских республик: УНР и ЗУНР. Когда в 1919 г. большевики пошли захватывать власть, Украина обратилась за помощью к Польше. Большевики проиграли и подписали в Риге мирный договор, по которому Россия выплачивала Польше контрибуцию, а территории Западной Белоруссии и Западной Украины отходили к Польше.

Во время правления большевиков Украина и Россия были одной территорией, называемой СССР и состоявшей из 15 республик.

В годы Великой Отечественной войны украинские националисты во главе с С. Бандерой выступили бок о бок с фашистами против советской власти. Они развернули масштабные репрессии против коммунистов и мирного населения, осуществляли расовые чистки. Когда опасность расправы со стороны СССР миновала, бандеровцы пошли против воли своих новых немецких «друзей», осуществив попытку создания независимого государства. За это многие из них, включая самого Бандеру, были отправлены в концлагеря. Отдельные ячейки украинской повстанческой армии боролись в лесах со всеми подряд – и с нацистами, и с Красной армией – до самого конца войны. Только после разгрома фашизма Галиция стала частью УССР [1. С. 37].

В 1954 г. Н. Хрущев вывел Крым из состава РСФСР и перевел в состав УССР. Таким образом, создание Украины в современных границах было завершено в 1954 г.

В 1991 г. совершенно неожиданно, с позиции предыдущего периода, и закономерно, с учетом событий 1990–1991 гг., в наступившем параде суверенитетов, решением Верховной Рады от 24 августа Украина выходит из состава СССР. Обе страны вместе с другими бывшими республиками СССР основали Содружество Независимых Государств, в рамках которого осуществлялось экономическое сотрудничество.

После распада Советского Союза между Украиной и Россией возникли различные спорные вопросы. Одним из них стал вопрос о принадлежности Крымского полуострова, при передаче которого УССР в 1954 г. было нарушено действовавшее советское законодательство. Вопрос был решен, когда Россия согласилась на то, чтобы Крым остался в составе Украины, сохраняя при этом автономный статус.

Еще одним крупным камнем преткновения была принадлежность Севастополя, а также размещенного в его порту Черноморского флота СССР. В отличие от остального Крыма, Севастополь в административном отношении был напрямую подчинен Москве. После долгих интенсивных переговоров было решено поделить Черноморский флот, а за российской его частью сохранить право использовать Севастополь в качестве базы до 2017 г.

Проблемой стало энергоснабжение Европы, так как многие нефте- и газопроводы из России на Запад проходили через Украину. В 1990-х г. Украина открыто изымала предназначенный для западных покупателей российский газ, а после того, как были заключены новые договоры, ее огромные долги были оплачены за счет трансфера советских вооружений и ядерных арсеналов, унаследованных Украиной от СССР, в том числе бомбардировщиков Ту-160.

В феврале 1993 г. «Газпром» приостанавливал поставки газа на Украину из-за неуплаты. Ограничение поставок продлилось сутки. На тот момент долг Украины за газ составлял более 138 млрд рублей. В ответ на угрозы со стороны российских властей украинские власти отвечают, что перекроют транзитные газопроводы, по которым Россия ведет поставки газа в Западную Европу. В марте 1994 г. «Газпром» приостанавливал поставки газа на Украину. На тот момент долг Украины за газ превышает 1 трлн рублей. «Газпром» потребовал решения проблемы долга за счет передачи России части имущественных прав на украинские газопроводы и предприятия. 10 марта, в ходе украино-российских переговоров, было принято решение о продолжении поставок газа на Украину» [8].

В апреле 2010 г. были заключены Харьковские соглашения, предусматривающие сохранение базы российского флота в Севастополе как минимум до 2042 г. и скидки для Украины за российский газ. В июле 2010 г. премьер-министр Украины Н. Я. Азаров заявил: «Правительство Украины ведет переговоры о создании газотранспортного консорциума между Украиной, ЕС и Россией» [9].

Нестабильность политической ситуации на Украине заставила российскую сторону выйти из некоторых крупных совместных промышленных проектов в сфере авиации и оборонной промышленности.

Стремясь после распада СССР к интеграции своей страны, делая ставку на унитарное государственное устройство, украинские власти не предполагали развития подобных событий (имеется в виду Майдан 2014 г.), хотя межрегиональные противоречия были на территории Украины, о них писалось и говорилось много. Либералы во главе с Кравчуком, Кучмой и Ющенко создали антинародный олигархический колониальный режим, с помощью уже европейский и российских олигархов, а также олигархов США. После чего Украина стала благодатной колонией для олигархов разных национальностей и верований. Журналисты-политтехнологи Шустер, Киселев, Гордон над новым экономическим базисом создали новую либеральную идеологическую «надстройку», распространенную с помощью телевидения.

В 1990-х годах было создано неопатримониальное государство с характерными для него вассальными отношениями между центром и регионами, которое способствовало усилению позиций Киева во всех сферах и падению уровня жизни в остальной стране. Равно бедствуя, регионы Украины существенно различались по масштабам и эффективности своей экономики. Восточные урбанизированные и индустриально развитые области, граничащие с Россией – а это прежде всего Донецкая, Луганская и Харьковская, – обеспечивали более четверти ВВП страны и привлекали пятую часть всех инвестиций, тогда как вклад западных областей, пограничных с ЕС, составлял 8–10 %» [10. С. 50].

Несоответствие продуктивности экономики и низкого уровня жизни тех, кто ее обеспечивал, давало многочисленные поводы для спекуляций на тему «кто кого кормит» и рождало социальное недовольство. Отсутствие материального поощрения восточных регионов усугубляло чувство политической ущемленности. Согласно совместному исследованию университетов Луганска, Дрогобыча и Львова «Украина: образы регионов и межрегиональные отношения» (2005 г.), большинство жителей Донецкой области воспринимало политику формирования общенациональной идентичности как грубое навязывание западноукраинской модели, не учитывающей местные особенности. Хотя все эксперты сходились в том, что решение задачи консолидации нации на основе общей идентичности является важнейшим условием выхода Украины из затяжного кризиса, связанного с национально-государственным строительством, реальная политика менялась слабо, а социально-экономические расколы на Украине усугублялись [Там же. С. 51].

Во время президентства Леонида Кучмы Украина придерживалась «многовекторного» геополитического курса, благодаря чему отношения между Украиной и Россией оставались на приемлемом уровне. Ситуация обострилась со времен «Оранжевой революции» 2004 г. Новая власть объявила об односторонней ориентации на Запад и продолжении курса, начатого при президентстве Л. Д. Кучмы, на вступление в НАТО и ЕС. При этом, согласно данным социологического опроса, 60 % населения Украины выступало против вступления в НАТО. Дополнительное напряжение стали вносить усиленные попытки украинской власти внедрить новые трактовки различных исторических событий и персонажей, таких как Голодомор, УПА или история гетманства.

Приход к власти В. Ющенко в 2004 г. ознаменовал более четкий прозападный крен в политике страны, усиление внутри Украины позиций националистов. При нем Украина сближается с НАТО и пытается провести совместные с Североатлантическим блоком военные учения, поддерживает размещение американских ракет в Восточной Европе. В. Ющенко активно лоббирует украинских националистов и восхваляет таких фашистских «приспешников», как Шухевич и Бандера. В их честь называют улицы, им устанавливают памятники. Особое внимание уделяется теме голодомора 1932–1933 гг., который был назван «оранжевыми» политиками геноцидом украинского народа [1. С. 39].

После своего избрания Янукович инициировал принятие Закона о внутренней и внешней политике Украины. В ст. 11 (п. 2) был обозначен внеблоковый статус страны при сохранении «конструктивного партнерства» с НАТО и другими блоками «по всем вопросам, представляющим взаимный интерес». Там же была поставлена задача интеграции Украины в европейское пространство с целью приобретения членства в ЕС [10. С. 52].

Именно в этот период времени главным героем украинской истории становится самоопределившаяся украинская нация. В дальнейшем для обоснования идеи национально-освободительной борьбы «Украины-колонии» против «России-империи», неправомерно провозгласившей себя наследницей Киевской Руси, стали широко применяться этногенетические теории, доказывающие различие происхождения русских и украинцев, представления об автохтонности народа, его особых правах на «исторические земли» и культурное наследие [Там же. С. 58]. Хотя акцентирование негативного образа России для поддержания украинской национально-государственной идентичности первоначально рассматривалось как болезнь роста, временное, но закономерное явление [Там же. С. 62].

Апогеем президентства Януковича стали события вокруг саммита «Восточного партнерства» в Вильнюсе в ноябре 2013 г. После долгих лет дорогостоящих реформ и пропаганды европейских ценностей украинский президент в последний момент отказывается от подписания соглашения об ассоциации. В стране развернулись массовые акции протеста среди той части населения, которая все десятилетия украинской независимости воспитывалась с прямой подачи правящих властей или же при их полном попустительстве в националистическом, прозападном, антироссийском духе. В. Янукович занял по отношению к протестующим слабую, нерешительную позицию и не сумел вовремя пресечь попытки незаконного захвата власти. В результате на Украине произошел государственный переворот [1. С. 41].

К отличительным особенностям событий на Украине декабря 2013 г. – марта 2014 г. можно отнести следующее. Прежде всего, оппозиция изначально взяла курс на реализацию радикального сценария, в котором практически не было места действительно мирным протестам. На авансцену вышли активисты националистических организаций, которые своими насильственными действиями стали задавать тон развитию событий. Участие западных стран в происходящем государственном перевороте не скрывалось, а многие акции протеста получали широкое

освещение в украинских и зарубежных СМИ. Западные политики регулярно посещали палаточный городок, публично выражая свою поддержку его участникам [11. С. 59].

Ситуация на Украине предельно обострилась в конце февраля 2014 г., когда в столкновениях в Киеве были убиты 100 человек. Пока в столице Украины шли бои, Виктор Янукович уехал из страны и был отстранен Верховной радой от управления государством. На короткое время ситуация в Киеве стабилизировалась, сторонники Евромайдана назначили на 25 мая досрочные выборы президента.

25 июня 2014 г. стало известно, что Международный комитет Красного Креста (МККК) признал ополченцев юго-востока Украины «стороной военного конфликта», о чем заявил на пресс-конференции премьер-министр Донецкой народной республики А. Бородай и продемонстрировал соответствующий меморандум. Такое признание МККК является знаковым сигналом для международного сообщества, который устанавливает международно-правовой статус вооруженного противостояния на Украине [12. С. 136]. Началось военное противоборство украинских силовиков и ополченцев.

Многие граждане Российской Федерации озабочены событиями, происходящими на Украине. Со слов режиссера Владимира Хотиненко: «Противостояние на Украине надо подвести к нормальному человеческому диалогу, я по отцовской линии с Украины, и родственников там живет у меня много. Поэтому для меня это, естественно, не абстрактный вопрос. Понятно, что дело в том, что когда бросают в людей зажигательную смесь, «коктейли Молотова», которые были предназначены для танков, и поджигают людей, это плохо с любой стороны, с какой ни посмотри. Это чудовищно. И все, что происходит сейчас, это чудовищно. Да, это дело украинского народа, но дело в том, что надо понимать, что мы не разный народ, мы просто один народ, вот и все. Это стихия, чудовищная стихия. И сейчас главная цель – все успокоить. Необходимо довести все до нормального человеческого разговора» [13. С. 105].

Со слов актера и режиссера Николая Бурляева: «Я внимательно пытаюсь следить за тем, что происходит на Украине. И я встревожен, потому что я помню, как мне лет 15 назад говорил президент Сербии Радован Караджич, когда он еще был президентом, что от того, с кем будет Украина, зависит вообще будущее и Европы, и мира, быть может. Если она будет с Россией – это будет одна Европа и мир, а если с Западом, то это будет уже что-то другое. Вот мне особенно печально видеть это все, поскольку у меня тоже есть украинские корни: мои предки с Запорожья – казаки, которые верой и правдой служили Руси нашей общей» [Там же. С. 107].

Пока новые власти Украины были заняты попытками привлечь финансовую помощь ЕС и МВФ, жители Автономной Республики Крым, большая часть которых относится к русскоязычному населению, выступила за усиление автономии полуострова.

«27 февраля в Крыму были замечены несколько сотен вооруженных людей без опознавательных знаков. Они захватили здания парламента и правительства автономии, водрузив на зданиях российские флаги. Они также взяли под контроль аэропорты в Симферополе и Севастополе. Официальный Кремль ответственность за действия этих людей на себя не взял, напомнив, впрочем, о том, что российские военные могут находиться на территории полуострова в рамках соглашения о Черноморском флоте» [14].

Президент России Владимир Путин в связи с экстраординарной ситуацией, сложившейся на Украине, и «угрозой жизни российских граждан» заявил о введении вооруженных сил на территорию Автономной Республики Крым. Такое решение Верховного главнокомандующего поддержал Совет Федерации. Такие меры должны действовать «до нормализации общественно-политической обстанов-

ки в этой стране». Верховный совет Крыма сменил правительство автономии, посадив в кресло премьер-министра лидера партии «Русское единство» Сергея Аксенова, и проголосовал за вхождение полуострова в состав России. Его примеру последовал Севастополь. 16 марта состоялся референдум, по итогам которого Крым стал 84-м регионом России.

В период с 26 марта по 9 апреля 2014 г. авторами работы был проведен интернет-опрос, темой которого стал вопрос: «Отношение студентов УрГУПС и ГУ к ситуации кризиса на Украине». Были предложены ответы:

1. Я не знаю ситуации сложившейся на Украине
2. Положительно, Россия ведет правильную политику
3. Негативно, Россия ведет не правильную политику
4. Мне все равно

В опросе приняли участие 126 человек, в большинстве студенты УрГУПС.

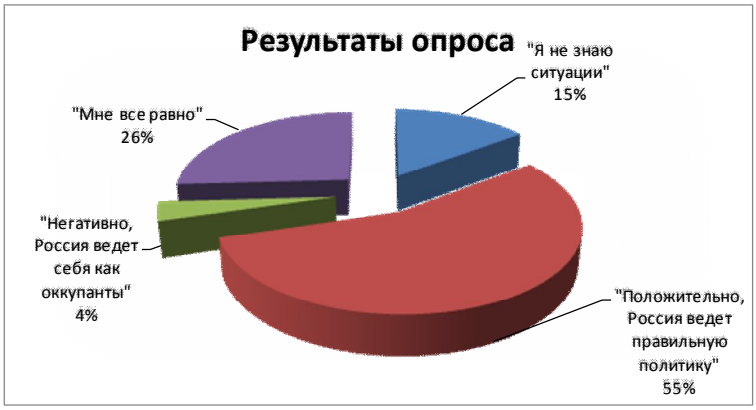


Диаграмма. Результаты опроса за 26 марта – 9 апреля 2014 г. на тему «Отношение российских студентов к ситуации кризиса на Украине»

Полученные данные позволяют сделать следующие выводы:

Российским студентам, молодежи Урала не все равно, что происходит на границах государства, они не осуждают политику Российского правительства. Большинство опрошенных студентов поддерживает политику президента Российской Федерации.

Вопрос о присоединении Крыма к России остается актуальным, так как некоторые страны не признали данного факта. «Президент Афганистана Хамид Карзай поддержал крымский референдум и присоединение полуострова к России. Такое заявление политик сделал на встрече с делегацией из США» [15]. Карзай отметил, что Афганистан уважает свободную волю жителей Крыма и их право определять собственное будущее. Помимо Афганистана, присоединение полуострова к России ранее признали власти Белоруссии, Казахстана, Венесуэлы, Сирии, Северной Кореи, лидеры африканских стран и др.

Против вхождения Крыма в состав России выступили страны Запада – США, Великобритания, Канада, Германия, Польша и т. д. В числе несогласных оказались также Южная Корея и Япония. МИД Китая призвал все стороны крымского конфликта к сдержанности и хладнокровию и подчеркнул, что данный вопрос должен решаться дипломатическими, законными методами.

Кроме того, Соединенные Штаты, Канада, Австралия, Евросоюз и Япония ввели санкции против граждан России и Украины. В ответ на политику Москвы в крымском вопросе европейские лидеры 18 марта решили приостановить членство России в G8. Новый премьер Украины Арсений Яценюк предложил отдать вакантное место Украине, подписавшей соглашение об ассоциированном членстве с Евросоюзом. Россия в ответ применила визовые и финансовые санкции против

американских чиновников и политиков, а также против представителей канадских властей.

Напомним, на прошедшем 16 марта референдуме в Крыму жители полуострова проголосовали за вхождение автономии в состав России. Российский парламент одобрил присоединение новых территорий. 21 марта Путин подписал указ об образовании Крымского федерального округа со столицей в Симферополе. Полномочным представителем президента в новом округе стал гендиректор ОАО «Славянка» Олег Белавенцев.

Киевский административный суд принял решение приостановить трансляцию российских телеканалов на Украине на время рассмотрения иска Национального совета по вопросам телевидения и радиовещания, заявила на брифинге в парламенте заместитель секретаря Совета национальной безопасности и обороны Виктория Сюмар.

1 марта 2014 г. СНБО принял решение «О безотлагательных мерах по обеспечению национальной безопасности, суверенитета и территориальной целостности Украины», поручив Национальному совету отключить российские каналы на Украине за искажение информации о событиях в стране.

Запретить трансляцию российских каналов предложили депутаты от партии «Свобода». Это было связано с необъективным, на их взгляд, освещением телеканалами из России протестов в Киеве во время Евромайдана. Протестующих журналисты называли «террористами» и «экстремистами».

Ведомство утверждало, что на 12:00 11 марта вещание российских каналов отключили 50 % провайдеров. «Другие готовятся к отключению», – заявили там. Кроме того, провайдерам порекомендовали «обеспечить» ретрансляцию в сетях Украины передач телеканалов ATR, ГТРК «Крым» и Черноморской ТРК.

Таким образом, экономическая и политическая обстановка между двумя странами в 2014 г. обостряется до предела. В связи с этим:

1.1. В состав РФ вошел Крым, но вопрос до сих пор актуален, так как некоторые страны не признали сложившийся факт.

1.2. В ответ на вхождение республики Крым в состав РФ, Европой, США и Украиной введены экономические и политические санкции.

1.3. Россия потеряла место в G8.

1.4. Поставки газа на Украину на короткий период были прекращены из-за огромного государственного долга Украины.

1.5. Приостановлены трансляции российских телеканалов на территории Украины и украинских на территории России.

Рассмотренная история взаимоотношений России и Украины показывает, что это довольно ожидаемая ситуация на Украине. Во-первых, – для жителей западных областей Украины олицетворением Европы и Запада является отношения с соседними Польшей и Венгрией, на западе Украины живет много католиков по вероисповеданию, включая украинцев; также живет немало поляков и семей в смешанных национальных браках, у которых есть немало родственников в Польше и Венгрии. И многие там относятся к полякам не только как к родственному славянскому народу, но и как к братскому народу, как в России русские относятся к белорусам. Это в России не учитывают. Во-вторых, экономический фактор. За это время многие люди заработали достаточно денег, на которые создали успешный бизнес, который не хотят потерять.

В информационном противоборстве с Западом есть одна существенная проблема – это реальный образ России, ее привлекательности, потому что Россия не является положительным образцом справедливого социального государства, где большинство граждан живет в благополучии и безопасности, где молодежи хочется жить, создавать семью и не уезжать на Запад.

Развитие взаимоотношений между Россией и Украиной находится в сложной политической ситуации, в которой можно проследить следующее:

1. Украина не может определиться, так как на нее влияет геополитический фактор, интересы людей как восточной, так и западной части Украины.

Авторы этой статьи полностью согласны с Е. Ильиным, который отметил несколько повторяющихся закономерностей: «Во-первых, на Украине никогда не существовало сильной независимой власти, эффективно контролирующей всю территорию государства и обеспечивающей устойчивое экономическое развитие. Со времен казачества до сегодняшнего дня Украина оставалась и остается не субъектом, а объектом политики – ареной столкновения интересов более мощных международных акторов, включаясь в сферу влияния одного из них, прежде всего России и европейских государств. Во-вторых, Украина всегда была разнородной по этническим, культурным и религиозным признакам. Западные, восточные и южные регионы страны на протяжении веков находятся в состоянии конфликта, то затихающего, то разгорающегося вновь. Они сильно различаются по культуре и менталитету, имеют разные ценности, преследуют разные цели, выбирают разную политическую ориентацию. В-третьих, украинские элиты находятся в перманентном поиске союзника. Они не способны самостоятельно осуществлять руководство страной и ищут поддержку извне в обмен на политическую независимость. Как казаки столетия назад выбирали между Россией, Польшей, Турцией и Венгрией, так и современные украинцы выбирают между Россией, ЕС и США, стремясь к обретению наибольшей выгоды» [1. С. 42].

2. Экономическое состояние Украины, если сравнивать с периодом СССР, сейчас резко ухудшилось из-за огромного государственного долга всему миру.

Экономика Украины на сегодняшний день не имеет ничего общего с экономикой развивающегося государства. Без фундаментальных, «титанических» идеологических изменений и соответствующих управленческих решений не удастся изменить ситуацию к лучшему для народа в Украине.

3. У Украины имеется три варианта дальнейшего развития:

3.1. Радикальное «хирургическое» решение – через локальный референдум отделить границей несколько западных областей от центральных и восточных, создать отдельную суверенную республику, и этим положить конец этой непонятной анархии с бесконечными спорами, противостоянием, а главное, с истреблением своего же мирного населения, ведь подобное уже было в истории Украины.

3.2. Проведение по данному вопросу общеукраинского референдума, обязательно учитывая интересы ДНР и ЛНР (Донецкой и Луганской народных республик Украины), принятие решений большинством голосов предпочтения.

Необходимо уяснить, что втягивание в западную цивилизацию приведет к потере Украиной своей национальной идентичности, будет способствовать развитию центробежных тенденций на Украине и, возможно, дальнейшему расколу как украинского сообщества, так и его территории. Федерализация Украины – это единственный механизм сохранения украинской государственности [5. С. 49–50].

3.3. Экономический вариант развития событий – «где лучше», в смысле материального благополучия. Хотя и в этом варианте преимущество за Россией, единственной страной, у которой нет государственного долга.

4. Из-за введенных санкций страдают все, как Россия, так и Европа и США, а особенно негативно они влияют на экономическое положение, темпы роста Украины. Сам кризис государственности на Украине стал закономерным итогом проводимой властями политики «многовекторности». Эта политика имеет свои исторические корни и во многом напоминает колебания казаков между могущественными соседними государствами много веков назад.

В заключение хотелось бы сказать, что все, происходящие в данное время, имеет свои последствия, все это войдет в историю и в учебники по истории.

События, происходящие в Украине, повлекут огромные последствия не только для России и Украины, но и для всего мирового сообщества. Скорее всего, мы находимся в самом эпицентре зарождения второй холодной войны. Хотя – почему находимся? Возможно, она идет или никогда не прекращалась, последнее вероятнее всего. От нынешних событий пострадают все: Украина от гражданской войны, Россия от экономических санкций, Европа от недостатка российских природных ресурсов, США от резко возросшего государственного долга.

Россия в результате присоединения Крыма к своей территории показала всему миру, что Россия всегда отстаивала и будет продолжать отстаивать свои интересы, поддерживать русскоговорящее население и не идти на поводу у какой-либо страны. А «расколотая память» на Украине будет являться одним из факторов политической нестабильности этого государства.

Литература

1. Ильин Е. Украина между Россией и Европой. Проблема исторического выбора // Международная жизнь. – 2014. – № 3. – Март.

2. Журженко Т. «Общая победа»? «Чужая война»? Национализация памяти о Второй мировой войне в украинско-российском пограничье // Пути России. Историзация социального опыта. – М. : Новое литературное обозрение, 2013.

3. Деревянко А. П., Щабельникова Н. А. История России : учеб. пособие. –2-е изд., перераб. и доп. – М. : ТК Велби : Изд-во Проспект, 2006.

4. Леглов В. И. Мода с Запада. – М., 2003.

5. Булатов Ю., Пядышева Е. Россия и Украина: вместе или порознь? // Международная жизнь. – 2014. – Май. – № 5.

6. Дневник Достоевского. – М., 1989.

7. Новые документы по новейшей истории : хрестоматия / под ред. Г. Н. Севостьянова. – М., 1996.

8. Украинский газ // Украина News. – URL: http://top.y.news.ru/gaz/23/03/2014/912642.shtml (дата обращения: 23.03.2014).

9. События в мире: политики о ситуации на Украине // AVA.MD. – URL: http://ava.md/world/024157-viskazivanie-rossiiskih-politikov-i-obshestvennih-deyatelei.html (дата обращения: 24.03.2014).

10. Вендина О. И., и др. Украина в политическом кризисе: образ России как катализатор противоречий // ПОЛИС. – 2014. – № 5.

11. Жильцов С. С. Технологии политической борьбы за власть на Украине // ПОЛИС. – 2014. – № 6.

12. Моисеев А. Об ответственности сторон конфликта на Украине // Международная жизнь. – 2014. – № 7. – Июль.

13. Порошенко М. Высказывания русских деятелей о политических ситуациях. – М. : Арт Прожект, 2014.

14. Крымский вопрос: Война санкций // Новости РБК. – URL: http://top.rbc.ru/textonlines/21/03/2014/912642.shtml (дата обращения: 21.03.2014).

15. Отношение Запада к России // Globalist news – 2014 (дата обращения: 20.03.2014).

Мир культуры:
субъекты, институты, практики

УДК 101.1:316.77

Латыпов Ильдар Абдулхаевич
д-р филос. наук, доцент, завкафедрой социологии коммуникаций, ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» (УдГУ)
E-mail: latypoveldar@hotmail.com

Latypov Ildar Abdulkhaevich
Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of Sociology of Communications Chair, Udmurt State University (Izhevsk)

ПОЛИСУБЪЕКТНАЯ МУЛЬТИФРАКТАЛЬНОСТЬ ИНФОРМАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СЕТИ: ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ

POLY-SUBJECT MULTIFRACTAL TRENDS OF INFORMATION RELATIONS IN ON-LINE COMMUNICATIONS: PHILOSOPHICAL ASPECTS

Аннотация
В статье с социально-философской точки зрения рассматриваются мультифрактальные характеристики полисубъектных коммуникаций в процессе сетевой информационной деятельности. Предлагается мультифрактальный подход к теории полисубъектной социальности. Предлагаемая философская трактовка данного подхода к заявленной проблеме характеризует самоподобие сетей полисубъектных отношений.
Ключевые слова: полисубъектность; социальная философия; фрактал; мультифрактал; сетевая коммуникация; информационные отношения.

Abstract
The paper describes social-philosophical context of multifractal characteristics of poly-subject relations in modern networking informational activity on-line. Multi-fractal approach is applied to the theory of poly-subject sociality. The problem interpreted philosophically describes the self-similarity of nets of poly-subject informational relations.
Key words: poly-subject sociality; social philosophy; fractal; multifractal; on-line communication; information relations.

Анализ проблемы полисубъектной мультифрактальности становится востребованным именно в современных информационных отношениях. В сетевой цивилизации это связано с неравновесной динамикой развития постоянно растущего множества субъектов самого разного уровня общности.

Проблема дифференциации информационных отношений уже ставилась автором в связи с необходимостью философского осмысления все более усиливающегося расслоения общества по критерию неравных возможностей использования социальной информации и с обострением проблемы информационного неравенства [21. С. 347–353].

В данном исследовании информационными называются общественные отношения по поводу производства, хранения, передачи и потребления информации. Сетевая же коммуникация в данной работе трактуется как вид коммуникации в интернет-пространстве. Коммуникация off-line в рамках сетевых структур реального социального пространства имеет многие сходные свойства, но в данном исследовании рассматриваться не будет. Поэтому внимание будет сосредоточено на on-line коммуникации.

Теория фракталов основана Бенуа Мандельбротом [9; 10]. Понятие фрактала определяется по-разному в теории и практике в зависимости от контекста.

«Фракталы – объекты, характеризующиеся дробной размерностью и самоподобием» [14. С. 1118]. «Ключевое свойство, характеризующее фракталы, – это са-

© Латыпов И. А., 2014

моподобие. То есть, когда вы смотрите на фрактал, вы видите некоторый набор элементов, который остается одним и тем же независимо от масштаба» [17. С. 35].

С другой стороны, фрактальный подход реализуется в различных концепциях. Практическая реализация фрактального подхода в социально-экономических науках отличает идеальные и реальные, абстрактные и конкретные фракталы. Подобные типологии деления фракталов проводятся по критериям теоретической конструируемости, возможности практической реализации и реального существования.

Фракталы делятся на те, которые можно считать идеальными, абстрактными (например, треугольник или ковер Серпинского, снежинка Коха, множество Мандельброта и др.), и на реальные конкретные фракталы. К последним, в свою очередь, относятся различные фрактальные объекты из природной, социальной или технической реальности (например, очертания побережья Великобритании, очертания облаков, обычно извилистые границы между государствами или самовоспроизводящаяся структура социальных коммуникаций). По различным критериям выделяются алгебраические и геометрические фракталы и т. д.

Например, «фрактал – геометрическая форма, которая может быть разделена на части, каждая из которых – уменьшенная версия целого. В финансах эта концепция – не беспочвенная абстракция, а теоретическая переформулировка практичной рыночной поговорки – а именно, что движения акции или валюты внешне похожи, независимо от масштаба времени и цены. Наблюдатель не может сказать по внешнему виду графика, относятся ли данные к недельным, дневным или же часовым изменениям» [22].

В этом примере функция, выражающая финансовые показатели в зависимости от времени, инвариантна при изменении масштаба времени при переходе от единицы измерения времени, выраженной в часах, к дням или неделям. Это и выражает самоподобие данной фрактальной модели.

Аналогично, фрактально самоподобной является самовоспроизводящаяся разветвленная структура сетевых коммуникаций интернет-пространства.

***

Проблема фрактальности информационных отношений уже ставилась автором в контексте проблемы разрывов толерантности в информационном обществе [6. С. 151–165] и в связи с необходимостью философского осмысления сетевых коммуникаций (см.: [4. С. 145–147], [7. С. 149–152]).

В целом же проблема вида фрактальности информационных отношений в Сети оказывается социально-философской, поскольку предполагает рассмотрение следующих вопросов:

- Кто относится к множеству субъектов формирования и воспроизводства фрактальных информационных отношений в Сети?
- Каковы социальные факторы формирования таких отношений?
- В каких взаимодействиях и процессах они возникают, самоорганизуются, трансформируются и воспроизводятся?
- Каковы условия их развития?

В современной социальной практике сложность вышеприведенных вопросов постоянно нарастает, тогда как философское обеспечение для их решения (в виде соответствующих социальных теорий) еще не разработано.

Для критического философского анализа информационных отношений теоретическим основанием может являться концепция полисубъектной социальности [3].

В классических философских характеристиках анализ информационной деятельности сводился в основном к исследованию субъект-объектных отношений, а

в неклассических – субъект-субъектных. В постклассической же философии необходим анализ полисубъектных (сетевых) отношений.

Для исследования этого вопроса можно использовать методологическую концепцию полисубъектной социальности В. Е. Кемерова, основанную на определенной интерпретации деятельностного подхода, связанной с рассмотрением деятельности как процесса, разделенного между различными субъектами.

С точки зрения теории полисубъектной социальности в понимании деятельности (в том числе, и в процессе информационных отношений) основное внимание уделяется ее процессуальным характеристикам. Концепция полисубъектности может применяться для исследования динамичных процессов сетевого взаимодействия многих субъектов информационной деятельности [3].

Проблема определения субъектов формирования и воспроизводства мультифрактальных информационных отношений в Сети имеет социальный характер. Действительно, возможность быть полноправным субъектом таких отношений, а не простым информатором или компилятором («копи-пастером») зависит не только от отдельных интеллектуалов как субъектов производства и распространения информации, но и от многих социальных факторов.

Естественно, остается много вопросов о критериях и степени строгости дифференциации авторов, комментаторов, информаторов, компиляторов и т. п., а также отличиях корректного цитирования, неправомерных заимствований и плагиата.

По аналогии с классификацией уровней субъектов обладания информацией [5. С. 180] можно построить следующую классификацию уровней субъектов мультифрактальных информационных отношений в Рунете:

- **Индивидуальный** (например, Артемий Лебедев). Индивидуальные субъекты в этой классификации могут быть также представлены, например, авторами постов, контент-менеджерами сетевых ресурсов, владельцами личных блогов и т. п.
- **Корпоративный** (например, ЗАО «Лаборатория Касперского»). Этому уровню также соответствуют, например, юридические лица, развивающие собственные сайты или порталы.
- **Муниципальные** субъекты представлены, например, соответствующими муниципальными образованиями, развивающими собственные сетевые ресурсы.
- **Региональному** уровню субъектов соответствуют, например, субъекты РФ с их соответствующими сетевыми ресурсами.
- **Федеральному** уровню этой классификации соответствуют различные федеральные структуры, представленные как в домене «.ru», так и в кириллическом домене сети «.рф» (например, «президент.рф»).

Аналогично в глобальных сетевых коммуникациях можно выделять **субглобальный,** или транснациональный (например, сетевая версия ТВ-канала «Russia today» – rtd.rt.com), и **глобальный** уровни (например, сетевая версия CNN – http://edition.cnn.com).

Каковы же социальные факторы формирования информационных отношений в Сети?

Уже упомянутая полисубъектность является одним из таких ключевых факторов.

Одним из факторов также, несомненно, является инновационность. В самом деле, информационное обеспечение необходимо для любой инновационной деятельности. В свою очередь, инновационность необходима для трансформации информационных отношений. Бурное развитие ИТ-технологий является примером инновационности высоких технологий.

«Вместе с тем формирование инновационного общества предполагает креативность коммуникативной деятельности как… значимый фактор для трансформации…» [8. С. 227].

Полисубъектность информационных отношений в Сети изначально сама стала инновационной.

С другой стороны, одним из факторов является рекурсивность. Этот фактор, характеризующий определенные повторы в информационной деятельности, в определенном смысле оказывается противоположностью новой информации об инновациях.

Действительно, «рекурсивность – термин, обозначающий повторяющийся характер человеческой деятельности и любого социального феномена как такового, устанавливающий отношения различия с тем, что повторяется» [15. С. 416].

Рекурсивность противостоит инновационности, как и традиционность, но по другому критерию. Можно было бы охарактеризовать логическое соотношение рекурсивности и традиционности следующим образом: традиция рекурсивна, но не каждая рекурсия традиционна. Дело в том, что возможны рекурсивные цепи инновационных проектов.

Одним из ключевых факторов также является мультифрактальность. То, что формирование информационных отношений в Сети реализует фракталоподобную структуру, уже отмечается в некоторых исследованиях (см. далее). Но подобие здесь является более сложным, а именно является подобием мультифрактальности.

В данном случае имеется в виду подобие фрактальной «метафизики – как самоорганизации коммуникаций, интерсубъективной среды для диалога между учеными, способствующего усилению познавательной ценности категории фрактала» [16. С. 51].

Трактовки различных фракталов в социальной или технической реальности многообразны. Например, становится общепризнанным самоподобие многих сетевых структур.

Понятие фракталов укореняется в современной социальной теории, допуская и многочисленные прикладные модели.

В частности, понятие фракталов используется и в современном дизайне. «Среди современных объектов дизайна появляются энергоэффективные решения, создаются проекты на основе фрактального формообразования» [1. С. 110].

Самоподобие абстрактных фракталов может теоретически задаваться определенным алгоритмом, выраженным алгебраическим или геометрическим образом. Одним из признаков фрактальных структур является их рекурсивность. Но последовательное усложнение фрактала может вызвать к жизни понятие мультифрактала.

Мультифрактал – это «сложная фрактальная структура, получаемая с помощью нескольких последовательно сменяющих друг друга алгоритмов» [11].

Существуют социально-философские трактовки фракталов (см.: [4], [7]), культурфилософские и философско-антропологические. Понятия фрактала и мультифрактала становятся актуальными и для коммуникативистики.

Например, по мнению С. А. Шушарина, с точки зрения философии культуры «бренд, являясь ключевым элементом рекламной коммуникации, предстает как сложная система – концептуальный мультифрактал» [20. С. 8]. Мультифрактальность находит практическое применение и в анализе финансовых отношений (Бенуа Мандельброт – «Мультифрактальная прогулка вдоль Уолл-стрит» [22]).

Мультифрактальность информационных отношений в Сети формируется в результате самоорганизации различных фрактальных подструктур информационно-

го пространства сетевых коммуникаций. Интернет-пространство в целом развивается мультифрактальным образом в результате последовательной смены и развития различных соответствующих алгоритмов.

В самом деле, в развитии некоторых сегментов интернет-пространства (например, китайского) в последнее время появляются определенные алгоритмы, не предполагавшиеся на заре интернет-технологий (в частности, алгоритмы фильтрации контента); формирование и развитие же кириллического домена сети «.рф» в России в некоторой степени облегчило проникновение интернет-технологий в сельскую местность и расширение круга пользователей сетевых коммуникаций и т. д.; в целом, в интернет-пространстве развитие и возможная последующая смена алгоритмов цифровой подписи и электронного документооборота многократно увеличили возможности технологий электронной коммерции и «электронного правительства»; также в связи с бурным ростом возможностей мобильного доступа к Сети совершенствуются алгоритмы развития и самоорганизации интернет-пространства в целом, и т. д.

В каких же взаимодействиях и процессах возникают, самоорганизуются, трансформируются и воспроизводятся информационные отношения в Сети?

Эти взаимодействия зачастую носят синергетический характер. Понятие, теоретический аппарат и основные подходы синергетики стали общепризнанными в обществознании, как в теоретическом, так и в практическом плане. В частности, личный 15-летний опыт преподавания «Концепций современного естествознания» для гуманитариев и обществоведов позволяет утверждать, что тема, посвященная синергетике, вызывает внимание (по крайней мере, у будущих культурологов и коммуникаторов) большее, чем интерес к другим темам курса.

Например, возрастает интерес к использованию синергетического подхода к информационному управлению рекламными коммуникациями. Кроме того, в практике сетевых рекламных коммуникаций предъявляются новые требования к рекламному дизайну, в том числе с использованием синергетического подхода.

С этой точки зрения, «в области применения синергетического подхода к формообразованию весьма показательно наличие фракталов в современном дизайне» [1. С. 111].

Если же кратко отмечать некоторые социально-теоретические аспекты, то необходимость осознания синергетических эффектов в современном обществе, характеризующих самоорганизацию неравновесных социальных процессов, стала общепризнанной хотя бы с учетом общеизвестной значимости «эффектов бабочки».

Учитывая развитие синергетического подхода к социальному познанию и ситуацию «полипарадигмальности социального знания» [12. С. 3], можно рассматривать различные возможности и направления самоорганизации постнеклассической социальной парадигмы.

Возможны синергетические эффекты с прохождением точки бифуркации как своеобразной «точки невозврата» или стремление в долгосрочной перспективе к некоторым аттракторам как к трендам устойчивого развития.

Далее, в сетевом обществе быстро происходит трансформация содержания и формы массовой коммуникации. Средства массовой информации сетевого общества без электронной версии становятся неполноценными. Постепенно формируется и так называемая сетевая «народная журналистика», дополняющая, а зачастую и теснящая профессиональную журналистику.

Сетевая медийная «коммуникация осуществляется “от многих многим”» и является полисубъектной. Формируется осознание продуктивности «понимания медиа как трансмедиального универсума, продуцирующего новые формы публичного взаимодействия» [19. С. 8], например, так называемый медиаактивизм.

Каковы же новые условия развития информационных отношений в Сети?

Новые формы публичного взаимодействия в онлайн-коммуникациях представляют информационные потоки лавинообразного распространения медиавирусов как достаточно точных повторов некоторых медиасобытий.

Понятие «медиавирус» выражает информацию о таком значимом (и/или необычном) медиасобытии, быстрое распространение сведений о котором (подобно цепной реакции) становится информационным поводом для всплеска коммуникативной деятельности.

Можно считать, что этот термин выражает «фактор, противодействующий преднамеренному упрощению картины мира средствами массовой информации: медиасобытия, вызывающие подлинные социальные перемены, детища сложившейся ситуации, информация о которых распространяется в информационной среде по принципу вирусов, названных Рашкоффом медиавирусами» [18].

Фактически медиавирус на некоторое время становится аттрактором, привлекающим повышенное внимание в информационном пространстве, до того момента, когда его вытеснит следующий медиавирус.

Распространение медиавирусов может выявлять некоторые бессознательные мотивы пользователей сетевых технологий. Впрочем, рационализм сознательной деятельности (в том числе и информационной) давно ставится под вопрос постмодернизмом.

Рационализация же сознательной информационной деятельности отчасти проявляется в развитии интеллектуальных информационных систем – ИИС.

«ИИС (intelligent information system) – это информационная система, которая основана на концепции использования базы знаний для генерации алгоритмов решения задач различных классов в зависимости от конкретных информационных потребностей пользователей. <…> ИИС… имеют следующие характерные признаки: развитые коммуникативные способности; умение решать сложные, плохо формализуемые задачи (характеризуются наполовину качественным и количественным описанием, а хорошо формализуемые задачи – полностью количественным описанием); способность к развитию и самообучению» [13].

Некоторые существующие примеры ИИС представляют собой экспертные системы, одной из важнейших составных частей которых являются базы знаний.

С социально-философской точки зрения эти базы знаний могут рассматриваться не столько как определенный результат деятельности по сбору соответствующей информации, сколько как промежуточный этап этого процесса. Важна процессуальность трактовки базы знаний в соответствующих информационных отношениях.

«Знание есть, когда оно воспроизводится и развивается, является динамической формой социального бытия, обеспечивает единство бытия отдельных человеческих индивидов, связывает их в полисубъектную совокупность» [2. С. 16].

В развитии общества, основанного на знании, ключевыми становятся коммуникации по поводу производства, переработки и передачи информации для порождения знаний.

Перспективы же развития ИИС связаны с развитием глобальных интеллектуальных информационных сетей, эволюцией World Wide Web и формированием так называемого Семантического Веб. Ожидаемая способность Семантического Веб к самообучению должна позволить работать ИИС не только и не столько со знаками, сколько с их значениями.

Действительно, «технология “Семантический Веб” (Semantic Web) позволяет компьютеру интерпретировать информацию в Вебе наравне с людьми. <…> Во многом, использование поисковой системы как экспертной системы» [13]. Отчасти эти разработки уже реализуются в поисковой рекламе, в геотаргетинге и т. д.

Возможно, интерес к развитию интеллектуальных информационных сетей вытеснит прежний многолетний интерес к проблематичной локальной реализации искусственного интеллекта.

В естественном же человеческом интеллекте выявляется все большее многообразие возможностей самореализации. В частности, социальный интеллект позволяет успешно развивать коммуникативную деятельность. Новые тренды в самореализации интеллектуалов с большей вероятностью проявляются в сетевых проектах. Но если еще недавно сетевые коммуникации привлекали тех, кто был аутсайдером в реальных коммуникациях, то с расцветом SMM – Social Media Marketing (в том числе и для продвижения объектов «цифровой культуры») это соотношение меняется.

Если ограничением по скорости для коммуникации on-line является лишь скорость света, то ограничения для off-line коммуникации являются более жесткими. Трансформация сетевых коммуникаций более динамична по сравнению с трансформацией более консервативных off-line коммуникаций.

Полисубъектные сетевые коммуникации в процессе информационной деятельности в целом развиваются мультифрактальным образом в результате последовательной смены и развития различных соответствующих алгоритмов.

Таким образом, информационные отношения в Сети носят полисубъектный мультифрактальный характер.

Литература

1. Дмитриева Л. М., Балюта П. А. Исследование дизайна в контексте общих закономерностей синергетики // Омский научный вестник. – № 1(125). – Омск, 2014.

2. Кемеров В. Е. Знание – социальная связь // Знание в связях социальности. – Екатеринбург : Изд-во Ур. ун-та, 2003.

3. Кемеров В. Е. Общество, социальность, полисубъектность. – М. : Академический проект, 2012.

4. Латыпов И. А. Социально-теоретические аспекты фрактального полисубъектного описания глобального информационного общества // Социальные науки в трансформирующемся обществе : материалы Всероссийской научно-практической конференции (20–21 октября 2011 г.). – Ижевск : Изд-во «Удмуртский университет», 2011.

5. Латыпов И. А. Социально-философские аспекты невещественной собственности в информационном обществе : монография. – Ижевск : КнигоГрад, 2008.

6. Латыпов И. А. Философско-математические модели толерантности в информационном обществе // Толерантность в обществе различия : колл. монография. – Екатеринбург, 2005.

7. Латыпов И. А. Фрактальность рекурсивной сети информационно-коммуникационных отношений // Актуальные тенденции социальных коммуникаций: история и современность : сб. научных статей. – Ижевск, 2013.

8. Латыпов И. А., Соколова О. П., Обидина Е. Ю. и др. Проблема трансформации социальных коммуникаций в современной цивилизации : монография / ред. И. А. Латыпов. – Ижевск, 2014.

9. Мандельброт Б. Фрактальная геометрия природы. – М. : Институт компьютерных исследований ; Ижевск : Регулярная и хаотическая динамика, 2010.

10. Мандельброт Б. Фракталы, случай и финансы. – М. ; Ижевск : Регулярная и хаотическая динамика, 2004.

11. Николаева Е. В. К типологии фракталов в теории культуры. – URL: http://cyberleninka.ru/article/n/k-tipologii-fraktalov-v-teorii-kultury

12. Платонова С. И. Парадигмальный характер социального знания : автореф. дис. … д-ра филос. наук. – М., 2014.

13. Семантический веб. – URL: http://habrahabr.ru/post/116574/

14. Снакин В. В. Фракталы // Глобалистика : энциклопедия / ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. – М., 2003.

15. Социальная философия : словарь. – М., 2006.

16. Тарасенко В. В. Фрактальная логика. – М., 2002.

17. Уэлстид С. Фракталы и вейвлеты для сжатия изображений в действии. – М., 2003.

18. Федотовских А. В. Медиавирусная кампания как технология формирования общественного мнения в Scientific Relations // Научный электронный архив. – URL: http://econf.rae.ru/article/5041 (дата обращения: 16.01.2014).

19. Черепанова Т. В. Влияние медиакоммуникаций на трансформацию публичной сферы в современной культуре : автореф. дис. … канд. филос. наук. – Омск, 2014.

20. Шушарин С. А. Коммуникативная сущность бренда в современной культуре : автореф. дис. … канд. филос. наук. – Омск, 2014.

21. Latypov I. A. Methodology of social differentiation of informational relations as a philosophical problem = Методология социальной дифференциации информационных отношений как философская проблема // Журнал Сибирского федерального университета. – Серия : Гуманитарные науки. – 2008. – № 3. – Сентябрь. – Т. 1.

22. Mandelbrot B. B. A Multifractal Walk Down Wall Street = Мультифрактальная прогулка вдоль Уолл-стрит. – URL: http://www.adamaz.ru/mandelbrot/178-multifraktalnaja-progulka.html

УДК 811

Борисова Ирина Николаевна
д-р филол. наук, профессор,
завкафедрой русского и иностранных языков,
руководитель Центра социокультурной адаптации мигрантов, НОУВПО Гуманитарный университет (г. Екатеринбург)
E-mail: myirena@list.ru

Borisova Irena Nikolaevna
Doctor of Philology, Professor, Head of Russian and Foreign Languages Department, Director of Migrants' Social and Cultural Adaptation Center, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

РЕЧЕВОЙ ПОСТУПОК КАК ЕДИНИЦА КОММУНИКАТИВНОЙ ПРАКТИКИ*

SPEECH ACTING AS A UNIT OF COMMUNICATIVE PRACTICE

Аннотация
В статье описывается речедеятельностная структурно-динамическая модель речевого поступка (его компонентная структура и операционный состав). Речевой поступок интерпретируется как конвенциональный прагматический знак, план содержания которого конституируется коммуникативной тактикой и речевой интенцией, а план выражения речевым жанром и речевым шагом. Операции перекодирования в структуре речевого поступка рассматриваются как основа прагматической компетентности языковой личности.
Ключевые слова: коммуникативная прагматика; коммуникативная компетентность; речевой поступок; тактика; интенция; речевой жанр; речевой шаг.

Abstract
The article describes the structural and dynamic model of a speech action (its component structure and encoding operations) in terms of speech activity theory. The speech action is treated as a conventional pragmatic sign: its content plane is represented by communicative tactics and speech intentions, while expression plane is done by a speech genre and a speech step. The encoding operations are done as the basis of pragmatic competence of a language personality.
Key words: communicative practice; communicative competence; speech acting; communicative tactics; speech intention; speech genre; speech move.

Коммуникативно-прагматический подход к описанию речевой практики основывается на утверждении Н. И. Жинкина об акциональном характере речи: «Речь – это действие, которое совершает один партнер по отношению к другому для передачи мысли и смыслового воздействия» [1. С. 18]. В интерактивном плане речевое действие всегда встроено в социальную деятельность, обслуживает другие типы деятельности (трудовую, познавательную, игровую и пр.), реализуя социальную интеракцию. А. А. Леонтьев в связи с этим писал: «… речь – не замкнутый акт деятельности, а совокупность отдельных речевых действий, имеющих собственную промежуточную цель, подчиненную цели акта деятельности, в который они входят, и побуждаемый общим для этого акта деятельности мотивом» [2. С. 63].

Объектом исследования в коммуникативной прагматике является речевое поведение (коммуникативная практика) участников общения. В самом общем виде речевое поведение может быть определено как эмпирически наблюдаемое, воспринимаемое и интерпретируемое адресатом внешнее проявление коммуникативной деятельности говорящего. При этом воспринимается лишь план выражения

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Соглашение № 14-04-00398/14, проект «Прагматические и лингвокультурологические константы неформального русского общения».

© Борисова И. Н., 2014

речевых действий (их продукт – высказывание), что не исключает существования их довербальных фаз. Речевое поведение интерактивно, оно представляет собой линейную синтагматическую последовательность речевых поступков (РП). РП – основная единица коммуникативной практики, минимальная единица описания коммуникативного поведения. Он процессуален и в этом смысле отвечает требованию к анализу целого (речевого поведения) по единицам: «…под единицей мы подразумеваем такой продукт анализа, который, в отличие от элементов, обладает всеми основными свойствами, присущими целому и который является далее неразложимыми живыми частями этого единства» [3. С. 13]. Можно предположить, что РП как элементарная единица коммуникативно-прагматического анализа находится на том уровне абстракции речевых действий, который с наибольшей адекватностью отражает психолингвистические реалии речевого общения. Именно этот уровень коммуникативной практики языковой личности является ведущим, «осознаваемым» (по А. А. Леонтьеву) коммуникативными партнерами, выстраивающими интерактивное речевое поведение в диалоге.

Речевой поступок (РП) – диалогическое коммуникативное действие, реализованное в речевой форме (соотносимое с первичными, по М. М. Бахтину; элементарными, по М. Ю. Федосюку; одноактными, по Т. В. Шмелевой, речевыми жанрами). РП является единицей описания речевой практики (речевого поведения), а его продукт (речевой шаг, фрагмент реплики-высказывания) – минимальной конструктивной единицей реплики естественного диалога.

Постановка проблемы. В лингвистической прагматике существует несколько научных парадигм, в рамках которых исследуются элементарные речевые действия: теория речевых актов (Дж. Р. Серль, Дж. Остин и др.), теория речевых жанров (Н. Д. Арутюнова, М. М. Бахтин, В. В. Дементьев, К. Ф. Седов, М. Ю. Федосюк, Т. В. Шмелева и др.), теория коммуникативных стратегий и тактик (О. С. Иссерс, Е. М. Верещагин, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова, И. П. Сусов и др.). Общим для всех этих теорий является функционально-прагматический подход к описанию речевых действий. Основной выделения элементарного речевого действия является категория интенции (коммуникативного намерения). Следует отметить, что в коммуникативной прагматике феномен интенции описывается на различных уровнях абстрагирования от реалий текущего коммуникативного события, но всегда является критерием выделения речевых единиц на прагматическом основании. Так, в теории речевых актов интенция соотносится с иллокуцией – максимально обобщенной типовой целью речевого акта, рассматриваемого в отвлечении от коммуникативного контекста (структурные составляющие речевого акта – иллокуция, локуция и перлокутивный эффект). В теории речевых жанров (первичных, элементарных) на основании интенции выделяются типовые классы высказываний, характеризуемые функционально, содержательно и структурно (совет, просьба и т. п.). При тактико-стратегическом подходе к описанию речевой интеракции в основе описания лежит тактическая интенция, описывающая речевое действие в аспекте его мотивации и целеполагания в контексте данного коммуникативного события (соотносительные единицы описания – речевые стратегия и тактика, речевой ход/шаг). Эти концепции относительно независимы, хотя описывают различные аспекты одного феномена – речевого действия. В связи с этим представляется актуальным для современной теоретической лингвистики, в которой сосуществуют различные, часто несовместимые, концепции языка, призыв А. Д. Кошелева строить синтетическую теорию языка «с учетом проблем и результатов отдельных разделов языкознания» [4. С. 19]. Различные системные подходы к моделированию речевых явлений взаимно дополняют друг друга и дают возможность разноаспектного и объемного взгляда на способы организации коммуникативных явлений различных уровней, природы и текстовой протяженности

(от единичного словоупотребления-речемы до целого функционального стиля). При этом нельзя не согласиться с мнением Т. В. Матвеевой, что «вопрос о выделении основных единиц речи в их отдельности и взаимозависимости остается открытым» [5. С. 44].

С точки зрения коммуникативной прагматики, попытки построить речевую системность на классификационных основаниях (типы речевых актов, типология речевых жанров, классы тактик) слишком лингвистичны, далеки от описания реального «коммуникативного устройства» языковой способности, а также прагматических оснований коммуникативной компетентности (реальных ориентиров, которыми руководствуется говорящий при речепроизводстве). Эти ориентиры в прагматиконе языковой личности (Ю. Н. Караулов) должны давать достаточно простые функциональные основания, которые могут использоваться говорящим в on-line режиме спонтанной речи.

Задача исследования – описание речевого поступка как минимальной единицы коммуникации (компонентный состав, динамическая структура, коммуникативно-знаковая природа) и коммуникативного знака.

Компонентный состав речевого поступка. В процессе формирования РП можно условно выделить два этапа (когнитивный – доречевое планирование и речевой – языковая реализация) и два аспекта (интерактивный – социальная интеракция и собственно коммуникативный – речевое взаимодействие).

Первая фаза доречевого этапа РП представляет собой ориентировку в текущей социальной интеракции и включает процессы обстановочной афферентации (ориентировки в коммуникативной ситуации): «Влияние всех экстралингвистических факторов на производство речи опосредуется человеком, производителем речи, поэтому это влияние значимо для речепроизводства в той степени, в какой оно учитывается коммуникантом осознанно (в процессе оперативного контроля) или неосознанно» [6. С. 75]. Когнитивным результатом ориентировки в условиях общения является опознание типа коммуникативного события, уяснение собственной коммуникативной роли в нем, формирование мотивационного состояния. Когнитивным продуктом на данном этапе является принятие решения о коммуникативных действиях, приводящих к достижению цели, – т. е. ***выбор коммуникативной тактики*** (КТ). Таким образом, КТ может быть определена как оперативное решение о целеполагании в данной социальной интеракции, связанное с «образом потребного будущего» (Н. А. Бернштейн), т. е. достигаемого перлокутивного эффекта, практического результата.

Эти положения подтверждаются результатами *case study* по планированию коммуникативной стратегии: этот эксперимент проводился нами в течение 6 лет на занятиях магистрантов филологического факультета УрФУ по психолингвистике. Цель – рефлексия (выведение в «светлую зону сознания») довербальных фаз коммуникативной деятельности. Магистрантам предлагаются общие ситуативные и мотивационные условия коммуникативной задачи: *«Представьте, что завтра вам предстоит важная встреча (свидание/презентация проекта/творческое выступление на публике или др.). Для нее вам необходима вещь (аксессуар одежды, книга, ноутбук или др.), которой нет у вас, но есть у вашего друга/подруги. Вам кажется, что ваш успех зависит от наличия у вас этого предмета. Ситуация осложняется тем, что накануне вы поссорились с другом/подругой. Задание: 1) конкретизируйте жизненные обстоятельства; 2) спланируйте и опишите ваши коммуникативные действия; 3) исполните возможный диалог с другом/подругой»*.

Наблюдения над способом выполнения студентами этого задания убеждают, что уровень тактико-стратегического планирования социальной интеракции предшествует собственно речевому планированию и протекает практически без

номинаций речевых интенций. Как правило, используются номинации коммуникативных тактик типа: «сначала нужно установить контакт», «надо встретиться, чтобы помириться», «нужно восстановить хорошие отношения», «нужно сначала добиться расположения и сочувствия», «даже если я не виновата, нужно признать свою вину», «надо доказать, что причина ссоры пустяковая», «нужно взять вину на себя», «нужно вызвать сочувствие», «надо показать, что я ее люблю», «нужно сделать так, чтобы она поняла, что наши отношения важны для нас обеих» и т. п.

Вторая фаза доречевого этапа – ***выбор речевого жанра*** (РЖ), соответствующего плану социальной интеракции. Только после принятия решения о стратегии социальной интеракции строится последовательность собственно речевых действий, которые номинируются по своей речевой интенции, или функции речевого жанра: «извиниться/попросить прощения», «сказать комплимент», «признаться, что она для меня единственное спасение», «сказать, что без нее мне не обойтись», и в результате «попросить помощи», «умолять», «уговорить» и т. д. Этот опыт демонстрирует, что первичными коммуникативными интенциями являются единицы социальной интеракции (назовем их коммуникативными тактиками – КТ), которые затем конкретизируются в речевой интенции (РИ) и оформляются в различных речевых жанрах (РЖ), которые затем реализуются в языковой форме как фрагменты высказываний.

В рефлексии стратегии речевого взаимодействия наблюдаем регулярное воспроизведение диады КТ – РЖ в структуре довербальной фазы речевого поступка.

Соотношение КТ и РЖ может основываться как на сходстве, тождестве их интенций (прямое соответствие), так и на мотивированной замене доминирующей интенции другой, опосредованно ведущей к ее реализации (косвенное соответствие). Особенно ярко различие между интенциями КТ и РЖ проявляется в случае непрямой коммуникации [7]. Рассмотрим в качестве показательного примера бытовой микродиалог матери (М.) и сына (С.):

М(1) – Ты сегодня выходить собираешься?

С(1) – Да вроде нет… А что нужно?

М(2) – Хлеба и ко́рма Шару.

С(2) – Ладно, через час.

Коммуникативная тактика М(1) – вызвать желаемое действие С. (покупку хлеба и корма собаке). Речевая интенция, в которой конкретизируется тактика (как и РЖ, в котором она оформляется), – не просьба (регулярное и наиболее частотное прямое соответствие данной тактике), а информативный вопрос о планах (намерениях) сына М(1): *Ты сегодня выходить собираешься?* В ответной реплике сына С(1) наблюдаем сначала информативную КТ (РЖ ответ: *Да вроде нет…*) на РИ вопроса, обусловленную его сильным иллокутивным вынуждением, а затем речевой рефлекс (РЖ – встречный вопрос-предположение) коммуникативной тактики декодирования истинного коммуникативного смысла этого вопроса, т. е. КТ, косвенно оформленной в вопросе матери (С.: *А что нужно?)* Затем следует реплика М(2), окончательно поясняющая тактическую мотивацию М(1) и: [Купить] *хлеба и ко́рма Шару* [собаке]. В С(2) КТ согласия совершить искомое действие прямо выражено в РЖ согласия 'положительный ответ как реакция на побуждение': *Ладно, через час*.

Третья фаза довербального этапа конструирования РП (протекающая практически одновременно с его фонационным графическим исполнением) – ***языковое кодирование*** РЖ в формах языка общения в конкретном высказывании – речевом шаге (РШ).

Тогда полная динамическая структура речевого поступка может быть описана формулой:

РП = КТ - РЖ – РШ.

Наши выводы согласуются с точкой зрения И. Ф. Тарасова, который отмечает, что в рамках психолингвистического подхода «последовательно различаются речевая коммуникация и интеракция (социальное взаимодействие) коммуникантов» [6. С. 68].

Операционный состав речевого поступка. Динамический аспект речевой систематики отражает речеповеденческие механизмы (психолингвистические реалии) процесса коммуникации, которые в общепринятых терминах коммуникативной прагматики могут быть описаны как кодовые переходы КТ – (РИ) – РЖ; РЖ – (РИ) – РШ. Отметим, что коммуникативное намерение, речевая интенция (РИ) в нашей модели методологически выделяется как общее основание перекодирования, объединяющее компоненты речевого поступка промежуточное звено, когнитивное функциональное (целевое) основание кодовых переходов от КТ к культурно обусловленным типизированными речевым (тематически, композиционно и стилистически определенным) формам выражения коммуникативной интенции – речевым жанрам и далее – к их языковой реализации в конкретном высказывании. Очевидно, такая объединяющая функция речевой интенции и обусловила использование этого признака (правда, в различной степени его конкретизации) как основания классификации и для речевых актов, и для речевых жанров, и для коммуникативных тактик.

Первая ступень перекодирования в доречевой фазе замысла (КТ – РИ) представлена ***отношениями коммуникативной конкретизации*** социальной интеракции (коммуникативной тактики – КТ) в речевой интенцией (РИ): происходит соотнесение мотивов и целей речевого поступка с типизированными речевыми интенциями, функционально определяющими тип речевого жанра. Так коммуникативная цель социального взаимодействия (КТ) конкретизируется в речевой интенции.

Вторая ступень перекодирования (РИ – РЖ) в доречевой фазе речеоформления связана с реализацией речевой интенции в формах конкретных речевых жанров, функционально (прямо или косвенно) соотнесенных с выбранной коммуникативной интенцией (просьба о помощи, совет, отрицание вины и пр.). РИ и РЖ связаны ***отношениями социокультурной конвенционализации,*** т. е. речевая интенция оформляется посредством стилистически, тематически и композиционно закрепленного в данной лингвокультуре речевого жанра. Когнитивным результатом этих операций является решение о выборе РЖ для прямого или косвенного выражения КТ. При этом происходит социокультурная конвенционализация КТ: приведение индивидуального решения о цели социальной интеракции к типичным для данного коммуникативного события социально-культурным формам речевого взаимодействия.

Третья ступень перекодирования (РЖ – РШ) в фазе исполнения речи связана с операциями кодирования в знаках определенного языка, т. е. ***отношениями языковой репрезентации*** (языковое оформление актуального членения, синтаксической структуры и выбора слов, заполняющих предусмотренные синтаксические позиции) в устной или письменной форме (произнесение/написание).

Таким образом, динамика кодовых переходов в структуре РП может быть описана как последовательность операций конкретизации коммуникативной тактики в речевой интенции, конвенционализации речевой интенции в форме речевого жанра, языковой реализации речевого жанра в границах речевого шага.

М. М. Бахтин в своей статье «К архитектонике поступка» характеризовал основное качество поступка как умение человека «участно мыслить», «т. е. не отделять своего поступка от его продукта, а соотносить их и стремиться определить в едином и единственном контексте жизни как неделимые в нем» (цит по: [8. С. 67]). Кажется, что предложенная структурно-динамическая организация РП соответст-

вует идеям М. М. Бахтина об «ответственном замысле поступка», «ответственном единстве поступка человека», в том числе, очевидно, и речевого. Ответственность говорящего в терминах нашей модели может быть интерпретирована как обязательство обеспечить в рамках речевого поступка адекватное речевое и языковое выражение его коммуникативного смысла, замысла, т. е. соответствие кодирования коммуникативной тактики речевому жанру и результирующему продукту в этическом, социокультурном и языковом аспектах.

Речевой поступок как коммуникативный знак. Предложенная выше концепция речевого поступка как прагмасемиотической единицы коммуникативного поведения позволяет рассмотреть его как коммуникативный знак. Перспективность этого подхода особенно ясно была осознана лингвистами-практиками применительно к обучению продуктивным видам речевой деятельности. В. А. Белошапкова и И. Г. Милославский в обобщающей статье «Вопросы идеографической грамматики русского языка» еще в 1988 г. справедливо утверждали: «Идеи конструктивной лингвистики, решающей вопросы создания (точнее, извлечения из океана языковых знаков) языковой единицы, обладающей набором точно заданных свойств, идут рука об руку с потребностями общественной практики. Причем в этом случае общественная практика включает в себя... и обучение русскому языку тех, для кого русский язык является родным… В самом деле, главная цель обучения родному языку состоит не в умении раскладывать факты языка по определенным «полочкам», но в умении абсолютно точно и соответственно ситуации выразить свою мысль» [9. С. 7]. В прагматике речевого поступка в качестве диалогического коммуникативного смысла речевого действия выступает речевая тактика, которая подлежит языковому выражению. Общим местом работ по коммуникативистике является постулат, что коммуникативные намерения адресанта должны быть опознаны адресатом (см., например, у В. В. Дементьева: «Представим общую цель, которую преследует человек, вступающий в коммуникацию как передачу коммуникативных смыслов и прочтение коммуникативных смыслов» [7. С. 35]). Однако коммуникативные смыслы присущи каждому выделенному структурному компоненту РП. Можно предположить, что коммуникативные смыслы разных компонентов РП прочитываются с различной степенью прозрачности. Так, КТ, мотивы речевых действий и сама личность адресанта ***декодируются*** адресатом интерпретативно, гипотетически, с некоторой степенью предположительности, вероятности; эти гипотезы могут быть верифицированы в процессе общения (как в нашем примере диалога матери и сына). РИ характеризует РЖ «на прагматическом основании», а также «в аспекте дифференциации основной функции» [10. С. 288]. Нельзя не согласиться с мнением М. П. Брандес: «Так как любое изложение содержания (даже болтовня) целесообразно, то речевой жанр трактуется как целесообразная форма, т.е. форма конкретного целевого содержания. Как информационная форма речевой жанр может рассматриваться как форма целесообразности, т. е. абстрактного, символического, целевого содержания, в которой абстрагированы общественные отношения» [11. С. 56]. Поэтому основная прагматическая функция РЖ не декодируется, а ***опознается*** адресатом в силу конвенционального и стереотипного характера соотношения РИ и РЖ. В нашем примере микродиалога в реплике С(1) первый речевой поступок (*Да вроде нет…*) является реакцией на РИ, а второй (*А что нужно?*) – интерпретирующей реакцией на КТ (коммуникативный смысл).

Исходя из сказанного, рассмотрим РП как ***коммуникативный знак*** речевого взаимодействия, предназначенный для понимания и интерпретации адресатом. Как любой знак, РП характеризуется планом выражения (ПВ) и планом содержания (ПС). К прагматическому плану содержания относится комплекс компонентов

РТ и РИ (прагматический компонент замысла [12. С. 112–116]), к речевому и языковому плану выражения прагматических компонентов – РЖ и РШ.

В прагматической структуре речевого поступка РЖ может быть интерпретирован как конвенциональная, социокультурно типизированная и постоянно воспроизводимая в речевой практике форма выражения речевой интенции, которая достаточно однозначно опознается реципиентом речи. Благодаря речежанровому компоненту речевой поступок социально-культурно конвенционален, предназначен для осмысленной речевой интеракции, так как РЖ – *средство* первичного речевого кодирования коммуникативного действия.

Прагматический план содержания РП, его иллокутивную составляющую (КТ – РИ) и план выражения речевого поступка (РЖ – РШ) связывают ***отношения манифестации***. (Ср.: «Язык – универсальная знаковая система, служащая для передачи мыслительного содержания (информации) с помощью определенных материальных форм. Отношения манифестации, связывающие элементы плана содержания с элементами плана выражения, имеют в его структуре исключительно важное значение. Эти отношения в словах, представляющих собой знаки языка в наиболее полном, классическом виде, реализованы в связях внешней материальной стороны формы слова – лексемы, с его внутренней, идеальной стороной – семемой» [13. С. 10].)

Как любой знак, РП в прагматическом аспекте характеризуется ***отношениями асимметрического дуализма*** ПВ и ПС: «Знак и значение не покрывают друг друга полностью. Их границы не совпадают во всех точках: один и тот же знак имеет несколько функций, одно и то же значение выражается несколькими знаками» [14. URL: http://project.phil.spbu.ru/lib/data/ru/karcevskiy/dualizm.html (дата обращения: 14.09.2014)]. Прагматический компонент замысла за счет различных способов репрезентации РТ в РИ может манифестироваться различными РЖ (например, прямо или косвенно, с различной степенью императивности или категоричности и пр.). В рассмотренном микродиалоге матери и сына РТ каузация желаемого действия адресата могла бы быть гипотетически выражена и в формах РЖ просьбы, требования, приказа, мольбы, а также комплексных РЖ уговоров, выпрашивания («канюченья») и убеждения. С другой стороны, конкретный РШ (*Ты сегодня выходить собираешься?*) является потенциально многозначной формой, способной в разных коммуникативных контекстах выражать различные речевые интенции и коммуникативные тактики: информативного вопроса о намерениях, упрека, выражения недовольства, замечания, аргументации просьбы и пр.

В составе коммуникативных событий значительной протяженности, получающих речевую манифестацию в формах комплексных монологических и диалогических РЖ, речевые поступки вступают в ***синтагматические отношения***. При этом можно выделить последовательности РП в коммуникативных контекстах различного масштаба и архитектоники: 1) в горизонтальном контексте (в формальных рамках одной реплики диалога (композитивная реплика) или в рамках одного диалогического единства (акции и реакции); 2) в вертикальном контексте (в составе речевой партии одного коммуникативного партнера); 3) в социально-ролевом контексте типовой коммуникативной ситуации (например, призыва к откровенности у Е. М. Верещагина и др. [15], уговоров, убеждения и утешения у М. Ю. Федосюка [16. С. 73–94]) или коммуникативного события (рынок, например, у М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой [17]).

Классификациионный аспект речевой системности основывается на ***парадигматических отношениях*** и ***вариантно-инвариантных отношениях*** структурных компонентов РП, в которых коммуникативные тактики и речевые жанры объединяются в классы по близости коммуникативных функций различной степени абстракции, как, например, в работах А. В. Ланских [18] и Я. Т. Рытниковой [19],

В. С. Третьяковой [20] (речевые тактики гармоничного/дисгармоничного, кооперативного/конфликтного общения). Известна классификация РЖ Т. В. Шмелевой, в которой по общности коммуникативной цели выделяются информативные, оценочные, этикетные и императивные РЖ [21. С. 57–65], и М. Ю. Федосюка по типу коммуникативного воздействия РЖ (информативные, эмотивные и императивные РЖ) [16. С. 73–94]; классификации жанрового варьирования (субжанр и гипержанр) и внутрижанровых стратегий К. Ф. Седова [22].

Существует опыт описания речевой системности на комплексных основаниях. Например, систематика РЖ непрямой коммуникации по признаку косвенности и коммуникативной функции (улучшения/сохранения/ухудшения отношений коммуникантов) [7], исследования речежанровой системности на уровне функционального стиля [23], а также систематика конфликтного общения на уровне коммуникативных сценариев [24. С. 33–69].

Коммуникативная компетентность языковой личности. Перекодирование прагматического компонента замысла в конвенциональные речежанровые формы его речевого выражения можно считать ведущим уровнем коммуникативной компетентности. К. Ф. Седов доказал, что дискурсивному мышлению языковой личности имманентно присущ жанровый характер [22. С. 42]. Справедлива точка зрения И. В. Пешкова: «…сознательно говорящий человек должен быть специально воспитан, обучен принципам и навыкам речевого поведения, причем связанного не столько с уровнем нормы… сколько с уровнем действия словом, действия сознательного, внутренне осмысленного» [8. С. 8]. Принципы, нормы, коммуникативные ориентиры для эффективной организации речевого поведения и являются одним из аспектов обучения в курсах культуры речи и риторики, в коммуникативных тренингах.

Соотнесенность компонентных, процессуальных и продуктивных характеристик речевого поступка позволяет выделить следующие уровни прагматической компетентности, которые дают операционные ориентиры для семиозиса РП, т. е. для адекватного воплощения замысла говорящего в продукте речевого действия:

1. *Афферентационный уровень* – ориентация в реалиях текущего коммуникативного события и уяснение его типа, структуры коммуникативной ситуации, других релевантных факторов общения (в частности, коммуникативных ролей, ролевых предписаний и ожиданий, возможных мотиваций коммуникативных партнеров). «Ролевые деятельности в случаях регулярности и нормированности предполагают заранее обусловленные акции и реакции ролевых партнеров» [6. С. 88]. Как отмечает Л. П. Крысин, дело «не просто в характере социальной роли, а в целевой установке при ее исполнении в той или иной коммуникативной ситуации» [25. С. 142]. Значимость мотивационного аспекта речевых поступков убедительно показана в анализе разговорных диалогов В. А. Салимовским [26. С. 347–364].

2. *Уровень ситуативного тактико-стратегического планирования*: выбор способа исполнения коммуникативной роли, прогнозирование возможных коммуникативных сценариев, коммуникативной стратегии, отвечающей деятельностной мотивации, и планирование синтагматической последовательности коммуникативных тактик, а также предвидение последствий своих речевых поступков.

3. *Уровень речежанрового кодирования* (речежанровой компетентности, по К. Ф. Седову): прагматические нормы, правила, способы перекодирования (репрезентации) КТ в КИ и выбора соответствующего РЖ (ориентация в парадигматических, синтагматических, вариантных отношениях, асимметричности компонентов плана выражения и плана содержания речевого поступка).

4. *Уровень языкового кодирования* прагматически релевантных компонентов речевого жанра и его языковое оформление. При этом заметим, что, кроме речежанровой формы (текстемы), коммуникативные тактики могут манифестировать-

ся и с помощью *лингвем* и *речем* (например, тактики управления коммуникативной тональностью), а также *стилем* (в типологии Т. В. Матвеевой [5. С. 47]). К последним относится, например, переход на другой способ стилистического или субъязыкового кодирования «code-switching» в аспекте многоречия [27. С. 375–379; 28].

Можно надеяться, что выявленная структурно-динамическая модель РП (компонентная структура, операционный состав) при формировании прагматикона языковой личности методически поможет выявить ориентиры и культурно-речевые рекомендации для продуктивной и рецептивной речевой деятельности и акцентировать внимание на речевых технологиях конструирования речевых поступков в актуальной речевой практике.

Литература

1. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. – М. : Наука, 1982.
2. Леонтьев А. Н. Основы психолингвистики. – М. : Смысл, 1997.
3. Выготский Л. С. Мышление и речь. – 5-е изд., испр. – М. : Лабиринт, 1999.
4. Кошелев А. Д. Современная теоретическая лингвистика как Вавилонская башня (О «мирном» сосуществовании множества несовместимых теорий языка) // Известия РАН. – Серия литературы и языка. – 2013. – № 6. – Т. 72.
5. Купина Н. А., Матвеева Т. В. Стилистика современного русского языка. – М. : Юрайт, 2013.
6. Тарасов Е. Ф. Место речевого общения в коммуникативном акте // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М. : Наука, 1977.
7. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация и ее жанры. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2000.
8. Пешков И. В. М. М. Бахтин: от философии поступка к риторике поступка. – М. : Лабиринт, 1996.
9. Белошапкова В. А., Милославский И. Г. Вопросы идеографической грамматики русского языка // Идеографические аспекты русской грамматики / под ред. В. А. Белошапковой и И. Г. Милославского. – М. : Изд-во МГУ, 1988.
10. Матвеева Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. – М. : Флинта : Наука, 2003.
11. Брандес М. П. Стилистика текста : теоретический курс. – 3-е изд. – М. : Прогресс-Традиция : ИНФРА-М, 2004.
12. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: Структура и динамика. – 3-е изд. – М. : Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2009.
13. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка. – М. : Высшая школа, 1989.
14. Карцевский С. О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака. – URL: http://project.phil.spbu.ru/lib/data/ru/karcevskiy/dualizm.html
15. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. – М. : Индрик, 2005.
16. Федосюк М. Ю. Комплексные жанры разговорной речи: «утешение», «убеждение» и «уговоры» // Русская разговорная речь как явление городской культуры. – Екатеринбург : АРГО, 1996.
17. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Языковое существование современного горожанина: на материале языка Москвы. – М. : Языки славянских культур, 2010.
18. Ланских А. В. Речевое поведение участников реалити-шоу: коммуникативные стратегии и тактики : дис. … канд. филол. наук / Урал. ун-т. – Екатеринбург, 2008.
19. Рытникова Я. Т. Семейная беседа: обоснование и риторическая интерпретация жанра : дис. … канд. филол. наук / Урал. ун-т. – Екатеринбург, 1996.
20. Третьякова В. С. Речевой конфликт и гармонизация общения. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002.
21. Шмелева Т. В. Речевой жанр: опыт общефилологического осмысления // Collegium. – 1995. – № 1–2.

22. Седов К. Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1999.

23. Салимовский В. А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст). – Пермь : Изд-во Пермского ун-та, 2002.

24. Борисова И. Н. Структура и динамика дискурса в потенциально конфликтной ситуации // Речевая конфликтология. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008.

25. Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. – М. : Наука, 1989.

26. Салимовский В. А. Речевое воплощение личности (мотивационный аспект) // Я и Другой в пространстве текста. – Вып. 2. – Пермь ; Любляна, 2009.

27. Крысин Л. П. Кодовые переключения в речевом поведении говорящего // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. – М. : Языки славянской культуры, 2003.

28. Русский язык в многоречном социокультурном пространстве / отв. ред. Б. М. Гаспаров, Н. А. Купина. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014.

УДК 20.1

Минина Ольга Юрьевна
аспирант, преподаватель кафедры социально-культурного сервиса и туризма,
НОУВПО Гуманитарный университет
(г. Екатеринбург)
E-mail: o-minina@mail.ru

Minina Olga Yurievna
Lecturer at Hospitality and Tourism Chair,
Post-graduate Student, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

Бекшенев Олег Георгиевич
канд. географ. наук, доцент, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма,
НОУВПО Гуманитарный университет
(г. Екатеринбург)
E-mail: bog749@mail.ru

Bekshenyov Oleg Georgievich
Candidate of Geography, Associate Professor at Hospitality and Tourism Chair,
Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

ГОРОД КАК СРЕДА ОБИТАНИЯ

THE CITY AS THE HABITAT

Аннотация
Со временем город начинает противопоставляться природе, а природа восприниматься как находящаяся где-то за пределами города. Современные теории все чаще воспринимают город как гибрид природы, технологии и архитектуры и как центр сложных диалектических отношений природы и культуры. Город представляется как неустойчивая экосистема со своеобразно функционирующим механизмом саморегуляции. При этом городские территории обладают немалым набором ресурсов для природного туризма. На примере г. Екатеринбурга показаны возможности организации и проведения туров выходного дня без выезда на природу.
Ключевые слова: урбанизация; коммодификация природы; «мягкий город» (soft city); природный туризм; памятники природы; геологические объекты; дендрологические парки-выставки; английский парк; французский парк.

Abstract
In the course of history the city eventually is taken as something opposing to nature while nature is seen as being somewhere outside of city limits. In line with modern theories city is treated as a hybrid of nature, technology and architecture and a center of intricate dialectical relations between nature and culture. City is viewed as an unstable eco system with a specific mechanism of self-regulation. Still, urban territories possess a good deal of recourses for nature tourism. The example of Yekaterinburg demonstrates the potential of operating weekend tours within city limits.
Key words: urbanization; nature commoditization; soft city; nature tourism; geological objects; exhibition-arboretum; English garden; French park.

Город – одно из наиболее значительных явлений в истории человечества. Города являются самой поразительной характерной чертой нашей эпохи. Характерной особенностью современного этапа развития общества являются стремительные темпы процессов урбанизации, т. е. рост самих городов и повышение их роли в развитии общества. Городами принято называть крупные населенные пункты, жители которых заняты, как правило, вне сельского хозяйства. Отнесение населенного пункта к категории городов оформляется в законодательном порядке; при этом критерий численности населения города различается – от 250 человек в Дании до 50 тысяч человек в Японии.

Городское население в экономически развитых странах начинает преобладать уже к середине XX века. И с этого момента получают развитие процессы субурбанизации и формирование новых форм городского расселения – мегаполисов, аг-

© Минина О. Ю., Бекшенев О. Г., 2014

ломераций и конурбаций. Влияние урбанистического образа жизни распространяется далеко за пределы непосредственных границ города. Многие характеристики современных обществ, в том числе и их проблемы, вытекают из урбанистической среды существования.

Академические исследования, нацеленные на понимание городов, представляют собой сравнительно молодую отрасль знания: им немногим более ста лет. Одной из основ классических теорий города считалось различие между городским образом жизни, воплощавшим новизну модерности, и традиционно деревенским образом жизни.

Город, по словам Г. Зиммеля, порождает «бесчувственно-равнодушного» человека, которого захлестывает бесчисленное количество разнообразных стимулов, которые не дают на чем-либо остановиться и к чему-либо привязаться [1]. «Бесчувственное равнодушие» Зиммеля, обесценивание внешнего мира, преобладание анонимных контактов, «одиночество в толпе», о котором говорил Коган, – это определенная защитная реакция, культурное приспособление, которое позволяет сохранить неприкосновенным внутренний мир.

История социальной науки практически базируется на противопоставлении общества и природы. Ведь и само понятие прогресса, по сути, предполагало более или менее успешное покорение природы. Люди традиционного общества – это люди, живущие по законам природы, зависимые от нее и вынужденные с ней считаться. Индустриальное урбанизированное общество – это, напротив, воплощение независимости человека от природы. То есть дискурсивно и концептуально «город» отделяется от «природы» и даже противопоставляется ей. Город – «другое» природы, творение рук человеческих. «Всевышний создал деревню, а человек – город», – гласит древнее ведическое изречение.

Безусловно, природа и город тесно взаимосвязаны исторически: любой город возводится на земле и за счет ее ресурсов. Однако по мере своего становления город начинает противопоставляться природе, а природа восприниматься как находящаяся «где-то там», за пределами города. Долгое время экологическим факторам существования города не уделялось должного внимания именно потому, что социальное жестко противопоставлялось биологическому.

Современные же теории города все чаще воспринимают его как гибрид природы, технологии и архитектуры и как центр сложных диалектических отношений природы и культуры.

Урбанизация уже не понимается как однозначно позитивная тенденция. О проблемах в области экологии, связанных со стремительным ростом городов, писал еще Энгельс. В конечном итоге это привело к появлению понятий «городской экологии» и «гуманистической географии» и воплотилось в утопических идеях создания города-сада. Одним из ярких представителей подобных инициатив явился английский реформатор Эбензер Ховард, считавший несправедливой необходимость для человека выбирать между жизнью в городе и в деревне. Города-сады призваны были соединить в себе преимущества сельской жизни (натуральные продукты, чистый воздух, солнце) с благами и возможностями современного города (работа, культурная жизнь, заработки). Об идеях Ховарда вспоминают и сегодня, когда все больше зеленых дворов превращаются в заасфальтированные парковки, а городские парки вырубаются для строительства новых жилых комплексов и торговых центров. Однако строительство подобных городов, гармонично сосуществующих с природой, сегодня вряд ли возможно по всем понятным политическим и экономическим причинам. К тому же и сами люди, которые, безусловно, не отказались бы жить в более зеленых и экологически чистых городах, все же не считают этот вопрос приоритетным и вряд ли откажутся ради этого от многочисленных благ цивилизации.

Интересно, однако, отметить явление, упоминаемое в исследовании Трубиной. «Самым зримым процессом, делающим политическую экологию насущной теорией, является коммодификация природы, или окружающей среды, с целью увеличения шансов городов и регионов на победу в глобальном и национальном соревновании по привлечению инвестиций. Так, в США понятия устойчивого развития (sustainable development) и умного роста (smart ground) активно используются в рамках дискурса “зеленой революции” (green revolution) во имя улучшения экологических условий жизни людей» [3. С. 163].

Однако процессы коммодификации городской окружающей среды относятся не только к улучшению условий жизни городского населения, но и непосредственно касаются и сферы городского туризма. Данные процессы предлагаем рассмотреть на примере столицы Урала – города Екатеринбурга.

На сегодняшний день перед Екатеринбургом стоит важная и амбициозная задача значительного увеличения потока въезжающих в город туристов. Небезызвестен факт, что именно внутренний и въездной туризм являются приоритетными направлениями в развитии этой сферы экономики для любой страны или региона.

Екатеринбург (Свердловск) на протяжении многих десятилетий был закрыт для иностранных туристов. Глобализация же последних лет позволила убедиться, что в коммерческом туризме маркетинг мест активно опирается на «легенды и мифы». И современные екатеринбуржцы по-новому, «по-туристски» взглянули на близлежащую территорию. В свою очередь, носители социально-гуманитарного знания способствуют тому, чтобы она была должным образом «упакована» для местного туризма [Там же. С. 28].

Вместе с тем ни для кого не секрет, что, обладая огромным потенциалом для развития туризма, наш город пока не сформировал достаточно привлекательный туристский имидж. Это легко оценить в повседневной практике работы с гостями города (иностранными и соотечественниками). Задавая на экскурсии по городу впервые оказавшимся в Екатеринбурге туристам вопрос: «Что вы знаете о нашем городе? С чем он у вас ассоциируется?» – в подавляющем большинстве случаев мы получаем ответы, не отличающиеся оригинальностью. Первый по популярности ответ: «У вас царя убили». Специалисты местного туристского рынка знают, что уже много лет город пытается «отмыться» от имиджа города-цареубийцы, стараясь смещать акценты на более позитивные факты собственной истории. Второй по популярности ответ: «У вас заводов много». Память о том, что «Урал – опорный край державы», жива в умах наших соотечественников, и экскурсанты после знакомства с городом бывают крайне удивлены, что Екатеринбург – это не серый индустриальный монстр, не купринский молох, а яркий, современный город с комфортной жизненной средой.

По сути, эта проблема не уникальна и характерна для многих других промышленных городов. Е. Трубина в своей книге «Город в теории», ссылаясь на предисловие редактора к тематическому номеру «Отечественных записок», приводит следующую цитату, отражающую противопоставления города и природы, городского и провинциального, и в том числе обозначенную выше проблему: «Провинция может быть бедна, стагнирована, голодна, находится в бесконечной удаленности от полезных ископаемых, университетов, заводов и пароходов. Но все равно безошибочно узнаваема – по неизгоняемому духу русской литературы, по левитановской прелести пейзажей, по выжившим из последних сил и всегда полным театрам, по чудом сохранившимся библиотекам и любовно лелеемым краеведческим музеям. <…> Торжок – провинция, Челябинск – нет. Недоказуемо, но совершенно понятно» [Там же. С. 26]. По всей видимости «советский» Челябинск с остатками конструктивизма и дымящими трубами никак не вписывается в схему поэтизированной провинциальности с левитановскими пейзажами. Равно

как не вписывается сюда и Екатеринбург. Недаром еще Маяковский в 20-х годах прошлого века, после посещения Свердловска дал ему такую характеристику:

Из снегового, слепящего лоска,
из перепутанных сучьев и хвои –
встает внезапно домами Свердловска
новый город: работник и воин.

И далее:

Полунебоскребы лесами по́днял,
чтоб в электричестве мыть вечера́,
<…>
У этого города нету традиций,
бульвара, дворца, фонтана и неги.
У нас на глазах городище родится
из воли Урала, труда и энергии!

Если в период культурного энтузиазма в отношении индустриализации заводы, фабрики, гидроэлектростанции могли вызывать восторг у жителей и гостей любого советского города, а плотины и водонапорные башни являлись популярным местом посещения и отдыха (около них, например, могли устраиваться пикники), то сегодня они утратили свою ценность как туристские объекты либо наполнились принципиально иными смыслами («новый городской туризм», «городская разведка» – по большей части все это касается промышленных и военных «заброшек», оставшихся как наследие деиндустриализации).

Сейчас формируется так называемый «мягкий город» (soft city) – «изменчивый, подвижный, образуемый перемещениями и пересечениями маршрутов жителей, движимых надеждами, ожиданиями и привычками. Мягкий город дополняет, расширяет, накладывается поверх, а в некоторых случаях и противостоит «жесткому городу» (hard city) – зданиям, инфраструктуре, предполагающим фиксированные сценарии использования» [2. С. 34]. То есть городская реальность – это уже нечто большее, чем действительность, сплетенная из камней, подземных труб, проводов, транспорта и человеческих тел.

Для создания целостного образа современного Екатеринбурга и позитивного восприятия города в глазах туристов крайне важно уйти от противопоставления города и природы. Привлекательным и уютным для пребывания может стать только зеленый город с чистым воздухом, комфортными прогулочными зонами, обустроенными парками. Благо, Екатеринбург и его окрестности в этом плане обладают уникальными возможностями, как и в целом возможностями для развития природного туризма (для чего вовсе не обязательно покидать пределы города).

Приятно наблюдать удивление туристов, осматривающих Екатеринбург с главной смотровой площадки города и отмечающих обилие зелени. Действительно, в центральной части города расположены два дендрологических парка: по представительности и сочетанию инпродуцированных видов древесно-кустарниковых растений дендрологический парк занимает 3-е место в России после Москвы и Санкт-Петербурга. В экспозиции насчитываются 250 видов деревьев и кустарников. Уникальные для Поволжья, Урала и Сибири розарий и сиринГарий (коллекция сирени) общей площадью 1 400 м^2. В коллекции можно видеть редкие виды рябины (плакучая форма), березы и другие деревья.

Основная экспозиция площадью 8 га находится на улице 8-го Марта, где в 1934 году на месте Хлебной площади был заложен Сад пионеров, в 1948 году преобразованный в дендрологический парк. Эта экспозиция выдержана в стиле регулярного французского парка. Парк разделен на участки: декоративных цветочных растений, декоративных деревьев и кустарников, географический, проис-

хождения и эволюции растений, плодово-ягодный, питомник древесно-кустарниковых растений.

Гордостью дендрологического парка-выставки является зимний сад, где можно видеть созревающие бананы, апельсины, плодоносящие финиковую пальму, кофейное и чайное деревья. Большой интерес у посетителей вызывает сад непрерывного цветения, где круглогодично цветут, сменяя друг друга, различные виды деревьев и кустарников со всего мира. На территории парка расположен фонтан «Каменный цветок» и часовня Александра Невского, возведенная на Хлебной площади в 1884 году в ознаменование отмены крепостного права.

Второй участок дендропарка-выставки площадью 12 га расположен в квартале улиц Первомайской и Мира. В 1932 году на этом месте была заложена научно-исследовательская станция городского озеленения, основная коллекция древесных растений которой была высажена в 1935–1936 годах. В 1962 году станция перешла в ведение дендрологического парка-выставки. Этот участок создан и поддерживается как образец классического английского паркового стиля.

Стоит отметить, что личный опыт работы с экскурсантами одного из авторов статьи свидетельствует, что посещение дендропарков крайне популярно среди иностранных туристов (из опыта за последние полгода – гости из Китая, Японии, Ирландии), особенно в ходе индивидуальных экскурсий, маршрут и регламент которых проще приспособить под интересы туриста. Эти зеленые островки (наряду с районными парками и аллеями) создают образ Екатеринбурга как комфортного для проживания города со сбалансированной городской средой.

Также в Екатеринбурге можно встретить и уникальные ботанические памятники. К таковым отнесена лиственница сибирская, растущая у пересечения улиц 8-го Марта и Декабристов, которая считается одним из самых старых деревьев Екатеринбурга. Возраст лиственницы оценивается в 200–210 лет, она была посажена хозяевами городской усадьбы, когда-то располагавшейся на этом месте.

Это высокое дерево с продольно-глубокотрещинной толстой корой. В нижней части ствола ветви отсутствуют, а в средней части ветви крупные, горизонтально расположенные. Внешне лиственница, посаженная во времена А. С. Пушкина и А. С. Грибоедова, выглядит здоровым и красивым деревом. Деревья этого вида (Larix sibirica) могут жить до 350 лет и характеризуются удивительной морозо- и засухоустойвостью, встречаются на высотах до 2 000–2 500 м, являются пионерной породой на пожарищах. Екатеринбургское дерево-долгожитель выдержало еще и загрязненный автомобилями воздух и истощенную почву.

Как уже было отмечено, наш город нацелен на существенный рост внутреннего и въездного туризма, в том числе в формате туров выходного дня, как организованно, так и самостоятельно. Но главные туристские ресурсы российских регионов (Екатеринбург не исключение) в своей настоящей позиции во многом уже пережили подъем и пик интереса. В связи с этим представляется актуальным предложение иных возможных направлений туризма в пределах городов, особенно крупных. Так называемый природный туризм – это интересная альтернатива традиционному времяпрепровождению туристов в городах.

Ряд ученых вполне обоснованно выделяют:

1) «дикую» природу, «первую» природу, естественные экосистемы Земли, не затронутые антропогенной деятельностью;

2) «вторую» природу; преобразованные человеком экосистемы – поля, сады и т. п., не способные к самоподдержанию в течение длительного времени;

3) «третью» природу; искусственно созданные системы окружающей человека среды, урбокомплексы, внутриквартирная среда и т. п., не способные к самоподдержанию даже в относительно короткие периоды времени [4].

Городская среда представлена «второй» природой и «третьей», и именно они являются ресурсом природного туризма. В этом отношении Екатеринбург обладает хорошими возможностями для проведения именно городских туров по интересным объектам природы. Рассмотрим несколько таких объектов.

Памятники природы. Город Екатеринбург расположен в таежной природно-климатической зоне (подзона южной тайги), и для окрестностей города типичны светлохвойные леса. Но в южной части города, на склонах Уктусских гор, встречаются небольшие участки горных степей – уникальное для нашей природно-климатической зоны явление природы. Это безлесные участки склонов («лбины») поросшие злаково-разнотравной растительностью с преобладанием типичных степных видов (всего несколько десятков видов). Среди них это ковыль перистый, пырей, типчак, тимофеевка степная, овсяница овечья, астра альпийская, василек сибирский, вероника колосистая, бледно-желтая таволга и др. Эти растения относятся к ксерофитам (от др.-греч. ξερός – сухой и φυτόν – растение), т. е. к растениям сухих местообитаний, способным переносить продолжительную засуху («засухоустойчивые»).

Удивляет их приспособленность к засушливым условиям, они успешно переносят и перегрев, и обезвоживание. В ходе эволюции степные виды растительности выработали у себя такие свойства, как обильное опушение (защита от солнечных лучей), выделение кожицей воска или другого водонепроницаемого вещества (сохранение влаги). Избегая перегрева, некоторые виды степных растений могут располагать свои листья ребром к солнцу. Уникальные способности растений-степчаков позволят засеивать ими антропогенные пустоши, карьеры и отвалы, что является актуальным для горнопромышленных регионов.

Ближайшие участки подобной разнотравно-ковыльной степи встречаются лишь в 100 км южнее, в окрестностях городов Касли, Кыштыма. Сохранение на склонах Уктусских гор степей можно объяснить близостью к поверхности ультраосновных горных пород, богатых магнием, железом, алюминием, кальцием, что обеспечивает относительную сухость почв [5].

Геологические объекты. Среди всех крупных городов России Екатеринбург занимает особое место по сложности геологического строения. Нет другого города в России, где на относительно небольшой территории можно было бы встретить все генетические типы горных пород: осадочные породы, образовавшиеся в древних морях, метаморфические и метасоматические, измененные под воздействием высоких температур и давления, магматические, застывшие магмы в глубинах Земли и излившаяся на поверхность лава. Породы этих генетических типов отличаются составом и свойствами, это своеобразная каменная летопись формирования и развития земной коры в районе Екатеринбурга. Здесь сотни миллионов лет назад произошло столкновение двух литосферных плит – Восточно-Европейской и Казахстанской. Это событие и последующие процессы определили своеобразное «лоскутное» и очень сложное геологическое строение г. Екатеринбурга.

Кроме строительных котлованов, карьеров (действующих и заброшенных), горные породы можно встретить и в естественных выходах, например у Оперного театра, в подножье Обсерваторской горки, Шарташские каменные палатки, мыс Гамаюн.

В южной части города, на Уктусе, встречаются темноокрашенные дуниты, пироксениты, габбро и др. Есть на территории города и зеленоватые змеевики, лиственит и березиты, можно встретить типично вулканические породы, базальты и разнообразные сланцы (глинистые, кремнистые), известняки, мрамор, а также речной песок, илы, суглинки.

В черте города в разные годы были найдены и разрабатывались месторождения полезных ископаемых (золото, железо, тальк, мрамор, хром и др.).

Городская территория располагает также уникальными объектами, привлекательными как для целей индустриального туризма, так и для природного (что как раз вписывается в восприятие Екатеринбурга как индустриального центра, но смещает акценты в другую плоскость). Это действующие или заброшенные карьеры, вид которых всегда привлекает повышенное внимание. Кроме этого в отвалах или непосредственно в карьерах можно найти образцы минералов, руд и горных пород. Так, например, в отвалах Изоплитского щебеночного карьера нередки находки кристаллов пирита до 5 см. В Шабрах расположен карьер «Старая линза», где еще в 1970-х годах добывались тальк-карбонатные породы с откаткой породы канатным способом. Это глубокая впадина в рельефе с крутыми террасированными склонами. На дне карьера – заброшенная техника, в стенках можно наблюдать породы различного состава, разрывные нарушениями с выходами грунтовых вод в виде каскадного водопада.

Это лишь небольшая часть ресурсов г. Екатеринбурга, которые могут быть использованы для целей природного туризма.

Итак, несмотря на историческое противопоставление города и природы, в наши дни мы все чаще сталкиваемся с необходимостью создания удобной, благоустроенной и комфортной городской среды, максимально приспособленной для жителей города и создающей привлекательный образ Екатеринбурга для его гостей.

Человечество неотделимо от мира природы, поэтому город не может и не должен рассматриваться как исключительно оппозиция природной среде. Современный город – это сложная система динамического сочетания двух субсистем: природной и антропогенной. Природные комплексы, сохраняемые в естественном или близком к естественному состоянии, играют важную природоохранную и оздоровительную роль. Человек, как биологическое существо, испытывает потребность в общении с природой. Но в условиях городской среды, где преобладают искусственные компоненты, возможности этого общения у него крайне ограничены. В связи с этим возникают определенные проблемы с его физическим, психологическим, эмоциональным состоянием. Современная городская среда является источником предметно-пространственного и психологического напряжения человека. Эмоциональную разрядку в городе человек может получить через созерцание различных природных объектов и форм – растений, газонов, бульваров, скверов, парков и т. д. Таким образом происходит компенсация его нарушенных связей с естественной природой.

Однако все, перечисленное выше, также способствует коммодификации городов, повышая в том числе их туристскую привлекательность, обеспечивая гостям приятное визуальное восприятие городского ландшафта. Ведь комфортность пребывания человека в городской среде определяется не только отсутствием грязи и пыли, шума и неприятных запахов и, как таковым, наличием газонов, деревьев, зон отдыха, но и единством визуального облика всех составляющих этой среды: архитектуры, дизайна и ландшафта, их гармонией с природой человека.

Литература

1. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. – 2002. – № 3–4 (34).
2. Микроурбанизм. Город в деталях : сб. статей / под отв. ред. О. Бердниковой, О. Запорожец. – М. : Новое литературное обозрение, 2014.
3. Трубина Е. Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. – М. : Новое литературное обозрение, 2011.
4. Реймерс Н. Ф. Природопользование : словарь-справочник. – М. : Мысль, 1990.
5. Екатеринбург: Рекорды и достижения. – Екатеринбург : У-Фактория, 2006.

УДК 793

Шпак Вера Александровна
преподаватель, Екатеринбургская детская школа искусств № 2 (г. Екатеринбург)

Shpak Vera Aleksandrovna
Teacher, Children School of Art № 2 (Ekaterinburg)

ОСОБЕННОСТИ ЗРИТЕЛЬСКОГО ВОСПРИЯТИЯ СПЕКТАКЛЯ СОВРЕМЕННОГО ТАНЦА

CONTEMPORARY DANCE STAGE PERFORMANCE: THE PARTICULARITIES OF THE AUDIENCES' PERCEPTION

Аннотация
Статья посвящена исследованию специфики зрительского восприятия спектакля современного танца в контексте культуры постмодернизма. Автор рассматривает как общепсихологические механизмы восприятия объектов и явлений, так и специфические особенности зрительского восприятия спектакля современного танца как художественного произведения эпохи посткультуры.
Ключевые слова: спектакль современного танца; восприятие; постнеклассический; понимание; телесность; смысл.

Abstract
The article researches the contemporary dance show viewer's perception, its peculiarities in the post-modernist content. The author considers both general psychological mechanisms of perception and the viewer's perception specific features of the contemporary dance show conceived as a post-culture epoch artwork.
Key words: contemporary dance stage performance; perception; post-nonclassic; understanding; corporeality; sense.

В настоящее время проблема восприятия спектаклей современного танца весьма актуальна как для зрителей, так и для хореографов и критиков хореографического искусства. И возникает целый ряд вопросов, которые могут быть сформулированы следующим образом: «Как воспринимает зритель спектакли современного танца?», «Какие факторы влияют на зрительское восприятие?», «Всегда ли зритель оказывается готов к восприятию постмодернистского спектакля?», «Как воздействуют на зрителя выразительные средства современного танца и композиция спектакля?», «Удовлетворяет ли спектакль современного танца ожидания зрителя и какими могут быть эти ожидания?» и т. п. Эти вопросы побуждают к исследованию специфики зрительского восприятия спектакля современного танца, которое позволит выявить проблемы восприятия постмодернистского танцспектакля и причины их возникновения.

Целью данной статьи является рассмотрение механизмов зрительского восприятия спектакля современного танца в контексте культуры постмодернизма.

Проблема находится в области междисциплинарных исследований различных областей науки. В данной статье мы будем рассматривать зрительское восприятие с позиции таких наук, как психология, культурология, эстетика, философия.

С точки зрения психологической науки восприятие (перцепция) – это психический процесс целостного отражения в сознании человека предметов, ситуаций, явлений, возникающий при непосредственном воздействии физических раздражителей на рецепторные поверхности органов чувств. Восприятие выступает как осмысленный (включающий принятие решения) и означенный (связанный с речью) синтез разнообразных ощущений, получаемых от целостных предметов или сложных, воспринимаемых как целое явлений. Этот синтез выступает в виде многомер-

© Шпак В. А., 2014

ного образа данного предмета (явления), который складывается в ходе его активного психического отражения [11; 12].

Восприятие человека теснейшим образом связано с мышлением и, как познавательный психический процесс, имеет ряд свойств. Существенный интерес в контексте нашего исследования представляет такое свойство восприятия, как его осмысленность. Перцептивные образы, возникающие в процессе восприятия, всегда имеют определенное смысловое значение. Сознательно воспринять предмет – значит мысленно назвать его, т. е. отнести воспринятый предмет к определенной группе, классу предметов, а также обобщить его в слове. Исходя из этого, восприятие представляет собой постоянный поиск наилучшего толкования имеющихся данных. Таким образом, можно определить осмысленность как свойство человеческого восприятия приписывать воспринимаемому объекту или явлению определенный смысл, обозначать его словом, относить к определенной языковой категории в соответствии со знанием субъекта и его прошлым опытом. Здесь обнаруживается непосредственная связь с апперцепцией – зависимостью восприятия от содержания психической жизни субъекта, от особенностей его личности.

В восприятии всегда в той или иной мере сказываются потребности, интересы, устремления, желания и чувства человека, его отношение к воспринимаемому объекту. Многочисленные данные показывают, что воспринимаемая субъектом картина не является просто суммой мгновенных ощущений; она часто содержит такие детали, которых даже и нет в данный момент на сетчатке глаза, но которые человек как бы видит на основе предшествующего опыта [4; 14]. Это утверждение можно в равной степени применить и к восприятию спектакля современного танца. Существенное место в апперцепции занимают установки и эмоции, которые могут изменять содержание восприятия.

Таким образом, восприятие есть активный процесс, использующий информацию для того, чтобы выдвигать и проверять гипотезы. Характер же этих гипотез определяется содержанием прошлого опыта личности.

Уникальный личный опыт зрителя является также одним из наиболее существенных факторов, лежащих в основе художественного восприятия. Чем богаче этот опыт и глубже его рефлексия, тем более емким и эмоционально насыщенным будет восприятие произведения искусства, которое на определенном его уровне можно рассматривать как сопереживание и сотворчество.

Стоит отметить, что, в связи с необходимостью учитывать роль широкого жизненного опыта в восприятии, в современной теории информации было выдвинуто понятие тезауруса. Под тезаурусом подразумевается своеобразный словарь – набор закрепившихся в памяти у того или иного человека следов его прошлых впечатлений, действий и их разнообразных связей и отношений, которые могут вновь ожить под воздействием художественного произведения. Содержание тезауруса дает возможность понять, как будет воспринято то или иное произведение, каким будет эмоциональный отклик зрителя [15].

Таким образом, субъективные аспекты восприятия определяются множеством индивидуальных особенностей реципиента, к числу которых относятся степень склонности к художественному мышлению, фантазия, запас художественных впечатлений и культурная подготовка. Художественная рецепция также во многом зависит от временно действующих факторов – настроения, психологического состояния зрителя.

Художественное восприятие многопланово и совмещает в себе такие аспекты, как непосредственное эмоциональное переживание, постижение логики развития авторской мысли, ассоциативность. В спектаклях современного танца активно используются абстрактные неизобразительные формы, где происходит выход за пределы мимесиса и усиливается направленность на постижение внутренней

сущности, внутреннего смысла. Часто сообщение, заложенное в художественном тексте, адресуется не только к сознанию, но и к сверхсознанию зрителя, поэтому при восприятии спектаклей постнеклассической эстетики велика роль ассоциаций и интуиции.

Переходя к рассмотрению специфики восприятия спектаклей современного танца с точки зрения культурологии и эстетики, необходимо подчеркнуть, что современный танец как художественное явление принадлежит культурной парадигме, которую исследователи определяют как постнеклассическую. Во второй половине XX в. происходят существенные изменения в сфере искусства и культуры, сопровождающиеся изменениями в общей научной картине мира. Новой культурной реальностью становится постмодернизм, ознаменовавший собой эпоху так называемой пост-культуры (или постнеклассической культуры).

Понятие «ПОСТ-культура» (или сокращенно ПОСТ-) вводит в «лексикон нонклассики» российский философ, историк эстетики В. В. Бычков, обозначая им ситуацию, сложившуюся в сфере культуры (и прежде всего, в художественной культуре) ориентировочно с середины XX в. Ученый рассматривает ПОСТ- «как некий переходный период (переходную среду) от Культуры (с большой буквы) к чему-то принципиально иному» [2. С. 344]. Художественно-эстетическое состояние цивилизации к началу третьего тысячелетия, по представлению искусствоведа, имеет тенденцию к хаосогенным, энтропийным процессам.

Согласно его концепции посткультуры, «XX в. – особый, уникальный век в человеческой истории»; «последний век традиционной Культуры и первый век переходного периода к чему-то принципиально иному» [Там же. С. 539]. Нельзя не привести слова В. В. Бычкова, ярко характеризующие это глобальное явление: «…это качественный скачок в сознании и материи; стремительный процесс снятия одного и становления иного: нового общечеловеческого унифицированного менталитета, новой мыслительной пластики, иного бытия в социуме, иного арт-мышления, иной структурности, иных форм выражения; иной пространственности и иной образующей ее телесности» [Там же. С. 344]. Наряду с этим В. В. Бычков подчеркивает, что иные формы самосознания, иные формы культуры будут слабо доступны восприятию человека традиционной Культуры. Постмодернизм в данной концепции является одной из многих составных частей феномена «ПОСТ-культуры», занимая заметное место на протяжении последних двух-трех десятилетий XX века.

Наиболее полно феномен постмодернизма рассматривает в своих трудах доктор филологических наук, профессор И. П. Ильин. В книге «Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа» он следующим образом описывает возникшее в философии отождествление сознания человека с письменным текстом: «Все стало мыслиться как текст, дискурс, повествование: вся человеческая культура как сумма текстов, или как культурный текст, т. е. интертекст, сознание как текст, бессознательное как текст, “Я” как текст – текст, который можно прочитать по соответствующим правилам грамматики, специфичным, разумеется, для каждого вида текста, но построенным по аналогии с грамматикой естественного языка» [5. С. 186]. При этом если на начальных этапах исследователи отдавали предпочтение вербальным знакам, то на рубеже 1980–90-х гг. произошел перенос внимания в сторону невербальных знаков социокультурного характера, что, в свою очередь, усилило чувственное начало в аспекте восприятия.

Таким образом, в связи с переходом к постнеклассической культуре меняется восприятие общей картины мира. Философия отбрасывает идею о возможности какого-либо системного, рационального описания мира, объявляя иррационализм основной характеристикой его понимания. Это мироощущение постепенно стано-

вится доминирующим в искусстве XX века. В противовес научным подходам и традиционной философии наиболее действенным для адекватного постижения действительности постмодернисты считают «интуитивное “поэтическое мышление” с его ассоциативностью, образностью, метафоричностью и мгновенными откровениями инсайта» [6. С. 204].

В своей работе «Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм» И. П. Ильин рассматривает понятие «постмодернистской чувствительности», которую он определяет как «специфическое видение мира как хаоса, лишенного причинно-следственных связей и ценностных ориентиров, “мира децентрированного”, предстающего сознанию лишь в виде иерархически неупорядоченных фрагментов». Именно это понятие И. Ильин считает ключевым для постмодернизма.

Постмодернизм, по мнению автора, затрагивает глобальную по своему масштабу сферу, «поскольку касается вопросов не столько мировоззрения, сколько мироощущения, т. е. ту область, где на первый план выходит не рациональная, логически оформленная философская рефлексия, а глубоко эмоциональная, внутренне прочувствованная реакция современного человека на окружающий его мир» [Там же].

Затрагивая аспект чувствительности при рассмотрении актуального искусства эпохи посткультуры, необходимо обратиться к понятию телесности, которое играет большую роль в неклассической эстетике. По мнению В. В. Бычкова, в элитарных произведениях посткультуры «усилилась некая специфическая внедуховная энергетика… воспринимаемая практически всеми органами чувств человека, его психофизиологической сферой» [3. С. 327]. Искусствовед указывает на то, что главным способом арт-объектов «актуального» искусства становится ощупывание. «При этом ощупываются они в основном не тактильно… но визуально, аудио и на их основе – интеллектуально-рассудочно. При контакте с современным артефактом, арт-проектом реципиент уже не созерцает его, но ощупывает глазом, слухом, активно размышляющим сознанием (иногда и тактильно). Именно на такое гаптическое восприятие рассчитано (чаще внесознательно, ибо таков “дух времени”, атмосфера, в которой творит современный художник, энергетическая среда, питающая его креативность) большинство произведений современного искусства» [Там же]. Вследствие этого, как отмечает автор, одной из характерных черт актуального искусства является зачастую достаточно усложненная, напряженная соматическая энергетика.

В пространстве телесноориентированной культуры современный танец занимает положение одного из актуальных явлений. Вопрос телесности в современном танце подробно исследует в своей диссертационной работе Н. В. Курюмова, констатируя выход на первый план соматического, актуально-телесного аспекта в структуре художественного образа современного танца, представляющего танцующее тело как «срез настоящего» (по выражению А. Бергсона). Специфика танца, согласно данному исследованию, заключается в креативных практиках, которые автор емко характеризует как «практики производства телом художественных образов». Н. В. Курюмова подчеркивает, что «образ, создаваемый в танце телом и его движениями, не является лишь символическим, означающим иные, внетелесные смыслы и идеи. Напротив, движущееся тело само становится источником этих смыслов и идей, являясь их глубинным содержанием. Современный танец не стремится к вербализации, артикулированности этих смыслов, дабы не утратить их многозначности и даже иррациональности» [9. С. 55].

В процессе эволюции языка искусства и возникновения новых приемов формообразования современное художественное произведение обрело новые эстетические свойства. Сознательное нарушение структурной полноты текста, разрушение традиционных представлений о художественной целостности, пренебрежение

прямыми логическими связями стали почвой для появления в неклассической культуре понятия открытой формы, неотъемлемыми компонентами которого являются полисемия и интерпретационная широта. Понятие «художественная открытость», предложенное итальянским семиотиком Умберто Эко, может определяться «как универсальное качество произведения искусства, отражающее способность художественного текста осуществляться в своей полноте благодаря вовлеченности рецептивного сознания; как обращенность произведения к воспринимающему субъекту, который в акте рецепции реализует его потенциально присутствующую многозначность» [1]. При этом принципиально важную роль для данного исследования играет интерпретационная свобода, отражающая неизбежную субъективность каждого прочтения, обусловленную уникальностью воображения, художественных установок, ассоциативных способностей реципиента.

Здесь имеет смысл вернуться непосредственно к специфике восприятия contemporary dance спектакля и исследовать аспект понимания. Ряд ученых различных областей науки (таких, как психология, философия и др.) рассматривают понимание как предельно широкую категорию [10]. С их точки зрения, понимание захватывает не только рациональное языковое мышление, но и все подструктуры сознания, включая механизм сопереживания.

В психологии существует понятие «эмпатия» (греч. ἐν – «в» + греч. πάθος – «страсть», «страдание») – осознанное сопереживание текущему эмоциональному состоянию другого человека, без потери ощущения внешнего происхождения этого переживания [12]. В определенном смысле, эмпатию можно рассматривать как составляющую понимания чужого сознания. Сопереживание происходит посредством осознания эмоционального состояния другого человека и способности разделить его опыт. Другими словами, с помощью эмпатии человек получает доступ к внутреннему миру другого существа, фактически испытывая эмоции, идентичные наблюдаемым. Таким образом, эмпатия рассматривается как феномен внерационального познания человеком внутреннего мира других людей, или как вчувствование. Следует заметить, что сопереживание может возникнуть как по отношению к наблюдаемым (или воображаемым) чувствам другого человека, так и к переживаниям персонажей художественных произведений [7; 8; 10].

В своей научной работе О. Лабовкина отмечает важность теории Теодора Липпса о «вчувствовании» как исторического источника теории подражания. Липпс утверждал, что при наблюдении движущегося тела зрители испытывают «внутренний мимесис». «В начале XX века кинестетическая эмпатия (или подражание) и связанные с ней идеи приобрели особую актуальность в контексте модернизма, в котором подчеркивается мысль, что перципиент в большей степени реагирует непосредственно на средства высказывания произведения искусства, в сравнении с сюжетной линией или тематикой», – пишет О. Лабовкина [10. С. 20–21].

В то же время нельзя не отметить, что восприятие художественного произведения – это не пассивный созерцательный акт, а сложный познавательный процесс – активный, динамический. Значительный ряд художественных средств включает уровень интеллекта, делая акцент на смысловые элементы спектакля современного танца. Таким образом, понимание заключенной в тексте спектакля информации также является достаточно сложной формой интеллектуальной деятельности.

Активность зрителя, возникающая в процессе восприятия, определяется его наблюдением, отбором информации, ее интерпретацией и, в итоге, составлением собственного произведения из элементов спектакля [13. С. 13–16]. Тот факт, что заданный автором набор смыслов может отличаться от набора смыслов, воспринятых зрителем, довольно часто игнорируется создателями спектаклей. С другой стороны, произведения открытой формы, рассмотренные выше, характеризуются

следующей особенностью: художественный образ в актуальном искусстве открытых форм имеет коммуникативный характер и инициирует реципиента к сотворчеству в силу своей многозначности [1]. По мнению Е. Я. Басина, процесс перцептивного созидания во время просмотра художественного произведения «порождает бесконечную череду индивидуальных вариантов-прочтений, растянутую в исторической перспективе»; именно в этом напластовании интерпретаций произведение и находит свое завершение [Там же. С. 34].

Подводя итог проделанному выше исследованию, можно сделать вывод, что к концу XX столетия в сфере актуального искусства формируется особый тип художественного произведения, к которому, в том числе, относится спектакль современного танца с присущей ему телесностью. Постнеклассическое художественное произведение может быть создано на границах различных эстетических систем и стилевых направлений. Выход из парадигмы причинно-следственных связей (разрушение принципа структурности художественного мышления) открывает другое измерение художественного текста и, соответственно, другой способ его интерпретации. Метасемантика, характерная для постнеклассических произведений, предоставляет зрителю возможность самостоятельно сконструировать смысл. Отсюда следует вывод, что художественное произведение такого рода не может быть воспринято, а точнее сказать, прочтено в рамках классической эстетики, что во многом усложняет восприятие спектакля современного танца, требуя от зрителя определенной художественной подготовленности, а также способности модернизировать внутренние установки, не «цепляясь» за стереотипы.

Литература

1. Басин Е. Я., Ступинин С. С. Полнота как эстетическая категория. – М. : Академия гуманитарных исследований : Изд-во БФРГТЗ «СЛОВО», 2011.

2. Бычков В. В. Лексикон нонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века / под ред. В. В. Бычкова. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003.

3. Бычков В. В. Эстетика. – М. : Гардарики, 2002.

4. Гиппенрейтер Ю. Б. и др. Психология ощущения и восприятия : хрестоматия по психологии. – М. : Московский психолого-социальный институт, 2002.

5. Ильин И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. – М. : Интрада, 1998.

6. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М. : Интрада, 1996.

7. Макаров И. Когда тебя понимают [Электронный ресурс] // Эксперт online. – 2006. – № 24. – URL: http://expert.ru/northwest/2006/24/rizzolatti/ (дата обращения: 11.05.2014)

8. Косоногов В. Зеркальные нейроны: краткий научный обзор. – Ростов н/Д, 2009. – URL: http://lit.lib.ru/k/kosonogow_w_w/kosonogow-zerkalxnyenejrony-kratkijnauchnyjobzordoc.shtml (дата обращения: 11.05.2014).

9. Курюмова Н. В. Современный танец в культуре XX века: смена моделей телесности : дис. … канд. культурологии : 24.00.01. – Екатеринбург, 2011.

10. Лабовкина О. Г. Способы организации художественного материала в спектакле современного танца в свете их воздействия на зрительское восприятие : дис. … магистра / Академия Русского балета им. А. Я. Вагановой. – СПб., 2013.

11. Маклаков А. Г. Общая психология : учебник для вузов. – СПб. : Питер, 2008.

12. Мещеряков Б. Г., Зинченко В. П. Большой психологический словарь. – М. : Прайм-Еврознак, 2003.

13. Неклюдова М. Парадокс о зрителе: «Эмансипированный зритель» Жака Рансьера. – М., 2012.

14. Рубинштейн С. Основы общей психологии. – СПб., 1998.

15. Шрейдер Ю. А. Об одной модели семантической теории информации // Проблемы кибернетики. – М. : Наука, 1965. – Вып. 13.

Образование как социальный институт

УДК 37.0

Гончарова Наталья Алексеевна
аспирант НОУВПО Гуманитарный университет (г. Екатеринбург)

Логинов Михаил Павлович
д-р экон. наук, профессор, Уральский институт – филиал РАНХиГС (г. Екатеринбург)

Goncharova Natal'ya Alekseyevna
Postgraduate Student, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

Loginov Mikhail Pavlovich
Doctor of Economics, Professor, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Ural Institute (Ekaterinburg)

ПРОЕКТНЫЙ ПОДХОД К ПОНЯТИЮ «ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ УСЛУГА»

THE PROJECT APPROACH TO «EDUCATIONAL SERVICE» NOTION

Аннотация
В статье анализируются общие характеристики, специфические черты и особенности понятия «образовательные услуги» в интерпретации различных авторов. Дается определение «проект образовательных услуг». Рассматриваются основные подходы к определению «проект образовательных услуг».
Ключевые слова: образовательная услуга; проект; образовательная программа; проект образовательных услуг.

Abstract
The article analyses peculiarities, general and specific features of «educational service» notion in various researchers' interpretations. The author defines what the «project of educational services» means. Main approaches to the «project of educational services» definition are considered as well.
Key words: educational service; project; educational programme; project of educational services.

Поиск направлений развития российского образования в последние десятилетия не прекращался: введение нескольких поколений образовательных стандартов, изменение условий приема в высшие учебные заведения, неравномерное выделение бюджетных мест, мультифинансирование образовательной деятельности, внедрение различных методологий, переход на болонскую систему обучения, рейтинги вузов и т. п. Тем не менее рынок образовательных услуг остается высококонкурентным и динамичным, требует внедрения различных маркетинговых инструментов как при продвижении, так и при оказании услуг.

Закон об образовании дает следующее определение: «Образование – это единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов».

В настоящей статье авторы рассматривают образовательные услуги с учетом проектного подхода применительно к высшему профессиональному образованию в России, по аналогии данные услуги можно рассматривать и в контексте сегментов рынка образовательных услуг.

© Гончарова Н. А., Логинов М. П., 2014

Исследуя научную литературу, можно сделать общий вывод, что, как правило, российские ученые рассматривают «образовательную услугу» как предлагаемый товар или элемент маркетинга услуг в условиях общего функционирования вуза.

Рассмотрим наиболее известные определения понятий:

Ф. Котлер предлагает следующее определение: «Услуга – любое мероприятие или выгода, которые одна сторона может предложить другой и которые в основном неосязаемы и не приводят к завладению чем-либо».

Известны следующие определения понятия «образовательная услуга»:

- целенаправленная деятельность, характеризуемая взаимодействием участников образовательного процесса и направленная на удовлетворение образовательных потребностей личности (Стрижов А. М.);
- деятельностная передача системных знаний и привитие проверенных опытом практических навыков к определенному виду занятия путем непосредственной коммуникации с обучаемым (Джапарова Р.);
- совокупность знаний, умений, навыков и определенного объема информации, которые используются для удовлетворения специфической потребности человека и общества в интеллектуальном развитии и приобретении профессиональных умений и навыков (Липкина Е. Д.);
- система знаний, умений и навыков, которые используются в целях удовлетворения потребностей индивида, общества и государства и направлены на приращение человеческого капитала (Зайчикова С. А.);
- целый комплекс действий воспитательного и обучающего характера, направленный на удовлетворение потребностей индивида, в результате осуществления которого происходит совершенствование имеющихся и приобретенных навыков (Терещенко Н. Н.);
- результат учебной, управленческой и финансово-хозяйственной деятельности учебного заведения, направленной на удовлетворение производственного спроса на подготовку, переподготовку и повышение квалификации рабочей силы, спроса индивидов на получение профессии или квалификации, переквалификации (Сон Т. А.);
- система знаний, информации, умений и навыков, которые используются в целях удовлетворения многочисленных потребностей человека, общества и государства (Щетинин В. П.);
- объем учебной и научной информации, передаваемой гражданину в виде суммы знаний общественного и специального характера, а также практических навыков, передаваемых гражданину по определенной программе (Зотов В. Н.).

Приведенные определения понятия «образовательная услуга» содержат две составляющие: сущностную как содержание и маркетинговую как удовлетворение потребностей, при этом оказание услуги рассматривается как продажа товара с определенными характеристиками.

Однако образовательная услуга в вузе относится к сложным услугам, характеризуется относительной длительностью предоставления, зависимостью от персонала и существующих технологий, ассоциированностью с другими услугами, такими как прохождение практик студентами, местом расположения вуза, его доступностью, наличием общежитий, условиями проживания, наличием спортсооружений, качеством и стоимостью питания, внеучебными услугами, возможностью трудоустройства и т. п.

Следовательно, поскольку образовательная услуга оказывается продолжительное время: для бакалавров очной формы обучения – не менее 4 лет, специалистов – 5 лет, магистрантов – 2 года, необходим системный подход к управлению данными услугами с учетом особенностей их жизненного цикла.

Рассматривая образовательные услуги как общественный товар, можно отметить, что, хотя их потребление осуществляется коллективно, но при этом доступ к потреблению услуг, финансируемых и дотируемых государством, получают не все желающие. Таким образом, образовательные услуги имеют особенности как общественных, так и частных услуг и могут быть отнесены к промежуточному типу. Отсюда следует, что государству требуется обеспечить оптимальное сочетание бюджетных и платных мест в вузах [1. С. 63–67].

Наиболее эффективным методом управления образовательной услугой с учетом временного горизонта и особенностей жизненного цикла является, по мнению авторов, проектный подход.

Проект в широком понимании – это 1) замысел, идея, образ, воплощенные в форму описания, обоснования, расчетов, чертежей, раскрывающих сущность замысла и возможность его практической реализации; 2) работы, планы, мероприятия и другие задачи, направленные на создание нового продукта (устройства, работы, услуги)[1].

Понятие «проект» широко исследовано в отечественной и зарубежной литературе, при этом источники дают различные определения данного понятия:

- 1) уникальный комплекс взаимосвязанных работ (мероприятий), направленных на создание продукта или услуги в условиях заданных требований и ограничений, и 2) ограниченное во времени специально организованное целенаправленное изменение отдельной системы в рамках запланированных ресурсов и установленных требований к качеству его результатов[2];

- комплекс взаимосвязанных мероприятий, направленных на создание уникального продукта или услуги в условиях временны́х и ресурсных ограничений[3];

- временное предприятие, предназначенное для создания уникальных продуктов, услуг или результатов[4];

- уникальный набор процессов, включающий координированные и контролируемые операции с датой начала и завершения, предпринимаемые для достижения цели[5];

- целенаправленная деятельность временного коллектива в рамках одной или нескольких организационных структур, направленная на достижение конкретной цели с заданным уровнем качества, в поставленный срок и в пределах выделенного финансирования (Яковлев Ю. В.).

На основании вышеизложенного и с дополнениями, авторами предлагается следующее определение: «Образовательная услуга – это комплекс взаимосвязанных мероприятий, направленный на развитие человека и удовлетворение его образовательных потребностей и интересов, путем приобретения им знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенций определенного объема и сложности».

Оказание образовательной услуги должно осуществляться в рамках проектной деятельности вуза, на принципах «одна образовательная программа – один проект». Авторами предлагается ввести новое понятие «проект образовательной программы – комплекс мероприятий в рамках временных и ресурсных ограничений в условиях жизненного цикла образовательной услуги». Понятия «проект образовательной программы» и «образовательный проект» идентичны.

---

[1] Яндекс-словари. – URL: http://slovari.yandex.ru

[2] Управление проектами: основы профессиональных знаний. Национальные требования к компетентности специалистов. – М. : ЗАО «Проектная практика», 2010.

[3] ГОСТ Р 54869-2011. Проектный менеджмент. Требования к управлению проектом.

[4] Руководство к Своду знаний по управлению проектами. – 4-е изд. – Project Management Institute, 2008.

[5] ISO 21500:2012. Руководство по управлению проектами.

Внутреннее окружение проекта образовательной программы, как правило, включает в себя следующие факторы:

1. Образовательное пространство.
2. Оборудование и материалы, необходимые в процессе оказания услуг (образовательном процессе и вспомогательных процессах).
3. Материальную базу в виде помещений, заработной платы участникам проекта, финансирования, как бюджетного, так и за счет средств студентов [2. С. 54–60].
4. Социально-общественную значимость, влияние государственных и общественных интересов.

Образовательные проекты, реализуемые на факультете или на уровне вуза, могут быть объединены в «программу образовательных проектов» для достижения единого результата или в «портфель образовательных проектов», что позволит использовать проектную методологию для более эффективного управления ими.

Однако, по мнению авторов, пока не нашли должного отражения в экономической литературе следующие вопросы формирования и развития системы образовательных проектов:

- схема планирования образовательной деятельности в зависимости от ресурсов, действий и потребностей работодателей, развития ситуации на рынке;
- закономерности планирования образовательной деятельности в зависимости от причинно-следственных связей развития как экономики России, так и региональных экономик субъектов РФ;
- типичные последствия конкретных маркетинговых действий применительно к образовательному проекту;
- экономические модели выбора целевого рынка, на основании которых, используя конкретные экономические факторы, вузы могли бы выстраивать обоснованные стратегические конструкции по позиционированию образовательных услуг, управлению ими с применением проектной методологии [3. С. 65–79].

Литература

1. Логинов М. П. К вопросу о повышении конкурентных преимуществ ипотечных услуг // Банковское дело. – 2009. – № 6.

2. Гончарова Н. А. Определение затрат по центрам ответственности в вузе // Вестник Гуманитарного ун-та. – 2013. – № 3.

3. Логинов М. П. Маркетинг услуг в ипотечном кредитовании // Маркетинг. – 2009. – № 5.

УДК 37.03

Сабрекова Гульнара Салихзяновна
преподаватель факультета современного танца,
НОУВПО Гуманитарный университет
(г. Екатеринбург)

Sabrekova Gulnara Salikhzyanovna
Lecturer, Contemporary Dance Department,
Liberal Arts University – University
for Humanities (Ekaterinburg)

«ШЕКСПИРОВСКИЙ АБОНЕМЕНТ» КАК ОПЫТ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

«SHAKESPEARE'S SUBSCRIPTION» AS PROJECT ACTIVITIES EXPERIENCE IN THE EDUCATION SYSTEM

Аннотация
Статья информирует о создании авторского информационно-образовательного проекта Г. С. Сабрековой, получившего название «Шекспировский абонемент». Основная цель проекта связана с современной концепцией гуманитарной педагогики, задачей которой является *воспитание искусством*. Главной целью этого проекта является усвоение учащимися духовного опыта, заключенного в содержании произведений искусств. Произведения великого классика являются носителями вечных общечеловеческих ценностей, поэтому опыт духовного осмысления его произведений может стать одной из форм приобщения молодого поколения к высокой культуре, способствовать общей гуманизации воспитания и образования.
Проект позволяет осуществить многогранное знакомство с музыкально-театральными и художественными интерпретациями Шекспира, он адресован учащимся школ, студентам гуманитарных вузов, преподавателям, а также всем любителям искусства. Он представляет собой цикл лекций-концертов, а также видеопоказов и семинарских занятий.
Ключевые слова: Шекспир; гуманитарная педагогика; воспитание искусством; духовная ориентация; мировое искусство; экзистенциальные ценности.

Abstract
This article is about informational and educational project «Shakespeare's subscription» by Gulnara S. Sabrekova. The project is related to the modern concept of humanitarian pedagogy, which main aim is «education through art» – acquaintance with spiritual experience from artworks. Works of the great classic carry the eternal human values, so the experience of spiritual understanding of his works can be a form of initiation of the young generation of high culture and contribute to the common humanization of education and training.
The project provides a multifaceted introduction to musical, theater and artistic interpretations of Shakespeare, it is addressed to students, teachers, and all lovers of art. It presents a series of seminars, lectures and video screenings.
Key words: Shakespeare; humanitarian pedagogy; educational through art; spiritual orientation; world art; existential values.

В современной системе общего и художественного образования все активнее утверждается концепция *гуманитарной педагогики*, основной задачей которой является *воспитание искусством*. Главную роль в этом процессе играет усвоение учащимися духовного опыта, заключенного в содержании произведений искусств. Неслучайно в связи с этим педагогическая мысль вновь и вновь устремляется к Шекспиру. Произведения великого классика являются носителями вечных общечеловеческих ценностей, поэтому опыт духовного осмысления его произведений может стать одной из форм приобщения молодого поколения к высокой культуре, способствовать общей гуманизации воспитания и образования.

«Шекспировский абонемент» – это новый информационно-образовательный проект, представленный в рамках внеклассной работы различных образовательных

© Сабрекова Г. С., 2014

ных учреждений, который позволяет осуществить многогранное знакомство с музыкально-театральными интерпретациями Шекспира. Он адресован учащимся школ, студентам гуманитарных вузов, преподавателям, а также всем любителям искусства. Проект представляет собой цикл лекций-концертов, а также видеопоказов и семинарских занятий.

Обеспечивая выполнение целого ряда задач – информационных, обучающих, воспитательных, проект устремлен к главной цели – к осмыслению ценностей человеческой жизни, к адаптации молодого поколения с помощью искусства к непростой окружающей действительности, к формированию эстетических и художественных ориентиров.

Проект «Шекспировский абонемент» – опыт не только концертно-исполнительской практики, но и педагогического эксперимента, возникшего в связи с необходимостью изучения шекспировской темы в рамках теоретических дисциплин в системе художественного образования. Шекспировская тема является неотъемлимой частью многих учебных программ: как детских школ искусств, так и средних и высших профессиональных учебных заведений. Она активно реализуется в теоретической и художественно-практической деятельности учащихся независимо от избранной ими специализации.

Проект существует с 2007 года на базе ДШИ № 1 (Управление культуры Администрации города Екатеринбурга). На протяжении нескольких лет определилось несколько направлений в его реализации:

- шекспировская драматургия;
- шекспировская тема в оперном искусстве;
- хореографические интерпретации Шекспира;
- Шекспир в инструментальной и камерно-вокальной музыке;
- Шекспир и современный кинематограф;
- шекспировская тема в изобразительном искусстве.

Доминирующее положение шекспировская тема обретает на отделении театрального искусства в рамках такой экспериментальной программы, как «Беседы о театре» (ДШИ)[1] и «История театра» (СПУЗ). Изучая разные исторические этапы театральной культуры, учащиеся знакомятся не только с эпохой и творчеством Шекспира, его ценностным миром, но и с основными началами его драматургии, принципами его художественного мышления.

На отделении хореографии (ДШИ) шекспировская тема изучается в рамках дисциплины «Беседы о хореографическом искусстве». Позднее – в средних профессиональных учебных заведениях (СПУЗ) – в рамках дисциплины «История хореографического искусства». Особое внимание уделяется анализу балета С. Прокофьева «Ромео и Джульетта», который занимает этапное положение в балетной шекспириане XX века. Учащиеся знакомятся с различными трактовками «Ромео и Джульетты» в разных постановках выдающихся хореографов, с творчеством прославленных исполнителей, создавших незабываемые шекспировские образы на балетной сцене.

На музыкальном отделении шекспировская тема представлена в рамках таких теоретических дисциплин, как «Музыкальная литература» (ДМШ, ДШИ) и «История музыки» (СПУЗ). Студенты и учащиеся знакомятся с выдающимися музыкальными интерпретациями шекспировских произведений на примере симфонической, оперной, балетной и камерно-вокальной музыки. В музыкально-образовательной деятельности СПУЗ значение шекспировской темы действитель-

[1] Автор предлагаемого проекта в течение последних десяти лет работает над экспериментальной программой под названием «Беседы о театре» для учащихся театральных отделений детских школ искусств.

но велико, поскольку она пронизывает творчество многих изучаемых композиторов XIX–XX веков: Г. Берлиоза и Ф. Мендельсона, Ш. Гуно и В. Беллини, П. Чайковского и Дж. Верди, С. Прокофьева и Д. Шостаковича.

Шекспировская тема активно реализуется и в исполнительской деятельности студентов музыкальных вузов. Особой популярностью пользуются вокальные миниатюры разных композиторов на стихи сонетов Шекспира. Множество переложений балетной и оперной музыки существует для различных камерных исполнительских составов.

Еще более важным для изучения шекспировской темы является ее духовно-воспитательное значение. Здесь актуальность Шекспира не вызывает сомнений, поскольку активное изучение классики способствует не только эстетическому, но и нравственному воспитанию молодежи. На занятиях учащиеся и студенты знакомятся с разными подходами в решении шекспировских произведений, что дает им возможность осмыслить изменения ценностей в истории культуры, а вместе с тем – духовное состояние мира.

Одним из примеров реализации «Шекспировского проекта» является опыт учебно-лекторской практики на факультете современного танца в Гуманитарном университете г. Екатеринбурга. Изучение шекспировской темы осуществляется в рамках самых различных теоретических дисциплин: основ хореографической драматургии, музыкального искусства, анализа музыкально-танцевальных форм, актерского мастерства, культурологии и др. Наиболее любопытным нам кажется опыт изучения шекспировских сюжетов в музыкальных и хореографических интерпретациях. Для студентов танцевального факультета, как будущих хореографов-специалистов, это не просто опыт освоения классического наследия, но и самое непосредственное воспитание общей хореографической культуры, осмысление новых эстетических и технологических задач, которые ставятся перед специалистами XXI века.

В связи с этим учебным опытом следует сказать следующее. Шекспировская драматургия, к которой все чаще обращается современный балет, диктует хореографам современный уровень мышления при создании спектакля, его языка, выразительных средств, характеров героев, конфликтов. Он учит раскрывать жизнь более «полифонично» и дерзновенно. В качестве учебного материала предлагается множество интересных работ из числа музыкальных и хореографических интерпретаций. Здесь можно привести множество примеров.

Ни один из сюжетов Шекспира не получил такого огромного числа постановочных решений, как «Ромео и Джульетта». На сегодняшний день известно более 70 постановок, как отечественных, так и зарубежных. Среди наиболее ярких работ – постановки Л. Лавровского (1940), К. Макмиллана (1965), М. Бежара (1966), Дж. Ноймайера (1971), Р. Нуреева (1977), Ю. Григоровича (1978, первая редакция; 1979, вторая редакция), Н. Касаткиной и В. Василева (1981), В. Васильева (1990), Е. Панфилова (1996).

В сравнении с «Ромео и Джульеттой» другие сюжеты Шекспира не получили такого многообразия решений, однако некоторые работы также заслуживают внимания. Опыт сравнительного анализа интерпретаций дополнительно обогащает восприятие современной хореографической культуры и дает почувствовать изменчивость меняющихся ценностей.

Театр Шекспира и балет – не отвлеченная теоретическая тема, а повседневная практика театральной жизни. Именно с шекспировской поэтикой у современного балета есть зримые точки соприкосновения. Именно в театре Шекспира балетное искусство может почерпнуть для себя важные уроки.

Итак, проект «Шекспировский абонемент» решает целый комплекс образовательных **задач:**

1. Углубленное знакомство с произведениями В. Шекспира и основами его драматургии.
2. Знакомство с творчеством выдающихся интерпретаторов Шекспира:
- композиторов;
- режиссеров;
- исполнителей;
- хореографов;
- художников.
3. Более глубокое знакомство со спецификой разных видов искусства:
- оперы;
- балета;
- симфонической музыки;
- камерно-вокальной музыки;
- киноискусства;
- изобразительного искусства.

К **воспитательным задачам** следует отнести:
- формирование духовной культуры и эстетического вкуса;
- формирование культуры общения (умения вести диалог, участвовать в дискуссии);
- формирование потребности в самопознании, саморазвитии;
- развитие личных свойств: самостоятельности, индивидуальной независимости в суждении, активности и ответственности.

Универсальность проекта, его способность охватить различные художественные специальности позволяет учащимся детских школ искусств, а также художественных и гуманитарных вузов познакомиться не только с духовным опытом шекспировского наследия, но и с различными видами искусства: оперой, балетом, драматическим театром, кинематографом, живописью.

Проект I. «Шекспир и опера»

В проекте исследуются и обсуждаются наиболее известные оперные интерпретации шекспировских произведений, например следующие:
- В. Беллини, «Монтекки и Капулетти»;
- Ш. Гуно, «Ромео и Джульетта»;
- Дж. Верди, «Отелло»;
- Дж. Верди, «Макбет»;
- Дж. Верди, «Фальстаф».

Произведения оперных классиков представлены в постановках известных мастеров: дирижеров, режиссеров, исполнителей.

Проект II. «Шекспировская тема в хореографии»

В проекте исследуются и обсуждаются наиболее известные хореографические версии шекспировских произведений; например, балет С. С. Прокофьева исследуется в постановках:
- Л. М. Лавровского;
- Ю. Н. Григоровича;
- Е. А. Панфилова;
- Р. Х. Нуреева;
- А. Прельжокажа.

Проект III. «Шекспир в симфонической музыке XIX века»

В проекте исследуется и обсуждается ряд наиболее известных симфонических интерпретаций шекспировских произведений, например:

- Г. Берлиоз, «Ромео и Юлия»;
- Ф. Мендельсон, «Сон в летнюю ночь»;
- Я. Сибелиус, «Буря»;
- Ф. Лист, «Гамлет»;
- П. Чайковский, «Гамлет», «Буря», «Ромео и Джульетта»;
- М. Балакирев, «Король Лир»;
- Р. Штраус, «Макбет».

Проект IV. «Шекспир в камерно-вокальной музыке XX века»

Проект посвящен теме «Сонеты Шекспира в вокальной музыке XX века». Он может быть представлен в разных форматах: как лекторий с использованием мультимедиа, так и в концертном варианте. Тематически материал может быть дан как в сравнении разных музыкальных интерпретаций шекспировских сонетов, так и в творчестве конкретного композитора. Среди наиболее интересных имен следует выделить несколько:

- Михаил Ипполитов-Иванов;
- Дмитрий Кабалевский;
- Тихон Хренников;
- Микаэл Таривердиев;
- Сергей Никитин.

Проект V. «Шекспир в современном кинематографе»

Проект с использованием мультимедиа. Тематически он представлен как сравнительный анализ разных режиссерских постановок. Например:

- «Гамлет» в постановке Г. Козинцева и Ф. Дзеффирелли;
- «Ромео и Джульетта» в постановках Ф. Дзеффирелли и Б. Лурмана;
- «Отелло» в постановке Ф. Дзеффирелли.

Подготовка к работе предполагает знакомство зрителя с проблематикой шекспировского произведения (для неподготовленной публики), с прославленными или новыми именами режиссеров-постановщиков, исполнителей фильмов. Особое внимание обращено на понимание интерпретаторами XX века классического наследия Шекспира.

Методология проекта. Методологической основой данной работы является принцип «от произведения к спектаклю», благодаря чему можно достичь желаемой системности в изучении данной темы.

Отдельно следует сказать, что в выборе постановок автор руководствовался несколькими критериями:

1) возможностью, опираясь на художественные принципы постановщика, вникнуть в эстетические и этические проблемы культуры XX века;

2) наличием яркого индивидуального подхода в трактовке шекспировской темы (как с точки зрения содержания, так и с точки зрения выразительных средств);

3) наличием ярких исполнителей, создавших неповторимые образы Шекспира на театральной (музыкальной) сцене.

Виды и формы проектной деятельности

Основная направленность проекта, связанная с популяризацией шекспировского наследия, может иметь самые разнообразные виды и формы его реализации.

I. Научно-исследовательский проект:

- публикация авторских статей;
- издание авторских печатных работ (книг, учебников, учебно-методических пособий, методических разработок);
- создание информационного ресурсного центра научных исследований по «шекспировской теме».

II. Информационно-образовательный проект:

- лекторий;
- творческие встречи;
- семинарские занятия;
- популяризация Шекспира на TV (запись телевизионных передач);
- разработка информационного сайта по «шекспировской теме».

III. Концертный проект

Данный вид проекта предполагает организацию и проведение концертных вечеров, где могут быть представлены произведения (или фрагменты из произведений) музыкального или музыкально-театрального искусства. Концертная практика может иметь различный формат:

- концертную площадку учебных заведений по художественному образованию (музыкальные школы, школы и колледжи искусств, институты, университеты, академии);
- площадки любых концертных или театральных организаций города, области, региона.

IV. Организация и проведение общественных мероприятий:

- семинаров;
- тематических конференций;
- симпозиумов;
- конгрессов;
- ассамблей.

Информационной базой данного проекта является многолетняя научно-исследовательская практика преподавателя – автора проекта. По материалам шекспировской темы создано четыре учебно-методических пособия, опубликовано 10 научных статей, посвященных проблемам интерпретации Шекспира в музыкальном театре XX века. Кроме того, материалы по теме данного проекта обсуждались на различных научно-практических конференциях, проводимых Гуманитарным университетом города Екатеринбурга.

Думается, что «универсальность» шекспировской темы, ее непреходящая актуальность вызовут интерес у представителей самых разных художественных специальностей, а также помогут лучше сориентироваться в ее эстетических и художественных проблемах.

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ

Глушкова Светлана Игоревна
д-р полит. наук, замдекана юридического факультета, завкафедрой прав человека, директор Центра правового просвещения и прав человека Гуманитарного университета (г. Екатеринбург)

Glushkova Svetlana Igorevna
Doctor of Political Science, Deputy Dean of Legal Department, Head of Human Rights Chair, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

ПЕРВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНВЕНТ «ГУМАНИТАРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ: ЛИЧНОСТЬ, СОЦИУМ, МИР, ПРАВА ЧЕЛОВЕКА»

I INTERNATIONAL CONVENTION «HUMANITARIAN DIPLOMACY: THE PERSON, SOCIETY, WORLD, HUMAN RIGHTS»

С 4 по 6 декабря 2014 года в Екатеринбурге состоялся Первый международный конвент «Гуманитарная дипломатия: личность, социум, мир, права человека», объединивший усилия ученых, политиков, молодежи, представителей органов государственной власти и местного самоуправления, гражданского общества. В рамках конвента состоялись две международные конференции, рабочие встречи, дискуссии, заседание ректорского клуба.

Организаторами конвента выступили Уполномоченный по правам человека в Свердловской области, Законодательное собрание Свердловской области, Уральский федеральный университет, Гуманитарный университет, Российско-белорусский круглый стол «Интеллектуальные ресурсы интеграции».

В качестве основной цели конвента оргкомитетом было определено создание в Екатеринбурге региональной дискуссионной площадки по обсуждению ресурсов и возможностей развития гуманитарной и культурной дипломатии, культуры прав человека и культуры мира. В дни конвента, с 4 по 6 декабря 2014 года, дискуссионными площадками в Екатеринбурге стали областной парламент (4 декабря), Уральский федеральный университет (5 декабря), Гуманитарный университет (6 декабря).

4 декабря в Законодательном собрании Свердловской области в рамках конвента прошла Третья международная конференция «Гуманитарная дипломатия, сотрудничество, взаимодействие: региональное измерение». Ей предшествовали две международные конференции по гуманитарной дипломатии, которые прошли в Санкт-Петербурге («Гуманитарная дипломатия, сотрудничество, взаимодействие», 2012 год) и Одессе («Гуманитарная дипломатия, сотрудничество, взаимодействие: гуманитарные кластеры, гуманитарные технологические парки, дипломатические модули», 2013 год).

На открытии выступили координатор Российско-белорусского круглого стола «Интеллектуальные ресурсы интеграции» С. Н. Бородулин, заместитель председателя Законодательного собрания Свердловской области В. В. Якимов, Уполномоченный по правам человека в Свердловской области Т. Г. Мерзлякова.

Представитель МИД России в Екатеринбурге А. В. Харлов проанализировал развитие гуманитарной дипломатии на пространстве СНГ.

Свердловский омбудсмен Т. Г. Мерзлякова отметила, что в современном мире особенно актуальны слова В. П. Лукина, бывшего Уполномоченного по правам человека в РФ, о том, что «когда слышат дипломатов, не слышны пушки».

С. Н. Бородулин выступил с предложением провести 8 февраля 2015 года Дни белорусской науки. Также он отметил, что международный конвент по гуманитарной дипломатии в Екатеринбурге поддерживает даты, события и тематику го-

© Глушкова С. И., 2014

дов, которые отмечаются в мире и в России в 2014 году, в частности: 1) 115 лет со дня проведения первой конференции мира; 2) завершение глобальной инициативы Международного комитета Красного Креста, связанной со 150-летием его гуманитарной деятельности; 3) 200 лет установления дипломатических отношений России и Швейцарии; 4) Год культуры в России; 5) Тематика 2014 года, декларируемая ООН при проведении Дня прав человека в 2014 году: «Изменяя жизнь через права человека».

В Законодательном собрании Свердловской области на пленарном заседании по теме «Расширение гуманитарной дипломатии: Россия – СНГ, опыт Свердловской области» выступили ученые, общественники, представители консульств стран СНГ в Екатеринбурге. Так, Султан Магомед оглы Гасымов, Генеральный консул Азербайджана в Екатеринбурге, рассмотрел в своем докладе ценности гуманитарной дипломатии. Сафар Алибердиевич Сафаров, Генеральный консул Республики Таджикистан в Екатеринбурге, рассказал о гуманитарной дипломатии в Таджикистане. О практике социально-правовой поддержки и интеграции мигрантов из Средней Азии в Свердловской области, об опыте местных НКО в этой сфере рассказала исполнительный директор «Межнационального информационного центра» Н. В. Бенсгиер. Тему межнациональных отношений продолжил директор Свердловской областной библиотеки дружбы народов В. Г. Подкорытов, обратив внимание участников конвента на мультикультурную библиотеку как фактор развития культурной дипломатии. Роль диалога культур как формы взаимопонимания и солидарности проанализировал завкафедрой философии, культурологии и искусствоведения РГППУ, д.ф.н., профессор С. З. Гончаров.

Особый интерес участников вызвал доклад главного научного сотрудника Института философии и права УрО РАН, д-ра полит. наук М. А. Фадеичевой «Уральская идентичность и гуманитарный поворот в развитии региона». Она отметила основные составляющие привлекательности нашего региона (например, толерантную коммуникацию, комфортную среду, развивающуюся экономику и др.), важные особенности Свердловской области (например, такую: наша область является единственным субъектом РФ, где все муниципальные образования имеют свой флаг и герб). Фадеичева предложила разработать социально-гуманитарный проект «Пространство Урала: земля и люди», цель которого – укрепление гражданского единства. В качестве рабочего слогана проекта она назвала следующий: «Добрососедские отношения. Миротворческие инициативы. Общественное согласие».

Ценности гуманитарной дипломатии и нравственный кодекс петербуржцев представил в своем выступлении начальник отдела развития проектной деятельности студентов Санкт-Петербургского национального исследовательского университета «ИТМО», зампредседателя Правления общественного движения «Мы – петербуржцы» А. А. Демидов.

Проблематику прав человека в системе международных отношений рассмотрела в своем докладе профессор Уральского федерального университета, д.ф.н. Н. В. Бряник, а искусство как пространство межкультурных коммуникаций – директор Института искусств РГППУ, д.ф.н., профессор А. Б. Костерина. Среди предложений Костериной можно отметить следующие: 1) в рамках культурной дипломатии проведение в Екатеринбурге ежегодного Евразийского конгресса с целью развития взаимопонимания и солидарности народов; 2) разработку концепции культурной дипломатии Екатеринбурга. Гендер, гуманитарная дипломатия и геополитика стали основными предметами рассмотрения в докладе «Гуманитарная составляющая гендерного фактора развития геополитических процессов» профессора УрФУ, д-ра полит. наук, вице-президента Академии геополитических проблем, члена Экспертного совета РАПН Н. А. Комлевой.

Современные вызовы в области прав человека (основные проблемы, ресурсы, варианты решения) проанализировала профессор, завкафедрой прав человека, д-р полит. наук С. И. Глушкова, которая выступила со следующими предложениями: 1) сформировать международную межвузовскую рабочую группу из ученых стран СНГ для подготовки учебного пособия для студентов вузов «Гуманитарная и культурная дипломатия: отечественный и зарубежный опыт»; 2) проводить в школах и колледжах стран СНГ уроки гуманитарной и культурной дипломатии; 3) организовать Весеннюю и Летнюю школы по гуманитарной и культурной дипломатии для молодежи стран СНГ в Екатеринбурге и Санкт-Петербурге.

5 декабря в Уральском федеральном университете в рамках конвента состоялись Четвертые декабрьские чтения по правам человека «Личность, социум и мир» (пленарное заседание и секции), а также секции международной конференции по гуманитарной и культурной дипломатии, заседание ректорского клуба. Открывая Декабрьские чтения, профессор, д.и.н. О. Н. Богатырева, завкафедрой ЮНЕСКО прав человека, демократии, толерантности и международного взаимопонимания, отметила, что чтения по правам человека уже стали традиционными, ежегодными, проводятся при поддержке Уполномоченного по правам человека в Свердловской области, в этом году они были организованы также при содействии юридического факультета Гуманитарного университета.

С докладом «Ценностно-мировоззренческие основания гуманитарной дипломатии», вызвавшим большой интерес и положившим начало дальнейшей дискуссии, на пленарном заседании 5 декабря выступил ректор Гуманитарного университета, д-р филос. наук, профессор Л. А. Закс. Актуальные вопросы соотношения прав человека и государственного суверенитета рассмотрел главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, д-р полит. наук С. В. Мошкин в докладе «Права человека или государственный суверенитет? Затянувшиеся споры вокруг гуманитарных интервенций». Структурно-измерительные подходы при исследовании гуманитарного капитала «мягкой силы» проанализировала заведующая отделом философии Института философии и права УрО РАН, д-р полит. наук О. Ф. Русакова. Наряду с философскими и политологическими докладами участники Декабрьских чтений с интересом восприняли доклады экономистов (канд. экон. наук, доцент УрФУ Е. Б. Бедрина «Личностные аспекты адаптации трудовых мигрантов стран СНГ: опыт Свердловской области как принимающей территории», канд. экон. наук, доцент УрФУ, руководитель Центра экономического и правового моделирования «Консультант» О. Б. Франц «Типология российских нравственных ценностей как фактор эффективной самореализации молодежи: проектный подход») и юристов (д-р юр. наук, доцент УрГЮУ С. Э. Либанова «Демокурия как эффективный способ обеспечения реализации прав и свобод человека», канд. юр. наук, доцент Гуманитарного университета С. А. Денисов «Права человека в условиях международной напряженности»), и социологов (к.с.н., старший преподаватель УрГПУ Д. В. Руденкин «Интеграционные процессы на постсоветском пространстве : что постулирует официальная риторика и чего хочет общественное мнение?»).

Во многих выступлениях екатеринбургские ученые обращались к роли и статусу молодежи в современном российском обществе. Так, О. Б. Франц отметила, что молодежь должна рассматриваться как базовый ресурс развития публично-правовых образований. В свою очередь Д. В. Руденкин предложил шире вовлекать молодежь в процесс поддержания и развития отношений между Россией и другими государствами, развивать систему государственной поддержки международных и российских молодежных проектов, молодежных образовательных программ и форумов.

Дальнейшие дискуссии развернулись в ходе работы следующих секций конвента, модераторами которых выступили уральские ученые из УрФУ, УрГЮУ, РГППУ, УрГПУ, Гуманитарного университета: «Проблема универсальности прав человека: международные, региональные и национальные стандарты» (д.и.н., проф. О. Н. Богатырева, к.и.н. К. Г. Муратшина), «Права человека как фактор мировой политики» (канд. юр. наук, доцент Ю. С. Безбородов, магистр С. С. Лазарев), «Теория и практика защиты прав человека: история и современность» (д-р полит. наук, проф. С. И. Глушкова, канд. юр. наук, доцент С. А. Денисов, д-р юр. наук, проф. А. П. Семитко), «Реализация и защита прав и свобод человека на международном и национальном уровнях» (к.и.н., доцент Л. Я. Баранова, канд. юр. наук, доцент Н. А. Новикова), «Гуманитарные аспекты политического процесса» (д-р полит. наук, проф. Н. А. Комлева, канд. полит. наук, доцент А. А. Керимов), «Ресурсы влияния на международную молодежную среду» (к.с.н. Д. В. Руденкин, К. В. Гонцов), «Движение России к информационному обществу: региональный аспект» (д.ф.н., проф. В. Ф. Олешко, канд. филол. наук, доцент Р. Л. Исхаков, которые предложили разработать концепцию движения Среднего Урала к информационному обществу, а также создать в Екатеринбурге постоянно действующий круглый стол по разработке Дорожной карты движения Среднего Урала к информационному обществу), «Культурная дипломатия как составляющая гуманитарной дипломатии» (д.ф.н., проф. А. Б. Костерина, к.ф.н., доцент М. Д. Попкова, к.ф.н., доцент А. А. Бобрихин, которые предложили рассматривать культурную дипломатию как одно из новых направлений развития международной дипломатии, а также как инструмент решения задач в области гуманитарного реагирования).

6 декабря в Гуманитарном университете в рамках конвента состоялась открытая лекция «Гуманитарная дипломатия и права человека: история и современность» координатора Российско-белорусского круглого стола «Интеллектуальные ресурсы интеграции», инициатора проведения конференций по гуманитарной дипломатии в России и других странах СНГ С. Н. Бородулина, а также панельная дискуссия с участием преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов юридического факультета Гуманитарного университета. В качестве модераторов дискуссии выступили декан юридического факультета Гуманитарного университета (ГУ), д-р юр. наук, профессор А. П. Семитко и завкафедрой прав человека ГУ, д-р полит. наук, профессор С. И. Глушкова. На открытой лекции С. Н. Бородулин обратил внимание студенческой молодежи на следующие темы: гуманитарное лидерство, университет как гуманитарный лидер в современном обществе, культурные факторы гуманитарной дипломатии, роль гуманитарных защитников, необходимость возрождения гуманитарного и гражданского наследия Екатеринбурга, Санкт-Петербурга, России, ценности гуманитарной и культурной дипломатии, дипломатии милосердия и сострадания, отметив, что Россия и гуманизм – неразделимые понятия.

Международный конвент по гуманитарной дипломатии и правам человека успешно прошел, но идеи и проекты, которые получили «путевку в жизнь» благодаря его проведению в Екатеринбурге, только начинают свое существование. Это и сборники статей, и новые научные проекты, планы проведения Школ гуманитарной и культурной дипломатии, подготовка словаря и учебного пособия по гуманитарной дипломатии, и многое другое.

Редакционная коллегия

Закс Лев Абрамович – доктор философских наук, профессор, ректор Гуманитарного университета.

Мясникова Людмила Анатольевна – доктор философских наук, профессор, проректор по научной работе Гуманитарного университета.

Агеносов Александр Васильевич – кандидат технических наук, доцент, декан факультета компьютерных технологий Гуманитарного университета.

Балмаева Светлана Дашиевна – кандидат философских наук, доцент, декан факультета телерадиожурналистики Гуманитарного университета.

Борисова Ирина Николаевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского и иностранных языков Гуманитарного университета.

Брандт Галина Андреевна – доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, профессор Гуманитарного университета.

Глушкова Светлана Игоревна – доктор политических наук, доцент, заместитель декана юридического факультета, заведующая кафедрой прав человека Гуманитарного университета; приглашенный профессор Университета Париж-Запад (Франция).

Дроздова Алла Владимировна – кандидат философских наук, доцент, заместитель декана по научной работе факультета социальной психологии, заведующая кафедрой рекламы факультета социальной психологии Гуманитарного университета.

Зотова Ольга Юрьевна – доктор психологических наук, доцент, заместитель декана по развитию факультета социальной психологии Гуманитарного университета.

Зубков Константин Иванович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой регионоведения Гуманитарного университета.

Крутько Инна Сергеевна – доктор психологических наук, заведующая кафедрой управления персоналом факультета социальной психологии, профессор Гуманитарного университета.

Мицек Сергей Александрович – доктор экономических наук, доцент, декан факультета бизнеса и управления Гуманитарного университета.

Мицек Елена Борисовна – доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой менеджмента и маркетинга факультета бизнеса и управления Гуманитарного университета.

Перелыгина Елена Борисовна – доктор психологических наук, профессор, декан факультета социальной психологии Гуманитарного университета, член Президиума Российского психологического общества, действительный член Международной академии педагогических наук и Международной академии акмеологических наук.

Рамзина Снежана Александровна – кандидат социологических наук, заведующая кафедрой социально-культурного сервиса и туризма Гуманитарного университета.

Росновская Людмила Валентиновна – кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой конструирования и дизайна одежды Гуманитарного университета.

Семитко Алексей Павлович – доктор юридических наук, декан юридического факультета, заведующий кафедрой публичного права, профессор Гуманитарного университета; приглашенный профессор университета Париж-Запад (Франция).

Семякин Михаил Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой частного права Гуманитарного университета; профессор УрГЮА.

Хмелькова Наталья Владимировна – кандидат экономических наук, доцент факультета компьютерных технологий, заведующая кафедрой экономики и информатизации факультета компьютерных технологий Гуманитарного университета.

Ямалетдинова Галина Александровна – доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой оздоровительной тренировки и профессионально-прикладной физической подготовки, профессор Гуманитарного университета; профессор Института физической культуры, спорта и молодежной политики (ИФКСиМП) УрФУ им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина.

Редакционный совет

Алексеев Вениамин Васильевич – доктор исторических наук, профессор, академик РАН.

Аман Ив – профессор факультета славистики Университета Париж-Запад (Нантер, Франция).

Болдыгин Геннадий Васильевич – кандидат философских наук, доцент, консультант ректора по экономическим вопросам, почетный профессор Гуманитарного университета.

Бурбулис Геннадий Эдуардович – кандидат философских наук, проректор Международного университета в Москве, Президент Гуманитарно-политологического центра «Стратегия», почетный профессор Гуманитарного университета (Москва).

Голынец Сергей Васильевич – кандидат искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой истории искусств УрФУ им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина, академик Российской Академии художеств, профессор Гуманитарного университета.

Зборовский Гарольд Ефимович – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор Гуманитарного университета, профессор УрФУ им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина и Сургутского государственного педагогического университета.

Киселева–Кастельс Эмма – исполнительный директор Кафедры ЮНЕСКО по образованию и технологиям для социальных изменений, Universitat Oberta de Catalunya (Барселона, Испания).

Руденко Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Института философии и права УрО РАН.

Руткевич Алексей Михайлович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории философии и декан философского факультета НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А. В. Полетаева (ИГИТИ) НИУ ВШЭ, заведующий сектором современной западной философии Института философии РАН (г. Москва).

Тарасьев Александр Михайлович – доктор физико-математических наук, старший научный сотрудник Института математики и механики УрО РАН, профессор факультета бизнеса и управления Гуманитарного университета.

Требования к оформлению и порядку представления статей в журнал «Вестник Гуманитарного университета»

«Вестник Гуманитарного университета» включен в **Российский индекс научного цитирования** (лицензионный договор № 136-03/2014). Журнал размещается в РИНЦ на сайте Научной электронной библиотеки постатейно **(полные тексты в открытом доступе).**

Журнал принимает к публикации теоретические, научно-методические, научно-практические статьи по следующим наукам:

- **Гуманитарные науки** (исторические науки, филологические науки, языкознание, философские науки, искусствоведение и культурология)
- **Социально-экономические и общественные науки** (экономические науки, психологические науки, педагогические науки, социологические науки, юридические науки, политология)
- **Технические науки** (информатика, технология материалов и изделий текстильной и легкой промышленности)
- **Физико-математические науки** (математика, математическая логика)

К изданию преимущественно принимаются статьи, ранее нигде не публиковавшиеся. Если статья уже была опубликована (полностью или частично), автор должен сообщить об этом редакции.

Требования к оформлению материалов

- Текстовый редактор Word 2003–2007, шрифт Times New Roman,
  размер шрифта – 12, межстрочный интервал – 1,5,
  абзацный отступ – 0,7 см;
  поля: сверху, снизу – 2 см, слева, справа – 3 см.
- Максимальный объем статьи 40 000 знаков (с пробелами, включая сноски).
- Ссылки на литературу – в квадратных скобках с указанием номера источника в списке литературы и номера страницы (например, [2. С. 15]), список литературы – в конце статьи.
- Таблицы представляются в формате Word. Таблицы в тексте должны нумероваться и иметь заголовки, размещенные над полем таблицы.
- Иллюстративные материалы принимаются только в черно-белых тонах.
- Статье должен быть присвоен код УДК.

ОБЯЗАТЕЛЬНО УКАЖИТЕ СЛЕДУЮЩИЕ СВЕДЕНИЯ:

- **На русском и английском языках** приводятся:
  - **название статьи;**
  - **сведения об авторах**:
    фамилия, имя, отчество ***полностью;***
    ученая степень, ученое звание, должность,
    место работы – ***полное название организации;***
    контактная информация: адрес электронной почты *(укажите, согласны ли Вы опубликовать его)*, телефон;
  - **аннотация** (5–10 строк);
  - **ключевые слова** (5–6 слов или словосочетаний).

Журнал рецензируемый. Обязательна рецензия на статью специалиста по данной отрасли знания, **для магистрантов, аспирантов** – отзыв научного руководителя и внешняя рецензия.

Рецензии заверяются подписью и печатью организации и высылаются в адрес редакции (возможен отсканированный вариант – по электронной почте).

Авторы статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации.

Публикации бесплатные. Авторский гонорар не выплачивается.

Статьи направляются на электронный адрес редакции ektbriogu@mail.ru **с указанием в теме письма «Вестник ГУ, область наук»**, например «Вестник ГУ, психология». При успешном рецензировании редакция высылает автору ответ о приеме статьи в определенный номер журнала.

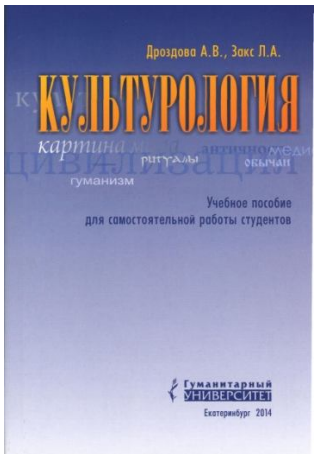
Редакция оставляет за собой право не публиковать статью или рекомендовать ее доработку с учетом замечаний. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной форме. Материалы, переданные в редакцию, не возвращаются.

Периодичность издания – 4 номера в год: апрель, июль, октябрь, декабрь.

Сроки представления материалов к публикации:
№ 1 (апрель) – до 15 марта
№ 2 (июль) – до 15 мая
№ 3 (октябрь) – до 15 сентября
№ 4 (декабрь) – до 15 ноября

Адрес редакции: г. Екатеринбург, ул. Железнодорожников, д. 3, к. 207,
тел. (343) 365-99-73.

Приглашаем Вас опубликовать свои работы
в «Вестнике Гуманитарного университета»!



Дроздова А. В., Закс Л. А.

Культурология. Учебное пособие для самостоятельной работы студентов / А. В. Дроздова, Л. А. Закс. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2014. – 634 с.

ISBN 978-5-7741-0216-7

Настоящее издание дает представление об основных направлениях, школах и понятиях культурологии. В учебном пособии показана эволюция культурных идей и взаимодействие разных концепций культуры, рассматриваются проблемы современной культуры, ее актуальные формы и социокультурные практики в эпоху информационного общества.

В издание включены необходимые методические рекомендации, которые позволят студентам самостоятельно познакомиться с наиболее яркими работами культурологической классики и текстами современных авторов, а также помогут углубленному изучению дисциплины.

Издание является существенным дополнением к курсу лекций и учебникам, рекомендовано для подготовки студентов всех специальностей, аспирантов и магистрантов.

Границы искусства и территории культуры : сб. науч. ст. / сост. и науч. ред. Л. А. Закс, Т. А. Круглова. – Екатеринбург : Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина : Гуманитарный университет, 2013. – 261 с.

ISBN 978-5-7741-0220-4

Авторы статей – философы и культурологи продолжают исследование специфики современной художественности, начатое в сборнике «Онтология искусства» 2005 года. В настоящем сборнике представлен итог работы серии теоретических семинаров, в центре которых традиционно центральная проблема философской эстетики – природа искусства – исследуется сквозь призму концепта «границы». Идея подобного подхода принадлежит известному российскому эстетику А. Ф. Еремееву. В книге обобщаются методологические поиски внутренних границ искусства: показана неисчерпаемость классической парадигмы философии искусства, а также предлагаются к обсуждению новые концепции на базе освоения опыта современной западной и отечественной философии искусства, осмысляется трансформация художественной онтологии под влиянием новых культурных феноменов постиндустриального общества: электронных медиа, компьютерных игр, рекламы. Сборник адресован исследователям искусства и культуры (эстетикам, искусствоведам, филологам), преподавателям и студентам, всем, кто интересуется искусством, его сложным «устройством» и существованием.

Хмелькова Н. В.

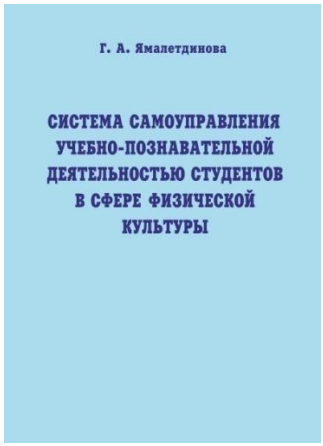
Теоретико-методологические основы ко-брендинга : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2013. – 294 с.

ISBN 978-5-7741-0217-4

В монографии предложен авторский взгляд на формирование теоретико-методологических подходов, позволяющих совершенствовать маркетинговые взаимодействия организаций в рамках ко-брендинговых стратегических маркетинговых альянсов.

Структура работы обусловлена стремлением автора раскрыть теоретические аспекты, методологию формирования и реализации ко-брендинга с междисциплинарных позиций и на основе системного подхода. В первых главах монографии дано теоретико-методологическое обоснование предпосылок возникновения ко-брендинговых стратегических маркетинговых альянсов, предлагаются направления совершенствования теории объединения брендов, методология, алгоритм и инструментарий ко-брендинга и организационно-экономический механизм его реализации. В заключительной главе работы определены современные направления реализации ко-брендинга в России и мире, представлены результаты апробации предложенных автором теоретико-методологических подходов в условиях международных и российских ко-брендинговых альянсов.

Монография адресована руководителям коммерческих и некоммерческих организаций, бренд-менеджерам, преподавателям, аспирантам, студентам и всем интересующимся последними тенденциями в теории и практике маркетинга и брендинга.



Ямалетдинова Г. А.

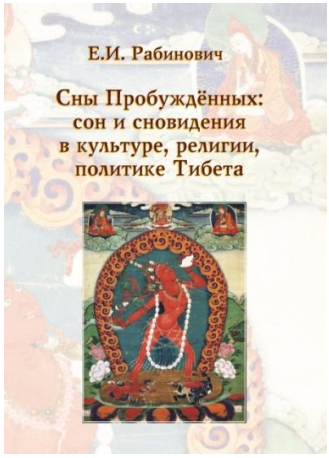
Система самоуправления учебно-познавательной деятельностью студентов в сфере физической культуры : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2013. – 278 с.

ISBN 978-5-7741-0218-1

В монографии раскрывается сущность и специфика самоуправления учебно-познавательной деятельностью студента вуза с использованием средств физической культуры и возможностей модульно-проектных технологий.

Рассмотрены структура и содержание комплекса условий (организационно-функциональных, процессуально-содержательных, управленческих и информационных) повышения эффективности процессов самоуправления учебно-познавательной деятельностью для проектирования личностных программ здорового стиля жизни и управление ими.

Монография носит теоретико-методологический и эмпирический характер и предназначена для специалистов сферы физической культуры, преподавателей вузов, аспирантов и студентов вузов.



Рабинович Е. И.

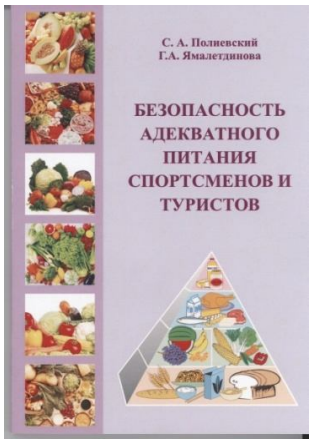
Сны Пробуждённых: сон и сновидения в культуре, религии, политике Тибета : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2013. – 200 с.

ISBN 978-5-7741-0196-2

Монография посвящена исследованию сна и сновидений как культурного феномена. Выявляются происхождение и эволюция представлений о сакральной природе сновидений в традиционных сообществах. Теоретические положения применяются автором к исследованию культурной модели сновидений в Тибете. Представлена и специфика культуры сновидений монгольских народов, исповедующих буддизм.

Читатель узнает, как из пространства снов индийских и тибетских святых возникали религиозные тексты, священные танцы, иконография божеств, актуальные политические модели. Познакомится с магическими практиками обретения пророческих сновидений, снами в тибетских житиях, явлениями божеств и кладами, извлеченными из мира снов. Увидит, как сновидения становились источником религиозных реформ и орудием политической борьбы.

Книга может быть полезна преподавателям и студентам гуманитарных факультетов – культурологам, религиоведам, востоковедам, историкам. Она адресована и широкому кругу читателей, интересующихся буддизмом Центральной Азии и иррациональными аспектами культуры в целом.



Полиевский С. А., Ямалетдинова Г. А.

Безопасность адекватного питания спортсменов и туристов : учебное пособие. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2013. – 172 с.

ISBN 978-5-7741-0189-4

Авторы пособия рассматривают питание как важнейший фактор адаптации организма спортсменов и туристов к физическим нагрузкам.

Гигиеническая и экологическая адекватность питания, контроль за качеством продовольственного сырья и пищевых продуктов на всех этапах их получения, переработки и реализации, характеристика пищевых отравлений, врачебно-санитарный контроль за организацией питания спортсменов и туристов – актуальные проблемы, находящиеся в сфере научных интересов авторов.

Пособие предназначено для студентов спортивных вузов, факультетов БЖД, врачей, тренеров, спортсменов. Книга может представлять интерес и для работников пищеблоков, обеспечивающих питание спортсменов.

Мугинштейн М. Л.

Хроника мировой оперы. 1600–1850. Екатеринбург : У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2005. – 640 с. : 947 ил.

ISBN 5-94799-423-2

Книга представляет первую в России систематизированную по хронологическому принципу 400-летнюю историю оперы: содержание 200 опер – большинство из них малоизвестны в России, – комментарий, сведения о постановках, аудио- и видеозаписях, насыщенная информация о композиторах и интерпретаторах, именные указатели. Прилагается компакт-диск с записями фрагментов важнейших сочинений.

«Хроника мировой оперы» не только летопись жанра в его значительных образцах, но и живая картина современного мирового театра, частью которого предстает Россия.

Предназначена для профессионалов и любителей оперы, а также для широкого круга читателей.

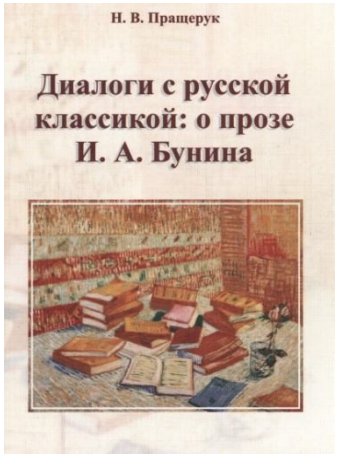
Мугинштейн М. Л.

Хроника мировой оперы. 1851–1900. Екатеринбург : Антеверта (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2012. – 616 с. : 688 ил.

ISBN 978-5-905148-06-4

Книга продолжает издание *авторской* энциклопедии, начатое в 2005 («Хроника мировой оперы. 1600–1850»). Она представляет первую в России систематизированную по хронологическому принципу 400-летнюю историю оперы: содержание, увлекательный комментарий, сведения о постановках, аудио- и видеозаписях, насыщенная информация о композиторах и интерпретаторах, именные указатели. «Хроника мировой оперы» не только летопись жанра в его значительных образцах, но и живая картина современного мирового театра, частью которого предстает Россия.

Предназначена для профессионалов и любителей оперы, а также для самого широкого круга читателей.



Пращерук Н. В.

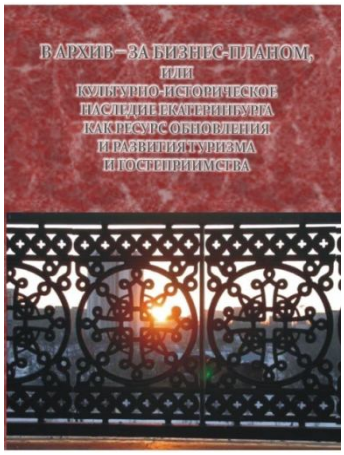
Диалоги с русской классикой: о прозе И. А. Бунина : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2012. – 144 с.

ISBN 978-5-7741-0187-0

В монографии исследуется диалогический потенциал прозы И. А. Бунина (1870–1953). Опираясь на идеи философовкоммуникаторов XX века – М. Бубера, К. Ясперса, М. Бахтина, В. Библера и др., автор показывает, как в художественной практике писателя выстраивается диалогический способ общения с русской литературной классикой XIX века.

На материале произведений 1910–1940-х годов исследуются конкретные межтекстовые связи, механизмы взаимодействия художников, специфика и предмет диалога Бунина с предшественниками. Выявляется, как соединяются в творчестве писателя определенность авторского видения и желание услышать голос собеседника.

Книга адресована преподавателям, студентам, изучающим эстетику, культурологию, теорию и историю литературы, а также мировоззренческие и методологические основы гуманитарных наук.



В архив – за бизнес-планом, или Культурно-историческое наследие Екатеринбурга как ресурс обновления и развития туризма и гостеприимства : колл. монография / Л. А. Мясникова, С. Ю. Каменский, С. А. Рамзина [и др.]; под общ. ред. проф., д-ра филос. наук Л. А. Мясниковой. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2011. – 368 с. : цв. фото.

ISBN 978-5-7741-0165-8

Одна из первых монографий, в которой исследуются возможности использования культурно-исторического наследия для развития туризма и гостеприимства Екатеринбурга.

Рекомендуется специалистам-практикам и теоретикам социально-культурного сервиса и туризма, краеведам, регионоведам, культурологам.

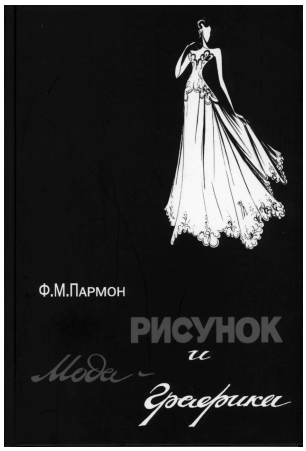
Майданова Л. М., Чепкина Э. В.

Медиатекст в идеологическом контексте : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2011. – 304 с.

ISBN 978-5-7741-0171-9

В монографии на материале советской и российской прессы нескольких последних десятилетий рассматриваются жанрово-стилистические изменения медиатекста, обусловленные сменой идеологического контекста. Авторы исследуют как соотношение советская/российская пресса, так и соотношение текстов разной идеологической направленности в российском медиадискурсе.

Книга рассчитана на читателей, интересующихся проблемами журналистики, и на студентов факультетов журналистики.



Пармон Ф. М.

Рисунок и мода-графика : учебник для вузов. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 2002. – 256 с. ил.

ISBN 5-901527-14-3

В книге излагается изобразительная грамота, рассматривается рисунок как наиболее быстрое и подвижное средство выражения творческой мысли художника. Большое внимание уделяется специальной художественной графике – мода-графике, составлению многопредметных художественно-графических композиций на основе предварительных зарисовок фигур человека в костюме или группы предметов /натюрморт/.

Основное внимание уделяется рисованию фигуры человека. Оригинальность издания заключается также в изложении изобразительной грамоты и мода-графики впервые с учетом направленности и специфики подготовки специалистов.

Для студентов вузов, а также колледжей, техникумов, училищ.

По вопросам приобретения книг обращайтесь
в редакционно-издательский отдел Гуманитарного университета.
E-mail: ektbriogu@mail.ru

Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования

ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Лицензия на осуществление образовательной деятельности
серия 90Л01 № 0000079, рег. № 0074 от 29.05.2012 г.
Свидетельство о государственной аккредитации серия ВВ № 001701, рег. № 1683 от 25 мая 2012 г.

АСПИРАНТУРА

В аспирантуру Гуманитарного университета на конкурсной основе принимаются граждане Российской Федерации, имеющие высшее профессиональное образование на уровне дипломированного специалиста или магистра по следующим направлениям:

- Психологические науки (37.06.01)
- Экономика (38.06.01)
- Социологические науки (39.06.01)
- Юриспруденция (40.06.01)
- Политические науки и регионоведение (41.06.01)
- Языкознание и литературоведение (45.06.01)
- Философия, этика и религиоведение (47.06.01)
- Культурология (51.06.01)

Срок обучения в аспирантуре
составляет 3 года (очная форма),
по заочной форме – 4 года.

Подготовка аспирантов в университете осуществляется:
- за счет ассигнований федерального бюджета;
- на платной основе.

Прием в аспирантуру проводится в следующие сроки:
- прием документов: с 1 июня по 25 августа;
- вступительные экзамены: с 1 сентября по 15 сентября.

Телефоны приемной комиссии: (343) 369-10-11, 271-58-56

Авторы статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации.
Точки зрения авторов статей и редакции могут не совпадать.

Научное издание

Вестник Гуманитарного университета
2014. № 4 (7)

Главный редактор Л. А. Закс

Редактор С. В. Фельдман
Переводчик Е. А. Батюта
Оригинал-макет В. В. Курьянович

Подписано в печать 30.12.2014.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 8,14
Тираж 100 экз. Заказ №

Гуманитарный университет
620049, г. Екатеринбург, ул. Студенческая, 19.
Лицензия № 0074 от 29.05.2012

Отпечатано с оригинал-макета
в копировальном центре
Гуманитарного университета
620041, г. Екатеринбург,
ул. Железнодорожников, 3